

Памятники Отечества

The background of the cover is a photograph of a sunset. The sky is a gradient of orange and red. In the middle ground, a dark silhouette of a hill features several onion domes, each topped with a cross, characteristic of a Russian Orthodox monastery. The water in the foreground is calm, reflecting the colors of the sky and the dark shapes of the buildings. The overall mood is serene and historical.

Быль
монастырская

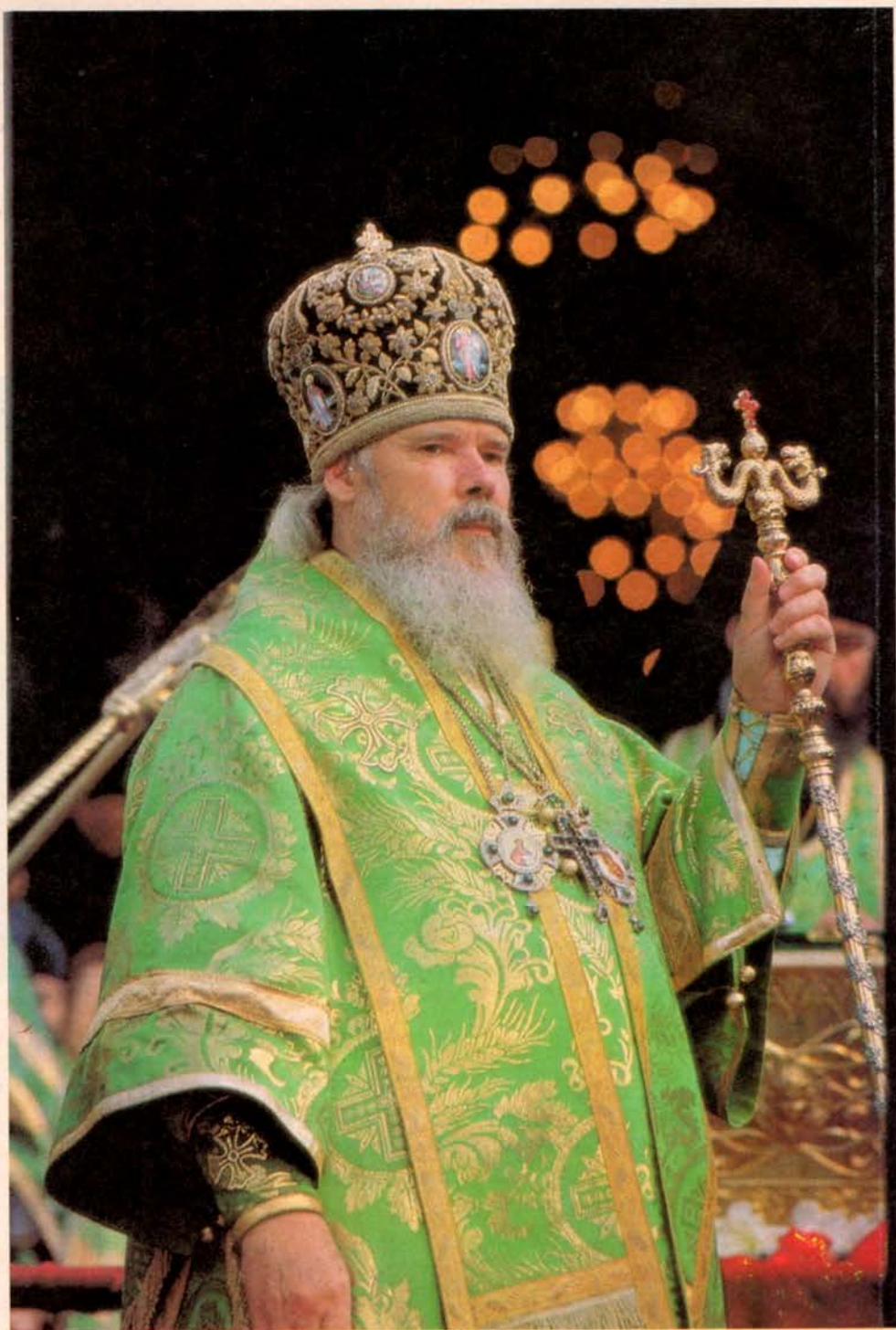
Альманах
Всероссийского общества
охраны памятников
истории и культуры

600-летию
памяти преподобного
Сергия Радонежского
посвящается

Икона «Явление
Богоматери Кириалу
Белозерскому». XVII в.

Icon "The Appearance of
the Virgin to St. Cyril
of Belozersk". 17th
century

Патриарх
Московский
и всея Руси
Алексий II
Фото
А. Миловского

Patriarch of
Moscow and
All Russia
Alexius II
Photo by
A. Milovsky

ОБРАЩЕНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II, К ЧИТАТЕЛЯМ АЛЬМАНАХА «ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВА»

Дорогие братья и сестры!

Монастыри России... Сколько их было на Святой Руси: мужских и женских, больших и малых, общеизвестных и почти неведомых, городских и сельских, открытых всякому паломнику и удаленных от житейской суеты, спрятавшихся в лесах и пещерах. Каждый, стремящийся к высотам духа человек, мог найти себе монастырь по сердцу. Для крестьян и дворян, для простых и знатных открывались монастырские врата, войдя в которые человек начинал новую, другую, иную жизнь. Он становился иноком. Все в монастыре помогало человеку преобразить себя, избавиться от тяжести грехов и постепенно, шаг за шагом взойти на небесную высоту богоуподобления.

С принятием христианства на Руси зародилось и монашество. Преподобные Антоний и Феодосий Киево-печерские положили начало монашеской жизни. Основанный ими монастырь со временем стал знаменитым центром монашеской культурной и духовной жизни на Руси. Нестор Летописец, Алипий Иконописец, многие архиереи Русской Церкви и основатели новых монастырей — все они ученики одной школы монашеской жизни — Киево-Печерской Лавры.

И таких школ православного подвижничества, культуры и благочестия было немало на Святой Руси. В этом году исполняется 600 лет со преставления преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца — основателя еще одной монашеской обители, известной сегодня всему миру Свято-Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде.

С XIV века и по сей день Лавра преподобного Сергия влечет к себе верующих людей со всех концов православной Руси. Посещают ее и паломники из-за рубежа. Как и во дни преподобного Сергия, сегодня монастырь щедро делится своим духовным богатством с каждым приходящим в него с верой и надеждой на неоскудевающую помощь Божию, видимым образом являющую себя через иноков — людей Божиих.

Ныне Русская Православная Церковь вновь обретает некогда поруганные, оскверненные и разграбленные святыни. Восстанавливается едва ли не прерванная живая духовная связь веков и поколений. Многие монастыри возрождаются из руин. Иных уже нет. Из более чем 1200 монастырей сегодня действует 144.

Хотя и медленно, но обретают они свой прежний статус центров религиозно-нравственного воспитания, христианского просвещения и благотворительности. Нелегко этот путь. Но, по слову Священного Писания, сила Божия в немощи совершается (2 Кор. 12,9).

Российское монашество обретает силу. А значит, выстоит и Россия. Народ, у которого есть вечные, непреходящие ориентиры — непобедим.

Пусть же каждый из нас почувствует свою глубокую причастность поистине великому духовному наследию и постарается быть достойным соратником Божиим на ниве отечественного просвещения и культуры.

17 апреля 1992 года

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Троице-Сергиева Лавра
Фото
А. Миловского
The
Trinity-Sergius
Lavra. Photo
by A. Milovsky

В ПОХВАЛУ СЕРГИЮ

600 ЛЕТ

имя и жизненный подвиг Сергия Радонежского укрепляют наш народ на трудных путях истории.

Нетленны мощи Сергия в серебряной раке,
нетленно и неизбежно его духовное наследие

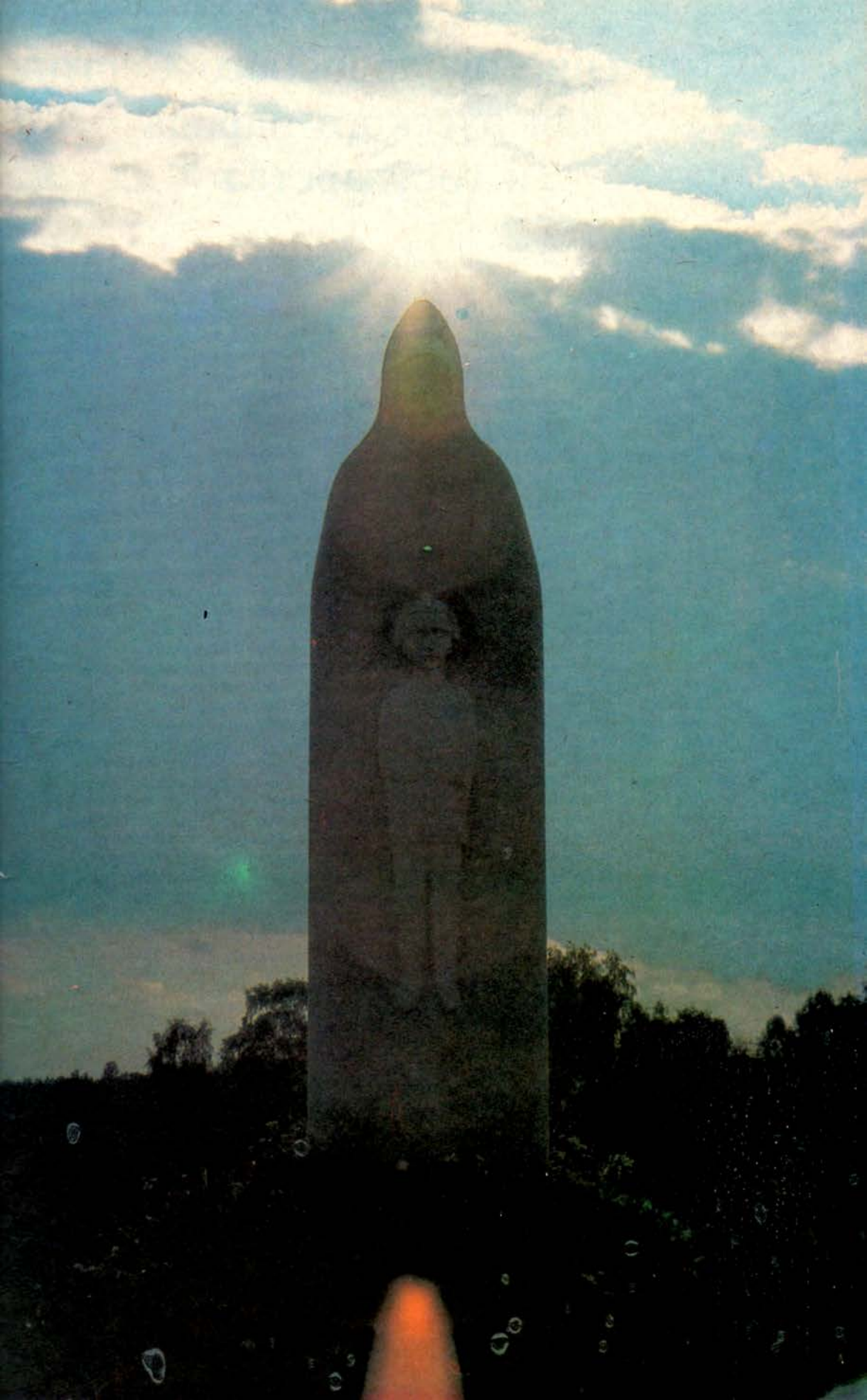
Рождение
Варфоломея.
Миниатюра
XVI в.

The Birth of
Bartholomew.
16th-century
miniature

Памятник преп.
Сергию в
Радонеже.
Скульптор
Вячеслав
Клыков, 1988

Фото
А. Миловского.

Monument to
St. Sergius
in Radonezh.
Sculptor
Vyacheslav
Klykov, 1988
Photo by
A. Milovsky

Значение преподобного Сергия для русского народа и государства

Василий КЛЮЧЕВСКИЙ

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Еще при жизни преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают к гробу преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменился в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью преподобного, что в эти 500 лет

было молчаливо передумано и перечувствовано пред его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если преп. Сергий доселе остается для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни, то и теперь на их лицах можно прочесть то же, что прочитал бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества, в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего

века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спало все временное и местное и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дороге имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя преподобного Сергия; это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго подвергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князья, братья Юрий и этот самый Иван Калита, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли

поставить, вступили в борьбу со старшими сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно не испытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV века подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало одобрение, что скоро забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV века, свершились три знаменательных события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексей, тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий преподобный Сергий, в дремучем лесу — вот на этом самом месте — поставил маленькую деревянную келию с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетчика родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним задушевный рассказ в житии преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 с лишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV века. Это дело было испол-

нением завета, данного русской церковной иерархии величайшим святителем древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших св. мужей XIV века, воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвешенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг, Стефан — новый финско-русский север, а Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, великорусскую средину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание ветхаго и новаго завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собраться в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединявшиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу провидения. Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексей шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в Орду улаживать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы как единственно-го церковного средоточия всей политиче-

ски разбитой Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную чужд, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа: это — сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточноевропейских и азиатских инородцев к русской церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской церкви, для этого самому русскому обществу должно было встать в уровень столь высокых задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применять к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишениях среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. По последующей самостоятельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хо-

рошего инструмента, лучшие ее чувства, — то уменье, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV века, кн. Олег Иванович рязанский, когда по просьбе великого князя московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилев его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами «прииди и виждь», то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия почитать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись необрунные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков; сколько заплат на сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно же воспроизвести слагавшееся из этих

наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV века. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергий в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали участниками приносимой ими благодатной росы, — никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем преподобного Сергия. Один из этих факторов — великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой — целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни. Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарины, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», — и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах преподобного Сергия и вместе с князем Димитрием Донским бившегося на Куликовом поле.

Чувство нравственной доброты, духовной крепости, которое преподобный

Сергий вдохнул в русское общество, еще и Литва запирали выход из этого угольни- живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет — 1240—1340 годы — возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие — 1340—1440 годы, когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходит в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем: исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает сама идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времен преп. Сергия. До половины XIV века почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в лесной глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества, к борьбе с недостатками духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством для достижения первой.

Преподобный Сергий со своею обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевой обители, монастыри, основанные учениками преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри подобно своей митрополии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До половины XIV века масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жались здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары

и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходимый край, кое-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», т. е. мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV века возникло среди лесов коstromского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фивандой православного Востока. Старинные памятники истории русской церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корни деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великокороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанного духом, какой вдохнул в русское общество преподобный Сергий.

Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом.

Время давно свеяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе парит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невинно стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для

передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виножник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: «Какое может в сих странах таков светильник явиться?» Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось Чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они вводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современ-

ники. Так духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того, как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятнями срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самонение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота лавры преподобного Сергия заворотаются и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

Публикация представляет собой речь В. О. Ключевского, произнесенную на собрании Московской Духовной академии (Сергиев Посад) в память Сергия Радонежского. Впервые напечатана в Богословском Вестнике, 1892, № XI (Сергиев Посад). Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Ключевский В. Очерки и речи: Второй сборник статей. — М., 1913. — С. 199—215.

Предвечный совет

«Торжество той религиозной мысли, которая одинаково одушевляла и русских подвижников, и русских иконописцев того времени, обнаруживается в особенности в одном ярком примере. Это престольная икона Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры — образ живоначальной Троицы, написанный знаменитым Андреем Рублевым «в похвалу» преподобному Сергию... после его кончины, по приказанию ученика его — преподобного Никона. В иконе выражена основная мысль всего иноческого служения преподобного. О чем говорят эти грациозно склоненные книзу головы трех ангелов и руки, посылающие благословение на землю? И отчего их как бы снисходящие к чему-то низлежащему любвеобильные взоры полны глубокой, возвышенной печали? Глядя на них, становится очевидным, что они выражают слова первосвященнической молитвы Христовой, где мысль о святой Троице сочетается с печалью о томящихся внизу людях. «Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Иоанн, XVII, 11). Это — та самая мысль, которая руководила св. Сергием, когда он поставил собор св. Троицы в лесной пустыне, где выли волки. Он молился, чтобы этот зверообразный, разделенный ненавистью мир преисполнился той любовью, которая царствует в Предвечном Совете живоначальной Троицы. А Андрей Рублев явил в красках эту молитву, выразившую и печаль, и надежду св. Сергия о России».

Евгений Трубецкой, 1918.

«На доске изображена в традиционной византийской иконографической схеме ветхозаветная Троица, выделенная из сцены явления Аврааму трех ангелов под дубом Мамврийским как образ Господней трапезы или как прообраз ехва-

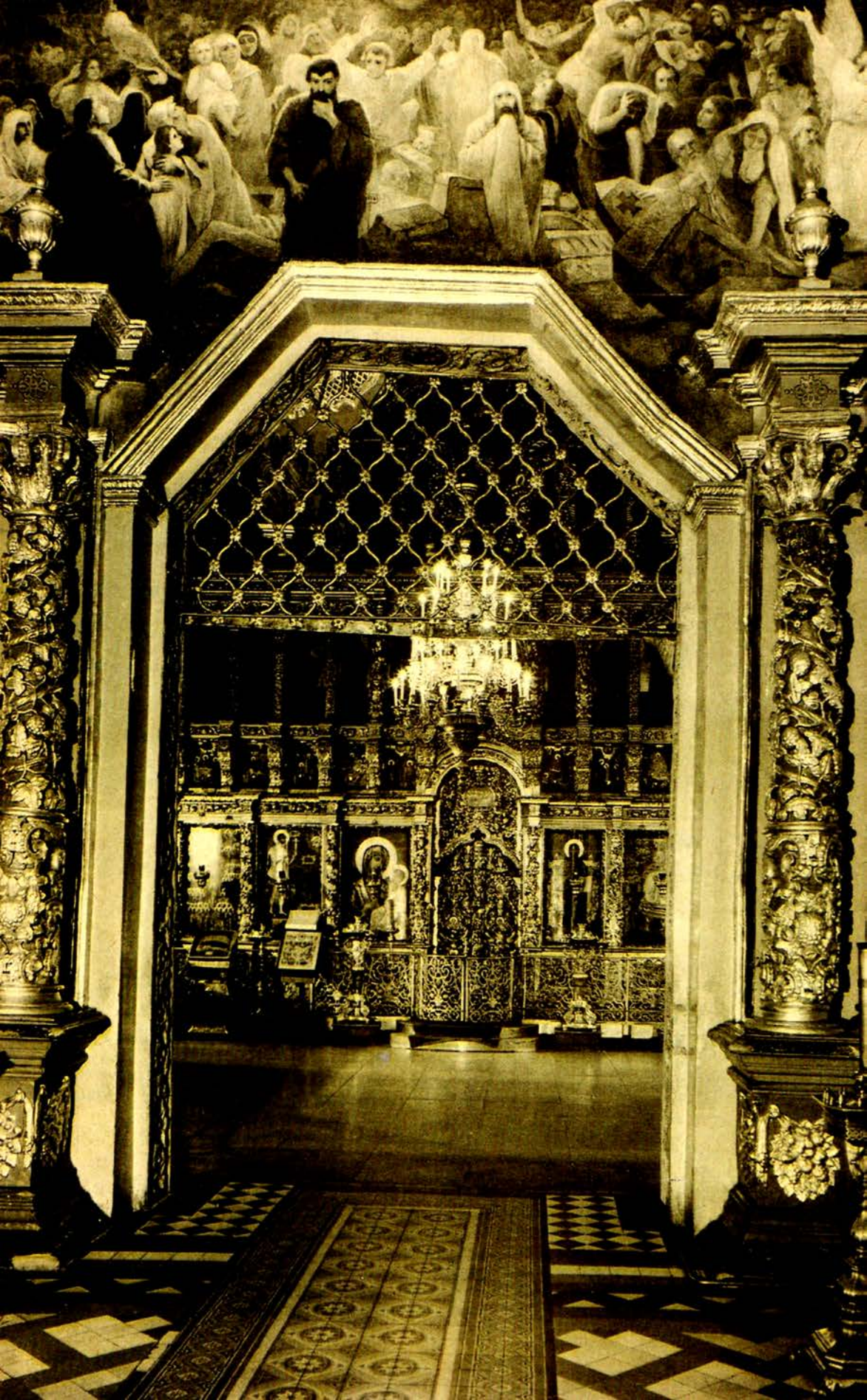
ристии. Ангелы в одеяниях густого теплого тона — медленны и нежны движения рук — сидят на невысоких седищах вокруг трапезы, склоняясь с бесконечной грацией убранные пышными высокими прическами головы и с какой-то меланхолически строгой задумчивостью устремляя глаза в немую и тихую вечность. В иконе нет ни движения, ни действия — это триединое и неподвижное созерцание, словно три души, равной полноты духа или ведения, сошлись, чтобы в мистической белизне испытать свое смирение и свою мудрость перед жизнью, ее страданиями и ее скорбью. Ангелы даже не имеют внутренних, нестилистических отношений друг к другу, они только повторяют трижды одну и ту же душевную тишину, и от этого повторения сила этих молчаний приобретает величие, тишина ширится, покрывает собою всю икону, все горизонты мира, небо и пространства между звезд; покоренные ею горы и символическое дерево склоняются, следуя ангельским движениям, замыкают их собою, образуют единственный ритм всей композиции, усиливающийся усталым спокойствием ангельских крыл. В этом словно все время нарастающем движении линий, в невозмущенной тишине душевного мира, в безболезненно чистом созерцании одиноких и остро печальных ликов вычерчивается незаметными, едва ощутимыми линиями индивидуальная сущность каждого из трех посланцев неба; пусть это — одна душа, но у нее три формы, и она трепещет по-разному в этих формах, подобно тому как свет месяца по-разному трепещет в приходящих и уходящих волнах. Это тончайшее разделение внутренне и внешне связанных состояний духа, в сущности, и есть художественное содержание иконы, ее тема, ее идея, идея совершенно исключительная по глубине и крайне сложная в выражении».

Николай Пунин, 1915.

Андрей Рублев. Ветхозаветная Троица. Икона XV в.

Andrei Rublev. Old Testament Trinity. 15th-century icon

Троице-Сергиева Лавра и Россия

Павел ФЛОРЕНСКИЙ

I

Посетивший Троице-Сергиеву Лавру в XVII веке, именно 11 июня 1655 года, архидиакон Антиохийского Патриарха Павел Алеппский отзывался о ней с величайшим восхищением, как о прекраснейшем месте всей земли. Церковь же Святой Троицы «так прекрасна,— по его словам,— что не хочется уйти из нее». Нам нет нужды заподозривать искренность этого суждения, ведь Павел Алеппский писал не для печати, а исключительно для себя и для своих внуков, и лишь в наше время его впечатления стали общим достоянием. Неправильно было бы отвести это свидетельство и ссылкой на восточное красноречие писателя: ведь если арабская фантазия его, а точнее сказать огнистость восприятий, способна была видеть в окружающем более художественных впечатлений, чем притупленная и сыrovатая впечатлительность северян, то одинаковой оценке подвергалось все виденное и среди всего Лавра оказывается на исключительном месте; очевидно, она и была таковою. Это свидетельство Павла Алеппского невольно проверяет на себе всякий, кто прожил достаточно времени возле «Дома Пресвятыя Троицы», как выражаются наши летописцы. При туристском обходе Лавры беглому взору впервые разvertывается не подавляющее количество, но действительно изысканное богатство художественных впечатлений от нее. Есть, однако, и гораздо более тонкое очарование Лавры, которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это — истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом Преподобного Сергия.

Неотразимость этого очарования — в его глубокой органичности. Тут — не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и вместе абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это-то всестороннее жизненное единство Лавры, как микрокосмоса и микроистории, как своего рода концепта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрание наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь — Россия ощущается как целое.

Подобно тому как художественный портрет бесконечно более плотен, так сказать, нежели фотографический снимок, ибо сгущенно суммирует в себе многообразие различных впечатлений от лица, которые фотографической пластинкой улавливаются лишь случайно и разрозненно, так и Лавра есть художественный портрет России в ее целом, по сравнению с которым всякое другое место — не более как фотографическая карточка. В этом смысле можно сказать, что Лавра и есть осуществление или явление русской идеи — энтелихия, скажем, с Аристотелем. Вот откуда это неизъяснимое притяжение к Лавре! Ведь только тут, у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное — ее провинция и окраины. Только тут, повторяю, грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно соразмерным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни,

Интерьер трапезной церкви в Троице-Сергиевой Лавре

Interior of the church refectory at the Trinity — Sergius Lavra

от этой точки взаимоопоры различных сил русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность. Я почти подхожу к тому слову о местности, пронизанной духовной энергией Преподобного Сергия, к тому слову, которому пока еще все никак не удается найти себе выражения. Это слово — античность. Вжившийся в это сердце России, единственной законной наследницы Византии, а через посредство ее, но также — и непосредственно — древней Эллады, вжившийся в это сердце, говорю, здесь, у Лавры, неумоимо пронизывается мыслью о переключениях, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью. Не о внешнем, а потому поверхностно-случайном, подражании античности идет речь, даже не об исторических воздействиях, впрочем, бесспорных и многочисленных, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сродству родового склада, включительно иногда до мельчайших своеобразностей и до интонации и тембра голоса, которое может быть у членов фамилии и при отсутствии поражающего глаз внешнего сходства. И если вся Русь, в метафизической форме своей, сродни эллинству, то духовный родоначальник Московской Руси воплотил в себе эту эллинскую гармонию совершенной, действительно совершенной личности с такою степенью художественной проработки линий духовного характера Руси, что сам, в отношении к Лавре, или точнее — всей культурной области, им насквозь пронизанной, есть — возвращаюсь к прежнему сравнению — портрет портрета, чистейшее выражение той иной сущности, которая сквозит многообразно во всех сторонах Лавры как целого. Если Дом Преподобного Сергия есть лицо России, явленное мастерством высокого искусства, то основатель ее есть первообраз ее, этого образа России, первоявление России, скажем о Гете, или, обращаясь к родной нашей терминологии, л и к ее, — лик лица ее, ибо под «ликом» мы разумею чистейшее явление духовной формы, освобожденное ото всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего чистые, проработанные линии ее. В церковном сознании, не том скудном сознании, которое запечатлено в богословских учебниках, а в соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание живущем в духовном самосознании народа Дом Живоначальная Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, Преподобный Сергий Радонежский, — «особым на-

шего Российского царствования хранителем и помощником», — как сказали о нем цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1689 году, — особым покровителем, хранителем и вождем русского народа, — может быть, точнее было бы сказать — Ангелом-Хранителем России. Не в сравнительных с другими святыми размерах исторического величия тут дело, а — в особой творческой связанности Преподобного Сергия с душою русского народа. Говоря о своем отце, как об исключительном для меня человеке, я этим даже не ставлю вопроса о сравнительных его размерах с другими отцами, но тем не менее он — мой, он именно, и вникая в себя, я не могу не сосредоточиться исключительным образом именно на нем. Так, в стремлении познать и понять душу России, мы не можем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской — Сергии, а ведь народная, церковная мысль об Ангелах-хранителях весьма близко подходит к философским понятиям: Платоновской идее, Аристотелевской форме, или скорее энтелехии, к позднейшему, хотя и искаженному, понятию идеала, как сверх-эмпирической, выше-земной духовной сущности, которую подвигом художественного творчества всей жизни надлежит воплотить, делая тем из жизни — культуру. Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни «чюдного старца, святого Сергия», как свидетельствуют о нем его современники.

II

Время Преподобного Сергия, то есть время возникновения Московской Руси, совпадает с одной из величайших культурных катастроф. Я разумею конец Византии, ибо Преподобный Сергий родился приблизительно за полтораста, а умер приблизительно за шестьдесят лет до окончательного падения Константинополя. Но светильник перед угасанием возгорает ярче; так Византийское Средневековье перед падением дает особенно пышный расцвет, как бы предсмертно, с обостренной ясностью сознавая и повторяя свою идею: XIV век ознаменован так называемым третьим Возрождением Византии при Палеологах. Все духовные силы царства Ромеев тут вновь пробуждаются — и в умозрении, и в поэзии, и в изобразительных искусствах. Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии, из рук в руки принимая, как свое драгоценнейшее достояние, Прометеев огонь Эллады. В Преподобного Сергия, как в воспринимающее око, со-

П. Флоренский
с супругой
А. Флоренской
P. Florensky
with his wife
A. Florenskaya

бираются в один фокус достижения греческого Средневековья и культуры. Разошедшиеся в Византии и там раздробившиеся, — что и повело к гибели культуры, — тут в полжизненном сердце юного народа они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности и из нее, от Преподобного Сергия, многообразные струи культурной влаги текут, как из нового центра объединения, напавшая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение.

Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновенное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического, Преподобным Сергием.

Однако взгляды, какова форма того объединения всех нитей и проблем культуры, которая была воспринята Преподобным от умирающей Византии. Ведь не мыслить же Преподобного полигистором или политехником, в себе одном совмещающим всю раздробленность Византийской культуры. Конечно, нет. Он прикоснулся к наиболее огнистой верши-

не греческого Средневековья, в которой, как в точке, были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух; — этою вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко разгоревшаяся вновь во времена Преподобного. Я знаю: для невникавших в культурно-исторический смысл религиозно-метафизических споров Византии за ними не видится ничего, кроме придворно-клерикальных интриг и богословского педантизма. Напротив, вдумавшемуся в догматические контрверсы рассматриваемого времени беспорно их неизмеримо важная, общекультурная и философская подоснова, символически завершающаяся в догматических формулах. И споры об этих формулах были отнюдь не школьными словопрениями о бесполезных тонкостях отвлеченной мысли, но глубочайшим анализом самых условий существования культуры, неутомимой и непреклонной борьбой за единство и самое существование культуры, ибо так называемые ереси, рассматриваемые в культурно-историческом разрезе, были, по своей подоснове, попытками подрыть фундаменты античной культуры и, нарушив ее целостность, тем неспрововергнуть сполна. Богословски все догматические споры, от первого века начиная и до наших дней, приводятся только к двум вопросам: к проблеме Троицы и к проблеме Воплощения. Эти две линии вопросов были отстаиванием абсолютности Божественной, с одной стороны, и абсолютной же духовной ценности мира — с другой. Христианство, требуя с равной силой и той и другой, исто-

рически говоря, было разрушением преграды между только-монотеистичным, трансцендентным миру иудейством и только-пантеистичным и имманентным миру язычеством, как первоначал культуры. Между тем самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а следовательно — и сущую в себе, неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушной перстам ваятеля:

...Сама в перстах слагалась глина
В обличья верные моих сынов,—

свидетельствует о творчестве устами Прометейя глубинный исследователь художественного творчества. Итак, если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать и, следовательно, невозможно самое понятие культуры; если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму, и, следовательно, снова останется она сама по себе, вне культуры, и, следовательно, снова уничтожается понятие культуры. Нападения на это понятие были все время то с одной, то с другой стороны — то со стороны одностороннего язычества, то со стороны одностороннего иудейства, и защита культуры, в самых ее основах, всенародным соборным сознанием всегда была борьбой за оба взаимно необходимые начала культуры. Смотря по характеру нападений, и самая защита схематически чеканилась в лозунгах, имеющих, на вкус случайного обозревателя истории, узкий и схоластический характер догматических формул, но полных соками жизни и величайшей общекультурной значимости, при рассмотрении их в контексте культуры. Два принципа культуры, — они же — предельные символы догматики, — взаимно подкрепляемые и взаимно разъясняемые, как основа и уток, сплетают ткань русской культуры. Притом Киевская Русь, как время первообразования народа, как сплетение самых тканей народности, раскрывается под знаком идеи о Божественной восприимчивости мира, тогда как Руси Московской и Петербургской, как веку оформления народа в государство, маячит преимущественно другая идея, о воплощающем, превышемиром Начале ценности. Женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии-Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московской и Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы. Родоначальники двух основных

пластов русской истории — Киевского и Московского — вместе с тем суть величайшие провозвестники этих двух основных идей русского духа.

III

Это они первыми узрели в иных мирах первообразцы тех сущностей, которыми определяется дух русской культуры, — вовсе не богословской науки только, культуры не церковной только, ложно понимая это слово, как синоним «клерикальный», но во всей ширине и глубине ее, церковной — в смысле всенародной, целостной русской культуры, во всех ее как общих, так и частных обнаружениях. Да, равноапостольный Кирилл узрел в таинственном сновидении, в видении детского возраста, когда незапятнанная душа всецело определяется явленным ей первообразом Горнего мира, узрел Софию, и в его восприятии Она — Божественная восприимчивость мира — предстала как прекраснейшая Дева царственного вида. Избрав ее себе в невесты на сонмах прочих дев, равноапостольный Кирилл бережно и благоговейно пронес этот символ через всю свою жизнь, сохранив верным свое рыцарство Небесной Деве. Этот символ и сделался первой сущностью младенческой Руси, имевшей воспрять от царственных щедрот Византийской культуры.

Первый по времени русский иконографический сюжет — икона Софии Премудрости Божией, этой царственной, окрыленной и огненноликой, пламенеющей эросом к Небу Девы, исходит от первого родоначальника русской культуры — Кирилла. Нужно думать, что и самая композиция Софийной иконы, исторически столь таинственной, — имею в виду древнейший, так называемый Новгородский тип, — дана Кириллом же. Около этого небесного образа выкристаллизовываются Новгород и Киевская Русь. Не забудем, что самый язык нашей древнейшей письменности, как вместе с ним и наша древнейшая литература, пронизанная и формально и содержательно благороднейшим из языков — эллинским, был выкован, именно выкован, из мягкой массы языка некультурного — Кириллом, другом Софии, ибо прозвание его — Философ, и что около Софийского храма, около древнейших наших Софийных храмов обращается рыцарственный уклад средневековой Киевской Руси. Но вот, за доверчивым приятием эллинства и за формированием извне женственной восприимчивости русского народа, приходит пора мужественного самосознания и духовного самоопределения, создание государственности, устойчивого быта, проявление всего своего активного творчества в искусстве и науке

Сергий
Радонежский с
житием.
Икона нач. XVI в.

St. Sergius of
Radonezh
with scenes from
his Life. Early
16th-century icon

и развитие хозяйства и быта. Новое видение Горнего первообраза дается русскому народу в лице его второго родоначальника — Преподобного Сергия, и опять небесный зрак выкристаллизовывается в его душе с детского, на этот раз еще более раннего, а по сказанию жития — даже утробного возраста. Нам нет надобности опровергать или защищать сказание жития о том, как младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу, ибо важно народное сознание, желающее этим сказать: «Вот как глубоко определился дух Пре-

сы глубоко занимали и Преподобного Сергия — для осведомленности в них он посылал в Константинополь своего доверенного представителя. Выговорив это свое последнее слово, Византия завершила свою историческую задачу, и ей делать было больше нечего. В истории открылся новый век — век культурного воплощения этого слова, и культурная миссия переходила к новому народу, уже освоившему добродетель восприимчивости, а потому — и способность воплощать в себе Горний первообраз. Византийская держава выродилась в «греко-

Богослужение
в Троице-Сергиевой
Лавре.
Фото В. Семина
Divine service
at the
Trinity-Sergius
Lavra. Photo by
V. Semin

подобного Горним первообразом, еще в утробе материнской весь ему преданный и весь им проработанный». Этим первообразом была абсолютность Пресвятой Троицы, приблизительно в это время, во время Преподобного Сергия, предельно довыясненная и досказанная в так называемых паламитских спорах и в вопросах об «общей благодати Пресвятой Троицы» церковною мыслию Византии. Эти вопро-

сов», а из русских болот возникло Русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы.

IV

Нередко говорится, что деревянный храм Пресвятой Троицы, построенный Преподобным Сергием в Лавре и затем вновь возведенный из белого камня Преподобным Никоном, есть первая по времени в мире церковь во имя Пресвятой

Троицы. Сейчас трудно отстаивать внешне-фактическую точность этого первенства: древние историки упоминают до четырех храмов во имя Пресвятой Троицы на Востоке и два — на Западе в IV—IX веках; но если бы эти свидетельства и были достоверными, то все же такое храмоздательство не вошло в обиход, и даже названные церкви не удержали долго своего имени, так что впоследствии Восток не имел Троицких храмов. В наших летописях уже в XII, XIII и XIV веках упоминаются храмы Троицкие: так, в Кракове, в Лысце, несколько в Новгороде Великом, в Холме, в Серпухове, в Паозерье и, главное, соборный в Пскове. Точно ли позднейшая редакция летописных известий соответствует древним записям или же названные храмы, первоначально все деревянные и горевшие, были лишь впоследствии переименованы в Троицкие и названы в летописях, в более древних известиях, этим именем только ретроспективно, — сказать трудно. Но бесспорно, во-первых, существовавшее в древности переименование храмов (так, например, Лаврский Святого Духа был первоначально во имя Троицы), во-вторых, варианты в летописных известиях (например, Троицкий Краковский, называется и Богородичным) и, наконец, в порядке раскрытия богословско-философского сознания, — сравнительно поздняя, в XIV веке лишь, установка симметричной Троицкой формулы, каковая именно в XIV веке, в Восточной Церкви, делает идею Троицы предметом особого внимания и ведет потому к строительству Троицких храмов, развитию Троицкой иконографии, созданию цикла Троицких празднеств и новой литургической поэзии. Поэтому весьма мало вероятно построение храмов Троицких до этого роста Троицкой идеи в XIV веке; но если бы несколько таких храмов и в самом деле было в века предшествующие, то они не могли быть сознательно воздвигнутыми символами идеи еще не оформившейся и, следовательно, должны быть рассматриваемы либо как исторические случайности, не входящие в планомерное течение истории, либо — как смутные предчувствия того целостного явления, которое раскрывается лишь с XIV века. Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой: оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории, Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрасталось собою творческое томление всего народа. Но тем не менее это оно именно творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одном слове. Тако-

вым было слово Преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им. В этом смысле неоспоримо мировое первенство лаврского собора Пресвятой Троицы. Начало западноевропейской самостоятельности в Петербургский период России опять ознаменовано построением Троицкого собора. Этим установил Петр Великий духовную связанность Санкт-Петербурга и Москвы. Таким же построением было ознаменовано в свое время и начало самостоятельности России на Востоке.

Чтитель Пресвятой Троицы, Преподобный Сергей строит Троицкий храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него, — по выражению жизнеописателя Преподобного Сергия, — побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Троица называется Живоначальной, то есть началом, истоком и родником жизни, как Единодушная и Нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной разделенности противостоит живоначальное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троицкий храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип соборования Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание: все стороны русской жизни. Широкое гостеприимство, заповеданное Преподобным Сергием и возведенное в силу закона царем Алексеем Михайловичем, дары всех родов, начиная от хлеба и кончая исцелением тел и душ, причем не забыты даже утешения детям — игрушки, самим Преподобным изготовляемые, все это вместе, по замыслу прозорливого открывателя Троицкого культурного идеала России, должно было стать благоприятным условием для «взирания» на храм Пресвятой Троицы и созерцания в нем первообраза Божественного единства. Отныне Троицкое храмоздательство связывается с именем Преподобного Сергия, и не без причины Троицкие храмы имели обычно Сергиевские приделы.

Но если храм был посвящен Пресвятой Троице, то должна была стоять в нем и храмовая икона Пресвятой Троицы, выражающая духовную суть самого храма, — так сказать, осуществленное в

красках и мя храма. Трудно при этом представить, чтобы ученик ученика Преподобного Сергия, так сказать, духовный внук его, почти ему современный, работавший уже при его жизни и, вероятно, лично знавший его, осмелился бы заменить композицию Троичной иконы, бывшую при Преподобном и им утвержденную, самочинной композицией того же первообраза. Миниатюры Епифаниева жития представляют икону Троицы в келии Преподобного Сергия не с самого начала, а лишь с середины жизни, т. е. свидетельствуют о возникновении ее именно среди деятельности Преподобного. Если первоявленная Софийная икона, неизвестная Византии, впервые создается в Киевской Руси, с самым ее возникновением, восходя к видению младенца Кирилла, рыцаря Софии, то икона Троичная, дотеле неизвестная миру, появляется впервые в Московский период Руси, опять-таки в самом его начале, и художественно воплощает духовное созерцание служителя Пресвятой Троицы — Сергия. Мы сказали «неизвестная миру»; но и тут, как и в утверждении о Троицком Соборе, требуется различение духовного смысла, как символического содержания, и тех исторически выработанных материалов, которые привлечены к воплощению символа. Если в отношении к знаменитой рублевской Троице мы говорим о последних, то тогда, конечно, ее должно рассматривать лишь как звено в цепи развития изобразительных искусств вообще и композиции трех Странников-Ангелов — в частности. История этой композиции очень длинна, ибо уже в 314 году у дуба Мамврийского, по известию Юлия Африкана, была картина, изображавшая явление трех Странников Аврааму, а в V и в VI веках известны подобные же изображения на стенах римской церкви Марии Маджоре в равеннской святого Виталия. С тех пор этот иконографический сюжет встречается не раз; но нужно вникнуть в духовный смысл этих изображений, прежде чем устанавливать их связь с Троицей Рублева. Изображение женщины с ребенком на руках вовсе не есть первообраз Сикстины, ибо в Сикстине творческим мы признаем вовсе не сюжет материнства, каковой доступен всякому, а именно Богоматеринство, открывшееся Рафаэлю. Так точно три фигуры за обеденным столом, хотя бы даже и снабженные крыльями, просто не могут быть даже сопоставляемы с Троицей Рублева, ибо этим сюжетом (содержание) названной иконы еще нисколько не определяется. Композиция трех Странников с предстоящим Авраамом, или позже — без него, есть не более как эпизод из жития Авраама, хотя бы даже, условно-алле-

горически, принято была усматривать в ней намек на Пресвятую Троицу. Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чих-либо других руках те же краски и те же приемы, — а то, что он воистину передал нам узренное им откровение. Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирья, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» Горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер Горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего о ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалою, — все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви: все — лишь около нее и для нее, ибо она — своею голубизною, музыкою своей красоты, своим пребыванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений и разделений, — есть само Небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего. Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально-твердое и непоколебимо-верное видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собою Небесный первообраз, а вокруг себя — земное отображение, — быть в среде духовной, в среде умиренной. Андрей Рублев питался как художник эм, что дано ему было. И потому не Преподобный Андрей Рублев, духовный внук Преподобного Сергия, а сам родоначальник земли Русской — Сергей Радонежский должен быть почитаем за истинного творца величайшего из произведений не только русской, но и, конечно,

всемирной кисти. В иконе Троицы Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных Преподобным Сергием. Это — второй символ русского духа; под знаком его разворачивается дальнейшая русская история, и достойно внимания, хотя иного и ждать было нельзя, что величайший литургический сдвиг, в котором своим чередом выразились русская идея и своеобразные черты русско-

ницы, бывший на месте нынешнего Троицкого дня, был праздником исторического, а не открыто-онтологического значения. С XIV века на Руси он выявляет свою онтологическую суть, делаясь праздником Пресвятой Троицы, причем третья молитва на вечерне, обращенная ко Христу, соединяется теперь с новой молитвою — к Духу Святому, впоследствии отмененной, согласно византийскому образцу, реакционной и вообще антинациональной деятельностью Патриарха

Праздничный
день в Лавре
Фото В. Семина
On a Church
Feast Day at
the Lavra. Photo
by V. Semin

го духа, опять-таки связываются с именем Преподобного Сергия. Я говорю о Троицном дне как литургическом творчестве именно русской культуры и даже, определеннее, — творчестве Преподобного Сергия. Напомним, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троицных храмов, ни Троицных икон. Последнее слово Византии в области догматической стало истинным выходом первых творческих сил русской культуры. Праздник Пятидесят-

Никона. Почитание же Духа Утешителя, Надежды Божественной, как духовного начала Женственности, сплетается с циклом представлений Софийных и переносится на последующий за Троицею день — День Духа Святого, в каковой, по проникновенной догадке нашего народа, «Земля — именинница», т. е. празднует своего Ангела, свою духовную Сущность — Радость, Красоту, Вечную Женственность.

Праздник Троицы, нужно полагать,

впервые появляется в качестве местного храмового праздника Троицкого собора — как чествование «Троицы» Андрея Рублева. Подобно тому как служба Иерусалимского храма Воскресения — в мире, по самому месту своего совершения, единственная — делается образом и образцом службы Воскресной, повсюдно совершаемой, и вводится затем в устав, или подобно тому как празднество Воздвижения Креста Господня, опять-таки первоначально единственное, по самому предмету празднования, по единственности Животворящего Креста, уставно распространяется в качестве образца (аналогичных примеров перехода единичного литургического явления в устав можно привести и еще немало), так точно местное празднование единственной иконы единственного храма, будучи духовною сущностью всего русского народа, бесчисленными отражениями воспроизводится в бесчисленных Троицких храмах, с бесчисленными иконами Троицы. Предмет, отраженный тысячу зеркал, среди тысячи своих отражений все же остается основой реальности всех их и реальным их центром. Так, первое воплощение духовного первообраза, определившего суть России, — первообраз Пресвятой Троицы как культурной идеи, несмотря на дальнейшее разномыслие свое, все же остается историческим, художественным и метафизическим уником, не сравнимым ни с какими своими копиями и перекопиями. Прекраснейшее из зданий русской архитектуры, собор Троицкий, «из которого не хочется уходить», — по вышеупомянутому признанию Павла Алеппского, — и прекраснейшее из изображений русской иконописи — рублевская Троица, как и прекраснейшее из музыкальных воплощений, несущее великие возможности музыки будущего, служба вообще и Троицына дня в частности значительно вовсе не только как красивое творчество, но своею глубочайшею художественной правдивостью, то есть полным тождеством покрывающих друг друга первообраза русского духа и творческого его воплощения.

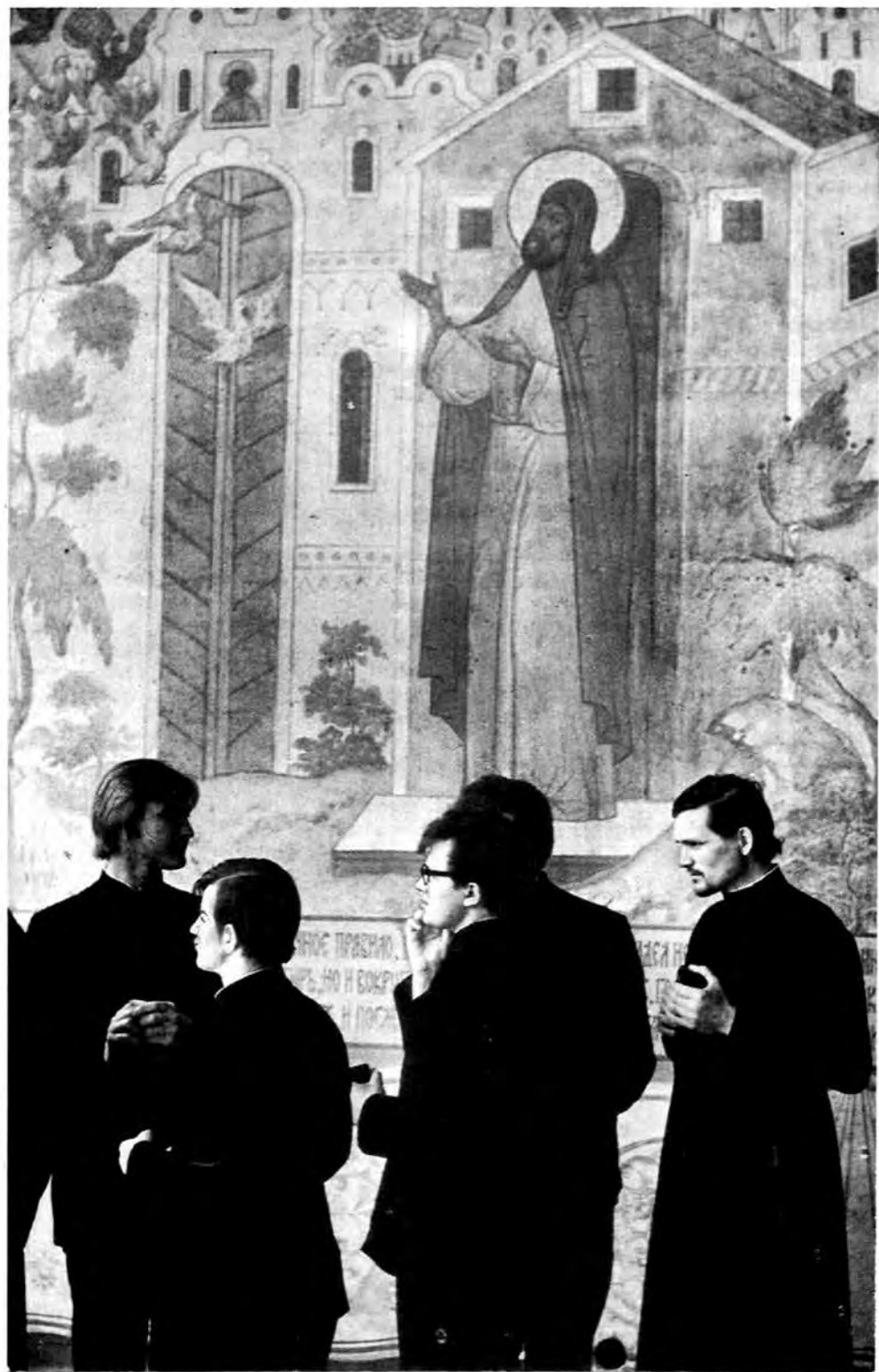
V

Так вот почему именно здесь, в Лавре, мы чувствуем себя дома более, чем в своем собственном доме. Ведь она и в самом деле воплотила в себе священнейшие вздыхания наших собственных глубин, но с таким совершенством и полнотою, с какими мы сами никогда не сумели бы их воплотить. Лавра — это мы, более чем мы сами, это мы — в наиболее родных и наиболее сокровенных недрах нашего собственного бытия. Вот почему мы несли и несем сюда не только задушевнейший трепет

нашего сердца, но и все наше творчество, во всем его объеме, все наши культурные достижения и ценности: мы чувствуем в них какую-то неполноту, куда не соотнесли их с сердцем русской культуры. Около Лавры, не в смысле стен, конечно, а в смысле средоточия культурной жизни, выкристаллизовывается культурное строительство русского народа. Праздник Троицы делается точкою приложения творчества бытового и своеобразных поверий, народных песен и обрядов. Красота народного быта обрастает вокруг этого Троицына дня и частью, как, например, наши Троицкие березки, вливается в самое храмовое действо, так что нет определенной границы между строгим уставом церковным и зыблущимся народным обычаем. Русская иконопись своего предания ведет в иконописной Лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический Музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры. Самые странствования Преподобного Сергия, а дальше бесчисленные поколения русских святых, бывших его именно духовными детьми, внуками, правнуками и так далее, до наших дней включительно, разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать, русскую идею в ее целом, все стороны жизни нашей собою определяющую.

В древней записи о кончине Преподобного он назван «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси». И действительно, не менее четверти русских монастырей основано прямыми его учениками, колонизировавшими Северную и Северо-Восточную Россию, до пределов Пермских и Вологодских включительно. Не бесчисленны отраженные и тысячекратно преломленные лучи нашего Солнца! Что не озарено его светом?

Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была, в порядке общественного строительства, заповедью общезжития. «Там не говорят: это мое, это — твое; оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей», — писал в свое время святой Иоанн Златоуст о современных ему общежительных монастырях. Общежитие знаменует всегда духовный подъем: таковым было начало христианства. Начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр которого возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после крещения Руси; и начало Руси

Семинаристы
Фото В. Семина

Seminary
students. Photo
by V. Semin

Московской, опять-таки приобщившейся новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общезжития, по совету и с благословения умирающей Византии. Идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслия и экономическом единстве, — назовется ли она по-гречески кинувией, или по-латыни коммунизмом, — всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожделеннейшая заповедь жизни, — была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием и распространялась отсюда, от Дома Троицы, как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной. Из всех этих сторон культурного изучения Лавры следует остановиться сейчас в особенности на сравнительно мало учитываемом ее просветительном воздействии на Русь. Уже Преподобный Сергей требовал от братьев, наряду с телесными трудами, в которых сам переносил, неустанного чтения, а для чтения необходимо было завести и мастерских переписчиков; так Сергиева Лавра, от самого основания своего, делается очагом обширной литературной деятельности, частичным памятником которой донныне живет в монастыре его драгоценное собрание рукописей, в значительной доле здесь же написанных и украшенных изящными миниатюрами, а живым продолжением той же деятельности было непрерывавшееся донныне огромное издательское дело Лавры, учесть культурную силу которого было бы даже затруднительно, по его значительности. А с другой стороны, Лавра всегда была и местом высших просветительных взаимосоприкосновений русского общества; просветительные кружки, эти фокусы идейных возбуждений, все пять веков были связаны тесными узами с Лаврой, и все пять веков тут именно, у раки Преподобного, искали они духовной опоры и верховного одобрения своей деятельности. От кого именно? Не от тех или иных насельников монастыря, входящих и входивших в состав Лавры, как ее служители и охранители, а у всего народа русского, через Лавру говорящего, искали одобрения от Лавры, как единого культурного целого, центр которого — в Троицком соборе, а периферия — далеко с избытком покрывает границы России. Московская Духовная академия, питомица Лавры, из Лаврского просветительного и ученого кружка Максима Грека вышедшая и в своем пятисотлетнем бытии, при всех своих скитаниях неизменно блюдшая крепость уз с Домом Живоначальной Троицы, не без глубокого смысла, после четырехсотлет-

ней своей истории, нашла себе наконец место успокоения в родном своем гнезде и вот уже более ста лет пребывает здесь с рукописными и книжными своими сокровищами. Эта старейшая Высшая Школа России духовно была и должна быть, конечно, отнюдь не самостоятельным учреждением, а лишь одною из сторон в жизни Лавры. Так точно нельзя рассматривать обособленно и те кустарные промыслы, которые испокон веков сгрудились вокруг Лавры и во второй половине XIX века выкристаллизовали из себе более чистое свое выражение — художественно-кустарную мастерскую Абрамцева, в свой черед ставшую образцом художественно-кустарных мастерских прочих наших губерний. Кстати сказать, не без вдохновений от Лавры и не без ее организующей мощи возникло и жило само Абрамцево, возрасвшее новое русское искусство и столь много значившее в экономическом строе современной России: вспомни хотя бы Северную и Донецкую железные дороги. Но разве можно исчерпать все то, чем высказывала и высказывает себя культурная зиждательность, исходившая из Лавры? Рискуя или распространиться на целую книгу, или же дать сухой перечень, не будем продолжать далее и на сказанном остановимся.

VI

Подвожу итоги. Лавра собою объединяет в жизненном единстве все стороны русской жизни. Мы видим тут великолепный подбор икон всех веков и изводов; как же можно представить себе Лавру без школы иконописи и без иконописных мастерских? Лавра — показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь школу архитектурную, а может быть, — и рассадник архитектурных проектов, своего рода строительную мастерскую на всю Россию. В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья — этого своеобразного, пока почти не оцененного изобразительного искусства, достижения которого недоступны и лучшей живописи, как необходимо учредить здесь, на месте, Общество, которое изучало бы памятники этого искусства, издавало бы атласы фотографически увеличенных швов и воспроизведения памятников, которое распространяло бы искусство вышивки и устроило соответственную школу и мастерские. Превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости устроить здесь учреждение, пекущееся об этом деле. Нужно ли говорить, как необходима здесь певческая школа, изучающая русскую народную музыку, с ее, по терминологии Адлера,

«гетерофонией» или «народным многоголосием»,— это зерно прорастающей музыки будущего, идущей на смену гомофонии Средневековья и полифонии Нового времени и их в себе примиряющей? Нужно ли напоминать об исключительно благоприятном изучении здесь, в волнах народных, набегающих ото всех пределов России, задач этнографических и антропологических? Но довольно. Сейчас не исчислить всех культурных возможностей, столь естественных около Лавры, нельзя и предвидеть те новые дисциплины науки, сферы творчества и плоскости культуры, которые могут возникнуть и, наверное, возникнут с свершившимся переломом мировой истории — от уединенного рассудка ко всенародному разуму. Скажу коротко: мне представляется Лавра, в будущем, русскими Афинами, живым музеем России, в котором кипит изучение и

творчество и где в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц совместно осуществляются те высокие предназначения — дать целостную культуру, воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу,— которые ждут творческого подвига от русского народа. Не о монахах, обслуживающих Лавру и, безусловно, необходимых, как пятивековые стражи, не о них говорю я, а о всенародном творчестве, сгущающемся около Лавры и возжигающемся культурною ее насыщенностью. Средоточием же этой всенародной Академии культуры мне представляется поставленное до конца тщательно, с использованием всех достижений русского высокостильного искусства храмовое действо у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России.

* * *

*Дорог мне перед иконой
В светлой ризе золотой
Этот яркий воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я — свеча пылает,
Клир торжественно поет:
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет;
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это медный грош вдовицы,
Это лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души.*

АПОЛЛОН МАЙКОВ
1869

О ТРУДЕ МОНАХА

Людам светским, а тем более советским, трудно понять, что побуждает человека уйти от мира, стать иноком. За монастырской стеной стихают звуки привычной жизни, уходят ее радости, волнения, суета. Молитва становится главным, единственным смыслом бытия, путеводной звездой одиночества, ведь и слово «монах» в переводе с греческого означает «одинокий»

Учение отрока
Варфоломея.
Миниатюра
XVI в.

Schooling of
young boy
Bartholomew.
16th-century
miniature

Св. Игнатий
(Брянчанинов).
Иконописный
портрет,
нач. XX в.
St. Ignatius
(Bryanchaninov).
Iconographic
portrait, early
20th-century

О существенном делании монаха

Епископ ИГНАТИЙ (Брянчанинов)

Существенное делание монаха — молитва, как то делание, которое соединяет человека с Богом. Все прочие делания служат или приговорительными, или способствующими средствами для молитвы или же даются тем, которые, по нравственной немощи или по недостатку умственных способностей, не могут заниматься всецело молитвою. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Не могущим претерпевать в молитве, хорошо находиться в служении (заниматься трудами и рукоделием в послушании), чтоб не лишиться того и другого; но тем, которые могут, лучше не радеть о лучшем».

«Начнем дело: преуспевая постепенно, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубина

разумения, и избавление искушений, и даров дарование, и исповедание сердечное, и прилежные слезы доставляются верующим молитвой. Не только это, но и находящих скорбей терпение, и чистая любовь к ближним, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Святого Духа, и подаяние духовных сокровищ, словом все, что обетовал Бог подать верующим в этом и будущем веке. Невозможно душе восстановиться в себе образ иначе, как только Божией благодатью и верою человека, когда он пребывает умом в непарительной молитве и великом смиренномудрии».

Святой Иоанн Лествичник называет молитву матерью всех добродетелей.

Преподобный Симеон Новый Божослов говорит о внимательной молитве: «Святые отцы наши, слыша слова Госпо-

Рождество
Богородицы
и преп. Савва
Крыпецкий.
Икона XVI в.

The Nativity of
the Virgin with
St. Sabbas
Krypetsky.
16th-century icon

да во священном Евангелии, что от сердца исходят помышления зла, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, татьбы, лже-свидетельства, хулы, и что сия суть сквернящая человека (Матф. 15; 19, 20); опять слыша в другом месте Евангелия, что Господь заповедует нам очистить внутреннее сткляницы и блюда да будет и внешнее их чисто (Матф. 23; 26), — оставили всякое иное дело и подвизались всеусильно в этом делании, то есть в хранении сердца, зная наверно, что вместе с этим деланием они удобно приобретут все прочие добродетели, что без этого делания не может ни стяжаться, при пребыть ни одна добродетель. Некоторые из Отцов наименовали это делание «сердечным безмолвием», другие называли «вниманием», иные — «трезвением» и «противоречием», иные — «истязанием помыслов» и «хранением ума»: потому что все занимались им, и при посредстве его сподобились Божественных дарований».

«...Подвижник может постоянно пребывать в трезвении и отгонять именем Иисуса всякий греховный помысл, откуда бы он ни возник, отгонять его, прежде нежели он войдет и изобразится. При посредстве этого делания стяжается опытное и существенное познание падших духов; позвав их, мы стяжаваем к ним ненависть и памятозлобие, вступаем в непрестанную брань с ними, воздвигаем против них естественную ревность, гоним их, поражаем, уничтожаем».

Блаженный Никифор определяет внимание так: «Одни из Святых назвали внимание блюдением ума, другие хранением сердца, иные трезвением, иные мысленным безмолвием, иные иначе. Всем этим выражается одно и то же, как бы кто сказал хлеб или сказал ломоть и кусок; так понимай и об этом. Что есть внимание и какие его свойства, тому научись тщательно. Внимание есть чистого покаяния познание, внимание есть воззвание души, ненависть к миру, восхождение к Богу; внимание есть отвержение греха и восприятие добродетели; внимание есть несомненное извещение в прощении грехов; внимание есть начало умозрения, правильное же причина умозрения: ибо Бог, при посредстве его, нисходит и является ему. Внимание есть не смущение ума, или, правильное, твердость его, дарованная душе милостию Божиею; внимание есть низложение помыслов, памяти Божией храм, сокровищехранитель терпения встречающихся напастей; внимание — причина веры, надежды, любви». Блаженный Никифор, подобно преподобному Симеону Новому Богослову и прочим святым Отцам, предлагает в средство ко вниманию непрестанное упражнение молитвою Иисусовою, при соединении ума с сердцем. Приглашая всех иноков, произволяющих стя-

Собор
Белозерских
чудотворцев.
Икона
нач. XVIII в.

Assembly of the
Miracle-Workers
of Belozersk.
Early
18th-century
icon

жать истинное преуспеяние, к подвигу внимания и соединенной с ним непрестанной молитвы, Никифор говорит: «Вы, желающие сподобиться великолепного, Божественного светоявления Спасителя нашего Иисуса Христа; вы, желающие воспринять ощутительно пренебесный огонь в сердце; вы, которые тщитесь получить существенное примирение с Богом, вы, которые оставили все мирское для приобретения и стяжания сокровища, сокрытого на селе сердец ваших; вы, которые хотите, чтоб светильники душевные отныне возжглись светло, и потому отреклись от всего временного; вы, которые хотите разумно и опытно познать и приять царство небесное, находящееся внутри вас! Придите, и поведаю вам науку и художество вечного, небесного жития, вводящие делателя своего, без труда и поту, в пристанище бесстрастия, не боящиеся ни падения, ни обольщения от бесов, тогда только упадающие, когда мы, по причине преслушания, пребываем вне этого жительства, где-то в далекой стране, подобно древнему Адаму, который, презрев за-

поведь Божию, вступив же в дружество со змеем и признав его верным, насытился плода прелести до пресыщения и низверг бедственно в глубину смерти, тьмы и тления себя и всех своих потомков. Невозможно нам получить примирение и соединение с Богом, если мы, во-первых, не возвратимся по возможности к себе, если не войдем в себя. Преславно — отторгать себя от общения с миром и от суетного попечения и неослабно соблюдать находящееся внутри нас небесное царство. По этой причине монашеское жительство названо наукой из наук и художеством из художеств: это преподобное жительство доставляет на какие-либо тленные предметы, чтоб в них мы похоронили ум наш, отвлекши его от лучшего, но обещает страшные и неизреченные блага, которых око не видело, о которых ухо не слышало, которые вовсе неизвестны для сердца. И посему несть наша брань к плоти и крови, но к началом, и ко властям, и к миродержителям тмы века сего (Ефес. 6; 12). Если настоящий век — тьма; то бежим от него, бежим, помышляя, что у

Преп. Нил Столобенский и Нилова пустынь. Икона XVIII в. St. Nil Stolobensky and St. Nil's Hermitage. 18th-century icon

нас нет ничего общего со врагом Божиим. Желаящий быть другом ему соделывается врагом Бога, кто может помочь? И потому будем подражать Отцам нашим, и, подобно им, займемся взысканием находящегося внутри сердец наших сокровища, и, нашедши, будем держать его крепко, возделывая его и храня: таково назначение с самого начала.

Преподобный Нил Сорский советует желающим упражняться в сердечном безмолвии — отречься от всех вообще помышлений и заменить их призыванием имени Господа Иисуса, то есть молитвою Иисусовой. «Должно, — говорит преподобный Нил, — понуждаться молчать мыслию, и от мнящихся правых помыслов непрестанно смотреть в глубину сердечную, и говорить: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Так вожделенно это

делание, так оно обширно, преисполнено обилия духовного, что святой Апостол Павел предпочитал пребывание в нем ума всем прочим помышлениям и размышлениям: не судих ведети что в вас, говорит он, точию Иисуса Христа, и сего распята (Кор. 2; 2).

Блаженный Старец Серафим Саровский говорит: «Истинно решившие служить Господу Богу, должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих».

Преподобный Марк Подвижник, называя в 4-м Слове своих сочинений молитву главнейшим деланием монаха, долженствующим обывать все частные его дела-

Преп. Андроник
и Савва
Московские.
Икона 2-й пол.
XIX в.

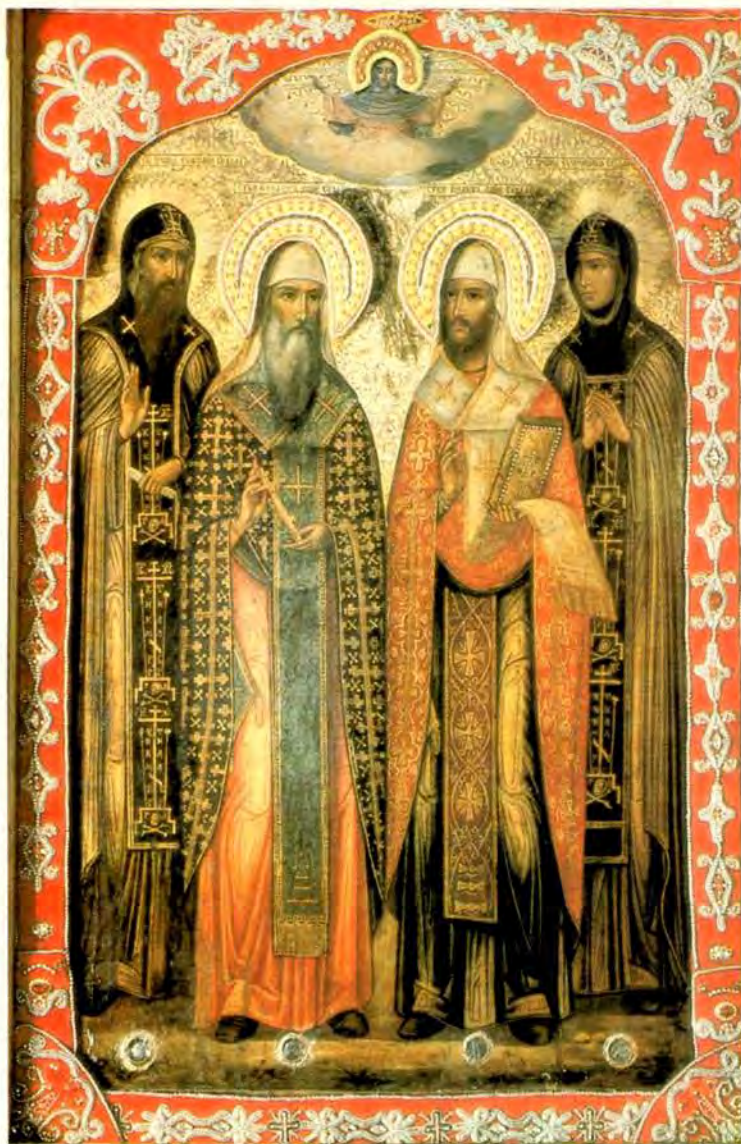
SS. Andronik
and Sabbas
of Moscow. Icon
of the second
half of the
19th-century

ния, всю жизнь его, в 1-м Слове называет главным и единственным деланием монаха покаяние, а заповедь о покаянии главной заповедью, объемлющей все прочие заповеди.

«...Дело покаяния совершается при посредстве следующих трех добродетелей: очищения помыслов, непосредственной молитвы и терпения встречающихся скорбей. Эти три добродетели должны быть совершаемы не только наружным образом, но и умным деланием, чтоб укосневшие в них соделывались бесстрастными. А как без этих трех добродетелей не может быть совершенно дело покаяния, то я думаю, что покаяние приличествует всегда и всем, хотящим получить спасение, и грешникам и праведникам, потому что нет степени совершенства, на которой бы не было нужным делание поименованных

трех добродетелей. Посредством их приобретается начинающими введение в благочестие, средними — преуспеяние, совершенными — утверждение и пребывание в совершенстве». Как преподобный Марк в его 4-м Слове, так и прочие вышеприведенные Отцы свидетельствуют, что терпение всех встречающихся скорбей и успешное отражение помыслов доставляется молитвой; они называют молитву источником покаяния. Она — и мать покаяния, и дочь его. Сказанное святым Иоанном Лествичником о молитве и памяти смертной можно, со всей справедливостью, сказать о молитве и покаянии: «Воспеваю две сущности во единой ипостаси (во едином лице). Делание покаяния и молитвы — одно; но оно совмещает в себе два различных вида добродетели».

Отражение греховных помыслов и

Преп. Евфимий
Суздальский,
св. Феодор
епископ
Суздальский,
св. Иоанн
Суздальский,
преп.
Евфросинья
Суздальская.
Икона
кон. XIX — нач.
XX в.

SS. Euthemius
of Suzdal,
Theodore, the
Bishop of
Suzdal, John
of Suzdal,
Euphrosyn of
Suzdal. Icon of
the late
19th-early
20th-century

ощущений совершается при посредстве молитвы; оно есть делание, соединенное с молитвою, неразлучное от молитвы, постоянно нуждающееся в содействии и в действии молитвы. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Блаженный Григорий Синаит, достоверно зная, что нам страстным невозможно победить лукавые помыслы, сказал следующее: никто из новоначальных не может удержать ума, и отогнать помыслы, если Бог не удержит ум, и не отгонит помыслы. Удерживать ум и отгонять помыслы свойственно сильным, но и они отгоняют их не собой: они подвизаются на брань против них, имея с собой Бога, будучи облечены благодатию и всеоружием Его. Ты же, если увидишь нечистоту лукавых духов, то есть воздымающиеся помыслы в уме твоём, не

ужасайся, не удивись; если явятся и благие разумения о разных предметах, не внимай им; но, удерживая дыхание по возможности и ум заключая в сердце, вместо оружия призывай Господа Иисуса часто и прилежно. Они отбегут, будучи невидимо опаляемы Божественным именем. Когда же помыслы начнут очень стужать, тогда, встав, помолись на них, а потом опять берись с твердостью за прежнее делание», то есть за моление именем Господа Иисуса. Святой Иоанн Лествичник в Слове о молитве говорит: «Приходящего пса — греховный помысл — отгоняй этим оружием — оружием молитвы, и сколько бы раз он ни покусился напасть, не окажи ему послабления». Симеон Новый Богослов: «Сатана, с подчиненными ему духами, приобрел право с того времени, как при посредстве преслушания при-

Русские святители: преп. Антоний Печерский, преп. Сергий Радонежский, преп. Феодосий Печорский, св. Алексей митрополит Московский, св. Стефан епископ Великопермский, св. Петр митрополит Московский. Роспись в алтаре Владимирского кафедрального собора в Киеве

Russian saints: SS. Anthony of Pechera, Sergius of Radonezh, Theodosius of Pechera, Alexis, Metropolitan of Moscow, Stephen, Bishop Velikopermsky, Peter, Metropolitan of Moscow. Wall-painting in the altar of the St. Vladimir Cathedral in Kiev

чинил человеку изгнание из рая и отлучение от Бога, невидимо колебать и ночью, и днем словесность каждого человека, одного много, другого мало, одного больше, другого меньше, и не иначе можно ограждать уму, как непрестанной памятью Божией. Когда силой креста напечатлеется в сердце память Божия, тогда он утвердит и непоколебимости словесность. К этому ведет мысленный подвиг, которым обязался подвизаться каждый христианин на поприще веры Христовой; если же он этого не достигнет, то суетен его подвиг. Для мысленного подвига служат вводными все и многообразные подвиги всякого, претерпевающего страдания ради Бога, с целью преклонить к себе милосердие Божие и исходатайствовать у него возвращение прежнего достоинства, чтоб напечатлелся в уме Христос».

Постоянное пребывание в молитве хотя и составляет существенное делание инока, но оно нуждается в пригготовительном обучении, как видно из Слова Блаженного Никифора, который, упоминая о преподобном Савве, говорит, что этот вождь многочисленного общества иноков, когда усматривал, что монах основательно изучил правила монашеской жизни, соделался способным бороться с сопротивными помыслами и блюсти свой ум, то предоставлял такому монаху безмолвствовать в келии. Пригготовительное обучение к непрестанной молитве совершается посредством послушания и упражнения в монастырских трудах, как сказал преподобный Филимон: «Бог хочет, чтоб мы являли наше тщание к Нему сперва в трудах, потом в любви к непрестанной молитве». Ничто так не способствует мо-

Святой благоверный князь Даниила Московский. Икона конца XIX в.

St. Daniel, Prince of Moscow. Late 19th century icon

литве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя. Великое благо молитвы проистекает из послушания, сказал преподобный Симеон Новый Богослов. Находящиеся в послушании и занимающиеся монастырскими трудами никак не должны считать себя свободными от упражнения молитвой: без этого самые труды и даже послушание будут бесплодными, мало того, принесут зловерный плод тщеславия и других грехов, непременно являющихся в той душе, в которой окажется бедственная пустота, в которой не живут сила и благоухание молитвы. Занимаясь монастырскими трудами и рукоделием, молись часто, если не можешь еще молиться непрестанно; возвращайся к молитве, как ни вспомнишь о ней: молитва постепенно обратится в навык и частая молитва неприметным образом перейдет в непрестанную. «Подвижники послушания,— говорит святой Иоанн Лествичник,— различным образом употребляют ногу: одна из них движется к служению, другая неподвижна на молитве». Под словом ноги разумеется вся деятельность. «Видел я просиявших в послушании и не нерадевших по возможности о умной памяти Божией,— говорит тот же Святой,— как они, встав на молитву, немедленно овладевали умом своим и проливали потоками слезы: они были предуготовлены преподобным послушанием». Из этого видно, что древние подвижники при монастырских трудах не позволяли себе суетного развлечения, но, занимая руки делом, занимали ум молитвой. По этой причине, когда они приходили в церковь или начинали в келии исполнять свое молитвенное правило, немедленно ум их и сердце устремлялись к Богу, без всякого препятствия. Напротив того, кто при трудах и рукоделии позволяет себе суетные мысли и разговоры, тот, встав на молитву, никак не может справиться с умом своим, непрестанно исторгающимся из его власти.

Чадо, говорит Писание, от юности твоя избери наказание, и даже до седин обрящешь премудрость. Яко же орая и сеяй, приступи к ней и жди благих плодов ее. В делании бо ее мало потрудишися, и скоро ясти будещи плоды ее (Сирах. 6; 18—20). Не будем терять драгоценного, невозвратного времени; не будем губить его, предаваясь рассеянности, празднословию и другим пустым занятиям: с самого вступления нашего в монастырь, ознакомимся тщательно с монашеской жизнью и в юности возделаем душевную ниву истинным подвигом, чтоб в старости и при переселении в вечность возрадоваться о обилии благодатных даров, залогов спасения, залогов блаженства на небе. Аминь.

Публикуется по кн.: Епископа Игнатия Брянчанинова Сочинения.— Спб., 1875.

ПУСТЫННИК

*И Ангел мне сказал: иди, оставь их
грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там
огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света*

*пожелают,
Им было б чем свои светильники
возжечь.*

Аполлон Майков
1860

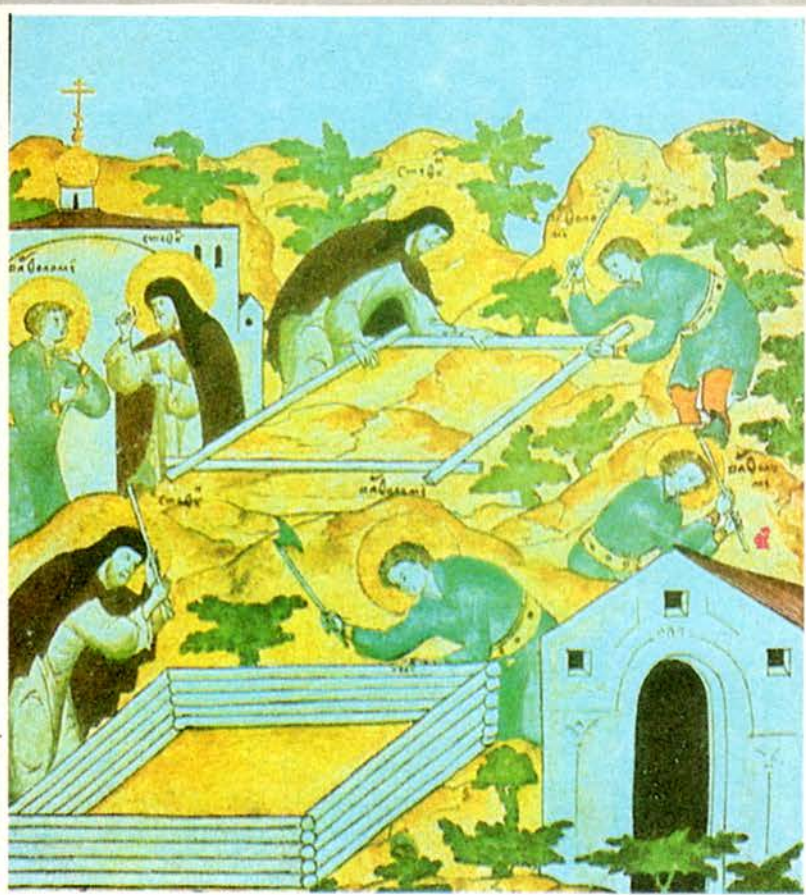

ОТ КОРНЯ РАДОНЕЖСКОГО

Два упорных, неустойчивых потока было в русской истории — на восток, за Урал уходили бывалые люди, на север — монахи. Одни открывали новые земли, другие — новые монастыри, которыми особенно богат XV век,

наследник века Куликовской победы.

От корня Радонежского по всей Руси разошлась монастырщина — от Боровска до Соловков. Современные специалисты еще не написали иноческой Одиссеи, обратимся к трудам старого церковного историка

Строительство
обители
Варфоломеем
и братом его
Стефаном.
Миниатюра
XVI в.

St. Bartholomew
and his brother
Stephen are
building the
hermitage.
16th-century
miniature

Светильники Сергиевы

Диакон МАТФЕЙ (Кудрявцев)

Спасский
Андроников
монастырь
в Москве
Фото В. Титова
The St. Andronik
Monastery of
the Saviour
in Moscow.
Photo by
V. Titov

Убежавшие от мира пустыnnики, воодушевляясь постепенно могучею верою в Бога, получив благословение наставника — преподобного Сергия, тайно уходили из монастыря и поселялись в сокровенных местах и необитаемых Вологодских и Белозерских лесах. Там, оставаясь в безвестности, они проводили такую жизнь, которая для обыкновенного разума человеческого, обольщенного миром, кажется невозможною. И, однако, многие из них горько сожалели о том, когда места их неослабных подвигов были случайно открыты заблудившимися путниками, которые первоначально не верили даже самим себе, чтобы возможно было в таких пустынных местах скрываться долгое время человеку, не боясь погибнуть от хищных обитателей лесов или от голода и стужи. Случалось, что некоторые из них, от чрезмерных подвигов и голода, ослабевали, все члены из оцепеневали и они падали, лишённые сил, на землю. Но недремлющий Бог Израилев хранил избранных своих и чудодейственно восставлял их на новые и неослабные уже

подвиги. Слава добродетелей, их чудотворения и не мздоимные врачевания немощей человеческих привлекли к ним многих последователей. Они основали по всем пределам Северной России многочисленные монастыри, в которые внесли великий дух иночества, посеянный в них великим их учителем. Воспитанниками сих монастырей были многие великие иерархи Церкви Русской, которые, подавая пастве высокий пример кротости и воздержания, всю жизнь свою посвятили ко благу церкви и Отечества. Монастыри эти были истинными хранителями апостольских и отеческих преданий: Андроников, Симонов, Высоцкий, Саввин, Ферапонтов и многие другие. Будучи основаны — по истине — слезами, пощением и молитвою, они составляют неотъемлемую славу Церкви Русской и служат по настоящее время наглядным памятником праотеческого благочестия. А как много совершалось под стенами этих священных обителей таких событий, которые имели немалое значение на судьбы России? Во дни печали монастыри эти в лице своих основате-

лей страдали вместе с многострадальной Россией и своими святыми молитвами умилоствляли Правосудного Бога и низводили на нее благословение с неба.

УСТРОИТЕЛЬ ОБЕТНОГО МОНАСТЫРЯ НА ЯУЗЕ

(Преподобный Андроник)

Один из достопримечательных московских монастырей, из основанных учениками Сергия, есть монастырь Андроников. Благочестивый почитатель древностей при входе в Андроников монастырь переносится ко временам отдаленным, полным чудотворений, временам святых мужей и беззаветной храбрости наших предков. Время это было, когда Россия, теснимая властью Золотой Орды, волнуемая усобицами князей, коих судиями были жестокие ханы, не знала другой отрады, кроме надежды на молитвы и труды своих святых: ими только и утешалась народная истома. Подумает ли посетитель о первоначальном основании обители, то в его воображении нарисуетя величественный образ святителя Алексия, идущего с архиерейским жезлом окрестностями Москвы по направлению к живописным берегам реки Яузы. Здесь он останавливается и указывает сопровождавшему его молодому иноку — Андронику место для основания обители; к ним приближается благолепный старец в простой власянице и благословляет избранное место для обители: то был Сергий. Затем в памяти его оживит москвитяне XIV века с их нравами, обычаями и верованиями. Здесь видит он Россию, измученную игом татарским и их частыми нашествиями, как наитием небесных испытаний, и здесь же потом видит Москву, празднующую победу куликовскую в присутствии святителя Киприана, Андроника и увенчанного победными лаврами князя Дмитрия и его храбрых товарищей, изливающих благодарственные молитвы перед образом Всемилоственного Спаса в Его храме. Как бы отдаленное эхо слышатся еще под сими сводами слова приветственной речи Киприана: «Радуйся, Княже наш Великий Дмитрие Иванович, преславный победителю! Владыко Господи Боже наш! Благодарение Тебе воздаю, яко не предал еси рабов своих врагам нашим в покорение и не попустил еси порадоватися им о нас: не забуди нищих своих до конца!» И много, много поучительного и дорогого русскому сердцу напоминает собою эта обитель!

Преподобный Андроник, основатель монастыря его имени, родился в Ростове от благородных родителей-христиан, где была родина и его великого наставника — преподобного Сергия. Еще юношею Андроник, презрев славу и богатство, пришел к преподобному в радонежские леса, много лет пребыл у него в совершенном

послушании и, украшаясь более и более многообразными добродетелями, приобрел особенную любовь к себе преподобного Сергия. После многотрудных подвигов в пустыне Сергиевой в душе его водворилось пламенное желание устроить во славу Божию новую обитель и составить в ней общежитие. Но никому не открывая сего священного помысла предчувствующей души, он возложил в сем случае всю надежду на Бога, и Господь исполнил пламенное желание пустынника, соделавшегося уже известным и вне пустыни. Святитель Алексий пришел однажды к Сергию для обычного свидания. После продолжительной беседы с преподобным святитель открыл ему наконец тайну души своей: «Возлюбленный! хочу просить у тебя одного благодеяния, которое, надеюсь, дарует мне духовная любовь твоя». «Мы все в твоей власти,— отвечал Сергий,— и ничто не возбранено святительству твоему в сей обители». «Хочу,— продолжал митрополит,— если Бог мне поможет, начать и устроить монастырь». Затем рассказал ему и об обстоятельствах, побуждавшем его к тому. Это было в августе 1356 года. Одинокий корабль скользит по водам Босфора и направляется к северным берегам Черного моря. Но вот поднимается грозная буря на море. Волны, как горы, стремительно катятся по морской пучине, готовые проглотить ветхий корабль. Матросы, обессиленные борьбой со стихиями, толпятся в беспорядке на палубе, трещащей от ветра. Всеобщий страх! Но на корабле находился тот, кому Промыслом вверено было кормило православной земли Русской: то был митрополит Алексий. Твердая вера его немало уже выдержала бурь духовных и возвела его на стелень первого иерарха отечества нашего. Новые волнения в Церкви Русской заставили его путешествовать в Царьград к патриарху Каллисту. И укротив бурю, поднятую на Церковь Русскую, святитель Алексий на обратном пути был сам застигнут бурей на море. Но твердая вера спасла его и в настоящую минуту испытаний. Среди всеобщего смятения, он возносил свои молитвы к Сотворившему море и сушу и дал обет создать храм во имя того, кому церковь празднует в день, когда корабль благополучно достигнет пристани. Буря утихла. Ужас мореплавателей сменился общей радостью. Вот уже виднеются и северные берега, и святитель ступил на твердую землю. Это было 16 августа, когда церковь издавна празднует Нерукотворенному Образу Спаса. Чудное стечение событий! Самый Нерукотворенный Образ вез святитель из Царьграда, коим благословил его Каллист на митрополию русскую. Обрадованный сим знамением бодрствующего над ним Промыслителя, митрополит Алексий положил устроить обитель в Москве

во имя Всемиловитого Спаса. Преподобный Сергей одобрил благое намерение святителя. «Прошу,— заключил святитель,— твою любовь: дай мне любимого тобою и мне возделенного ученика Андроника для устройства сего обетного монастыря». Но его, Андроника, Всемиловитый Спас уже ранее того избрал и предназначил быть краеугольным камнем сей обители, тихого пристанища от бурь житейских. И Сергей охотно исполнил волю святителя. Святитель Алексей избрал для обетного монастыря возвышенное место на берегу реки Яузы на восток от Москвы в 4 верстах от Кремля. Во дни святителя место сие, при благорастворении воздуха, отличалось красотой видов природы. Оно было окружено лесами и перелесками, среди коих катила свои светлые волны Яуза. Указав место Андронику для монастыря, святитель дал новому настоятелю средства к созданию церкви и монастыря. Когда создана была церковь и благолепно украшена соответственно святительской щедрости, тогда сам святитель освятил ее и поставил в ней Нерукотворный Образ Спасителя, украшенный им золотом и бисером. Это было 1360 года. В новой обители учреждено общежитие. Взаимный труд, совокупная молитва и общая трапеза должны были постоянно поддерживать единение братии. Приходил и Сергей посмотреть на дело ученика своего, похвалил место, занятое под монастырь, благословил оное и, в молитвенном духе воскликнул: «Господи! Призри с небеси и виждь и посети место сие, его же благоизволи создатися во славу Святого Твоего имени». Затем, преподав благие советы настоятелю, удалился в свою Лавру.

Слава новосозданной обители и настоятеля ее скоро разнеслась в отдаленные пределы земли Русской. Преподобный Андроник, при строгом постничестве, наследовал от своего наставника и его кротость и глубокое смирение,— и эти качества вскоре привлекли к нему многих, жаждавших руководства в жизни духовной, которые и принимали здесь иночество. Духовная жизнь цвела в обители под надзором бдительного наставника: ученик Сергея пас стадо благоугодно. О нем свидетельствует Иосиф Волоколамский: «Святой Андроник,— говорит он,— сиял великими добродетелями». Видя благодать Божию, почивающую на сем месте, и умножение братии, преподобный Андроник более и более усугублял подвиги свои в посте и молитве. Он помнил наставление Сергея — никогда не оставаться в праздности. Среди утешений более внутренних, чем внешних, в непрестанном сокрушении сердечном, слезах и тяжелых испытаниях, довольно число лет управляя обителью мудро, преподобный Андро-

ник предвидел исхождение свое от мира. Остаток дней своих он провел в совершенном безмолвии, подобно своему учителю, и предал праведный дух свой Богу 13 июня около 1404 года.

ОСНОВАТЕЛЬ СИМОНОВОЙ ТВЕРДИНИ

(Преподобный Феодор)

На юг от Москвы, в 10 верстах от Кремля, стоит другой блюститель православия древней Москвы — монастырь Симонов, славившийся издревле благочестием подвижников, бывший воспитателем великих иерархов церкви московской и который, по выражению летописцев, был неоднократно щитом Москвы против врагов. Основателем Симонова монастыря был Феодор, родной племянник преподобного Сергея. Стефан, брат Сергея, пожив немного в супружестве, овдовел и принял иночество в Хотьковом монастыре, а потом удалился в Москву в Богоявленский монастырь. Младший сын его Иоанн был обучен грамоте и пожелал жить под надзором дяди своего, преподобного Сергея. Ему было 12 лет, когда отец привел его в пустыню Сергея и в храме передал его на попечение игумена. Сергей тогда же, апреля 20-го, постриг его в монашество с именем Феодора. Под надзором Сергея юный инок возрастал в чистоте и святости, недоступный для дуновений грешного мира. Он так воспитан был Сергием, что в душе его не было ничего сокровенного для его наставника, и открывал ему все помыслы и днем и ночью. Современники его дивились его равноангельскому житию, и он был удостоен саном священника. Феодор настолько возвысился в жизни духовной, что, когда совершал литургию с преподобным Сергием, чистые сердцем видели сослужившего им ангела. По некотором времени в душе его явилось желание основать обитель и в ней учредить общежитие. Он открыл это желание преподобному Сергию и потом напомнил ему о неоставлявшем его помысле. Преподобный сказал ему однажды, что желал было иметь его преемником своим в обители Святой Троицы; но считая твердый помысл его делом Божиим, наконец благословил его избрать место для особой обители. Феодор с некоторыми другими, которых отпустил с ним Сергей, после продолжительных странствований остановился на возвышенном и густолесистом берегу реки Москвы и, поставив скоро хижины, стал подвизаться со своими спутниками. Приступая к построению церкви, Феодор испросил на то благословения

митрополита Алексия и соизволение великого князя Дмитрия. Между тем и преподобный Сергей, узнав о месте пребывания Феодора, пришел к нему и благословил место сие. Церковь построена была в 1370 году во имя Рождества Пресвятой Богородицы, и в обители учреждено общежитие. Обитель названа по имени владельца места сего из рода Головиных, «что на Симонове». И так на том месте благодатью Христовой устроен был монастырь славен, иже и доньше от всех зрится и почитается. С самого начала существования обители привлекла в нее слава великих подвигов Феодора, который, как сосуд прекрасно устроенный зиждущим духом Сергия, сиял, по выражению летописи, добродетельми, премудростию и рассудительным смыслом, и притом привлекательной наружностью, высоким ростом и красотой лица. Известность его росла до того, что святой Сергей скорбел за эту известность и молился, чтобы он совершил непреткновенно служение свое. Скорбел немало и Феодор, что обитель его оказалась близ большой дороги в Москву, от которой немало прибавлялось шума для него и тревоги от посетителей. Уклоняясь молвы людской, Феодор оставил свою обитель и поселился в другом сокровенном месте в лесу. Здесь поставил он между высоких деревьев малую и незаметную келию, в

которой и стал продолжать свои неослабные подвиги: совершенное безмолвие, богомыслие, изучение Священного Писания и канонов церковных, продолжительный пост, всенощные славословия Бога — вот в чем стала протекать жизнь подвижника в новой келии. Но ученики его не могли жить в разлуке с ним и все пришли к нему. Тогда Феодор, видя, что не суждено ему жить в безмолвии, поставил здесь храм Успения Богоматери и келии для братии, а строгое общежитие поставлено непрременным уставом для обители, старая же Симонова осталась усыпальницей иноков, где скоро нашли вечный покой два схимника Троицкой обители — витязи Пересвет и Ослябя. Преподобный Сергей и теперь желал, чтобы Феодор пребывал в безмолвной молитве и уединении; но уступил желанию великого князя и святителя Алексия: последний посвятил его в игумена, а великий князь назначил его своим духовником.

Великий подвижник и наставник монашества, преподобный Сергей любил Феодора за чистую и добродетельную жизнь и часто посещал его обитель, как родственную Радонежской. Здесь останавливался он в нарочно устроенной для него келии, где свободно и пламенно предавался молитве за преуспеяние своего ученика. Он вместе с братией возделывал здесь землю

Крепостная стена московского Симонова монастыря
Фото В. Титова
Fortress wall of the St. Simon Monastery in Moscow.
Photo by V. Titov

для огородов, насаждал деревья, копал пруды и кладязи.

Великий князь Димитрий, поверяя Феодору тайны души своей, имел его и лицом доверенным в важных делах церковных. Так в 1382 году Димитрий Иоаннович посылал его в Киев к оскорбленному митрополиту Киприану примирить его с ним и пригласить на московскую кафедру.

Святой Феодор скончался в 1394 году, ноября 28-го дня. Нетленные мощи его открыто почивают в Успенском Ростовском соборе. Духовная жизнь цвела в Симоновом монастыре под надзором и руководством святого Феодора и часто посещавшего оный преподобного Сергия. Князья и бояре часто посещали сей монастырь и находили отраду и утешение в мудрых наставлениях основателя его и поучались смирению Кирилла и Ферапонта, учеников Феодора и Сергия.

ПРИМЕР КРОТОСТИ И МИЛОСЕРДИЯ

(Преподобный Мефодий Пешношский)

Древняя история Пешношского монастыря, богатая, без сомнения, примерами благочестивых подвигов первых и после-

дующих за ними обитателей сего монастыря, скудна современными о том свидетельствами. Различные потрясения, которые некогда испытало наше Отечество, и в особенности Москва с ее окрестностями, коснулись и Пешношского монастыря и были причиной утраты древних письменных памятников.

Неистовство ляхов оставило кровавые следы свои и в сем богоспасаемом месте. Земля, орошаемая доселе слезами подвижников, оросилась обильно их праведной кровью. Два иеромонаха, два священника, один иеродиакон, шесть схимонахов, семь монахов и тридцать семь трудников пали от меча врагов. Земля сохранила позднему потомству в недрах своих имена сих доблестных воинов Христовых, иссеченные на камнях, и все они вписаны в братский синодик для вечного поминовения. При перестройке собора в 1805 году найдены были в земле, на глубине двух аршин, эти камни с иссеченными на них именами избитых. Если злоба врагов не пощадила жизни безоружных иноков, то корыстолюбие их, не знавшее пресыщения, еще менее щадило церковное имущество. Из разграбленного имущества едва сохранились некоторые древние вещи (например, деревянный сосуд, в котором преподобный Мефодий совершал таинство евхаристии, и посох его) и жало-

Никола-Пешношский монастырь под Дмитровом
Фото

А. Тарунова

The Nikolo-Peshnoshsky Monastery near Dmitrov.
Photo by
A. Tarunov

ванные грамоты, на которых исключительно почти и составлена история Пешношского монастыря.

Скудны сведения и о жизни и подвигах основателя монастыря, преподобного Мефодия.

Преподобный Мефодий, основатель Пешношского монастыря, презрев суету мира, еще в молодых летах пришел в пустыню к преподобному Сергию и под руководством сего великого наставника иноческой жизни провел несколько лет. Потом, ревнуя жить в совершенном безмолвии, получив благословение своего учителя, тайно удалился из монастыря и поселился в пустынном месте, за рекой Яхромой, в Дмитровском уезде, в дубовом лесу, на небольшом возвышении, окруженном в то время со всех сторон непроходимыми лесами и болотами, и поставил себе келию.

Место совершенно безмолвное! Там, в уединенной келии, благочестивый отшельник, скрывая себя от людей, беседовал со единым Богом — и очищал душу молитвой, постом и слезами. Знал преподобный Сергий, где скрывался его ученик, приходил неоднократно к нему для духовных бесед и укреплял Мефодия в его подвиге. Однако жизнь Мефодия стала известна и начала привлекать к себе ревнителей подвижнической жизни; явилось к нему несколько учеников, которым Мефодий построил келии не в дальнейшем расстоянии от своей. Преподобный Сергий, посетив однажды своего любимого ученика, уже окруженного несколькими учениками, дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном месте и благословил то самое, где ныне стоит обитель. И преподобный Мефодий исполнил волю наставника. Он сам трудился при строении храма и келий, «пеш» нося деревья через реку. Оттого-то за обителью осталось навсегда имя Пешношской и речку, при которой стоит она, стали называть Пешношей. Обитель Мефодия, основанная в 1361 году, была обителью трудолюбия для всех.

Тридцать лет преподобный Мефодий мудро и богоугодно правил монастырем в звании игумена, служа примером кротости и милосердия многочисленным ученикам своим. Умирая, заповедал он ученикам быть милостивым к нищим и странникам. Преподобный Мефодий скончался 4 июня 1392 года. В день преставления преподобного, как видно из стихир, составленных в честь его, стеклось множество народа — старцев, сирот и вдов — оплакивать кончину своего питателя.

Строгая и богоугодная жизнь монашествующих в Пешношском монастыре была примером для всего православного монашества даже и в XVI веке и обращала на себя внимание царей и пастырей России.

КНЯЖЕСКИЙ КОРМНИК И УЧИТЕЛЬ

(Преподобный Савва Сторожевский)

Преподобный Савва был одним из первых учеников преподобного Сергия.

В 1392 году преподобный Сергий представился, оставив преемником своим Никона. Но Никон, по любви к уединенному богомыслию, скоро оставил управление монастырем и затворился в келии, «братия же, не терпяще без настоятеля быти, со многим молением возведоша на игуменство блаженного Савву в великую Лавру». Преподобный Савва вступил на игуменство в Лавру несомненно в 1392 году, ибо блаженный Епифаний свидетельствует, что Никон «абие остави паству». Здесь Савва «добре пасяше порученное ему стадо, елико можаше и елико отца его блаженного Сергия молитвы спомогаху ему». Древнее предание ко времени начальствования его в Лавре относит изведение молитвами его источника водного за стенами обители к северу. Начальствование над Лаврой Саввы продолжалось шесть лет — именно до 1398 года. Промыслу Божию угодно было прославить угодника в другом месте. Князь звенигородский Юрий Дмитриевич, брат тогдашнего великого князя Василия Дмитриевича, часто посещал обитель преподобного Сергия и ущедрял ее богатými вкладами. Преподобный Савва, всем известный тогда по святости жизни, возбудил к себе любовь и уважение и в Юрии, и князь избрал его своим духовником. В одно из посещений Троицкой обители Юрий просил преподобного Савву идти с ним в город Дмитров подать благословение его дому. Благочестивый старец, умоленный князем, согласился исполнить его прошение и вместе с ним предпринял путь, надеясь скоро возвратиться в обитель свою; но Промысел устроил иначе. Юрий, желая навсегда иметь при себе такого святого и мудрого старца, неотступно начал умолять его, чтобы он никогда уже от него не отлучался, но «да пребудет у него, и да созиждет монастырь в отечестве его близ Звенигорода, идеже есть место, зовомо Сторожи». Преподобный Савва, видя пламенное желание князя, согласился и на это его прошение и, с полным упованием на помощь Божию, пошел на гору Сторожу. Это было в 1398 году.

Место, избранное для сооружения обители, на Сторожевской горе близ Звенигорода, чрезвычайно полюбилось преподобному: оно показалось ему, по выражению жизнеописателя, небесным раем, насажденным благовонными цветами. И Карамзин восхищался этим местом. Нигде, говорит он, не видал я такого богатства растений; цветы, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свежести;

липы и дубы прекрасны; дорога оттуда в Москву есть самая приятная для глаз, гориста, но какие виды!

Остановившись на месте сем, преподобный Савва пал перед иконой Богоматери, которую он взял с собой из Лавры, долго плакал и возносил теплую молитву Богоматери, прося ее заступления и благословения месту тому. Потом, при пособии усердного князя Юрия, святой скоро построил малую деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и недалеко от нее малую для себя келью. Скоро слух о святой его жизни привлек к нему многих искавших жития безмолвного, и преподобный всех принимал с любовью и был для всех образом смирения и трудов иноческих. По собрании довольно-го числа братии, он завел в обители общежитие и был в ней первый игумен. Не многие памятники древности свидетельствуют о многотрудной подвижнической жизни преподобного. И доселе существует пещера в некотором расстоянии от монастыря, в лесу, в глубоком овраге, ископанная преподобным, в которую он иногда заключался от мира для уединенного богомыс-

ля, оставляя на это время монастырь под управлением ученика своего Саввы.

Еще при жизни самого основателя обители, которая первоначально казалась скудной на вид и бедной, она менее чем в восемь лет выдвинулась из дремучего леса в благолепном виде с сияющими главами и крестами золотыми, которые издали были заметны путешественнику. Слава же праведника, которую стяжал Савва, привлекала в обитель многих богомольцев, князей и бояр, которые ущедряли обитель дарами своими. Первым из них и самым усердным почитателем преподобного и его обители был, несомненно, князь Юрий Дмитриевич... Между тем преподобный Савва, понесший столько трудов, изнуривший плоть свою тяжкими келейными и пещерными подвигами, впал в болезнь телесную и, призвав братьев, поучал их довольно от божественных писаний, убеждал блюсти чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и подвизаться в посте и молитве. Наконец, назначив преемником себе одного из учеников, Савву, и преподав всем мир и целование, предал праведную душу свою в руке Божии

Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде
Фото

А. Миловского

The Savvino-Storozhevsky Monastery in Zvenigorod.
Photo by
A. Milovsky

1407 года декабря 3-го дня; игуменствовал в обители сей около 9 лет. Много слез пролили братья, лишившись своего «кормника и учителя»; на погребение его пришел с душевной скорбью Юрий Дмитриевич, прибыли и другие многие князья, бояре и жители всего Звенигорода. Тело блаженного честно предали земле в церкви Пресвятой Богородицы, на правой стороне. По неисповедимым судам Промысла святое тело преподобного Саввы скрывалось в земле два с половиной века; но сила Божия, еще до открытия мощей его, по временам являлась чудодействующей при гробе его,— прославилась через сие обитель его и привлекла в нее князей и царей и множество благочестивых богомольцев.

Звенигородский князь Юрий Дмитриевич, лишившись в преподобном Савве своего отца духовного и мудрого наставника, продолжал посещать любимую обитель, полную отрадных для него воспоминаний, продолжал и усердствовать ей от своего достоинства. Преемники Юрия Дмитриевича — Василий Косой, Василий Темный, Василий Ярославич Боровский, Андрей Большой, сын Темного,— князья звенигородские, по примеру благочестивого Юрия, продолжали ущедрять святую обитель богатымикладами и именьями.

С умножением братии и с процветанием благочестия в монастыре, в особенности же со времени проявления чудес при гробе преподобного Саввы, жалованными грамотами царей, Саввин монастырь стал называться большим и к нему приписаны были 19 монастырей и пустынь со всеми их именьями и крестьянами.

ВОЛОГОДСКИЕ ПУСТЫННОЛЮБЦЫ

*(Преподобные Павел Обнорский
и Сергей Нуромский)*

В сонме воинов Христовых дивным светилом сияет подвижник веры и благочестия преподобный Павел Обнорский. Он родился в Москве от благородных и очень богатых родителей и с раннего возраста являл уже добродетели зрелых богоугодных мужей. Не по летам своим юноша упражнялся в молитве и соблюдал самый строгий пост. Нищелюбие его выходило из ряда обычных явлений. Получая, по просьбе своей, щедрое пособие от своих благочестивых родителей, Павел не пропускал ни одного нищего без подаяния. Когда случалось ему встретить бедного, то, не имея при себе денег, он тотчас же отдавал нуждающемуся свою одежду и возвращался домой в одной срачице. Родившись родители о сыне своем и, наслаж-

даясь надеждою видеть в нем утешение в старости и достойного наследника своего богатства, нашли для него богатую невесту и понуждали его вступить в брак. Долго умолял Павел родителей не связывать его ненавистными для него мирскими узами, но видя, что все сопротивление его напрасно, он на 22-м году жизни тайно оставил дом родителей и после долгих странствований достиг Рождественского монастыря на Волге, где и принял пострижение. Непрестанное стояние его на молитве, его воздержание, безропотное повинование и тяжелые труды, хотя и возбуждали любовь и удивление к нему опытных старцев, но юный инок был недоволен собою. Он жаждал большего подвига.

В сердце России, среди радонежских дебрей, без предшественника и сверстника, претерпевая голод и жажду, страх от зверей, преодолевая и врагов невидимых, в то время основал Сергей свою обитель. В нее-то и стремился инок Павел. Много лет провел Павел в келейном послушании у великого чудотворца Радонежского и потом поселился близ монастыря в сокровенном месте, где провел пятнадцать лет в безмолвном уединении. По временам некоторые из братии Радонежского монастыря посещали отшельника. Такие посещения до того утомили преподобного, что он просил благословения у Сергия скрыться в пустыне, в место отдаленное и безлюдное. Наставник благословил Павла на новое подвижничество и дал ему в дар медный литой крест. С этим надежным наследием преподобный Павел пришел в пределы Вологодские и в Комельском лесу, на реке Грязовице, поселился в дупле громадного дерева. Сергей, прозревая в своем ученике великого светильника Вологодской пустыни, братьям великия Лавры своея вопиаше: «сей, иже посреди нас меньший видится: но посреди в пустыни велик светильник будет».

Три года под защитою креста Господня провел Павел в таком житии, которое непонятно обыкновенному разуму человеческому. По прошествии трех лет, конечно по внушению Божию, преподобный перешел к реке Нурме, в 11 верстах от Грязовца, в Обнорской волости, построил себе на небольшой горе листовенную хижину, ископал колодец и поселился там, по-прежнему избегая человеческого общества. Но Промысел Божий судил иначе. В той же Обнорской волости, на утесистом берегу реки Нурмы, в четырех поприщах от преподобного Павла, уже игуменствовал преподобный Сергей в монастыре, им основанном, известном под именем Нуромского-Спасского.

Преподобный Сергей Нуромский, родом грек, пришел в Россию с горы Афонской в обитель преподобного Сергия Радонежского и был некоторое время уче-

ником его. Проведав о новом пустынножителе, Сергей пошел к преподобному Павлу. Он застал отшельника кормящим из рук своих множество птиц, часть которых доверчиво сидела на голове и на плечах угодника. Около него стоял медведь и бегали разные звери. Павел, окруженный животными и птицами, не враждовавшими между собою, напоминал первобытное состояние Адама в раю. Долго Сергей наслаждался этим необыкновенным явлением, но наконец обнаружил себя.

Возлюбили друг друга преподобные мужи и часто проводили время в откровенных беседах. Но вот от глубокой старости и трудов изнемог преподобный Сергей и почувствовал приближение смерти. Пришел к нему проститься. Павел со слезами принял благословение умирающего, поведал ему о дивном явлении, которое неоднократно приводило его в смущение. «Накануне воскресных дней и праздников мне слышался колокольный звон,— говорил Павел,— и однажды увидел я яркий свет, как бы от горящих свечей и лампад, на том месте, с которого доносился неведомый звон». Преподобный Сергей, усмотрев в этом чудном явлении волю Божию, повелел ему заботиться об устройстве на том месте обители во имя Пресвятой Троицы. Воздав последнее целование своему другу и учителю Сергию, Павел приступил к осуществлению завещанного ему основания обители. В 1413 году он пошел в Москву просить благословения у митрополита Фотия на сооружение церкви Троицы и на устройство общежительной обители. Неблагосклонно принял владыка просьбу смиренного инока, но Павел не смущенно заметил ему, что все совершается не по желанию его, владыки, а так угодно Пресвятой Троице. Слово праведника сбылось. В следующую ночь митрополит видел грозное видение. Он слышал неведомый глас, возвестивший ему, что, оскорбляя человека Божия, он оскорбляет самого Христа, и повелевавший, под страхом наказания, исполнить желание инока.

Наутро святитель приказал призвать к себе смиренного Павла, с честью встретил его, просил с великим смирением прощения и не только разрешил соорудить церковь и устроить общежитие, но дал ему для того и щедрое пособие и заставил принять свою собственную одежду в обмен на его ветхую ризу. Это убогое одеяние пустытника было особенно дорого святителю.

В 1414 году в долине при реке Нурме преподобный Павел соорудил церковь и основал обитель по общежительным правилам. Когда собралось к преподобному довольное число пустыннолюбцев, он не пожелал быть игуменом, но, назначив начальником обители своего ученика Алексея, облеченного в сан пресвитера, сам

остался жить в своей хижине на горе.

Преуспевала братия в добродетели, и могло ли быть иначе, когда она имела примером житие дивного основателя. Преподобный сходил с горы в обитель по праздникам и воскресным дням. Но и здесь питался только водою и хлебом. Господь благословил его даром прозорливости, чудотворения и мудрого учительства. Единым словом он исцелял болезни, узнавал тайные помыслы учеников своих и наставлял их с кротостию и любовью нежного отца. В день Богоявления, пред литургиею, преподобный Павел внезапно вздохнул и заплакал. Братия просили сказать им о причине слез: он объявил, что в этот час татары пленили город Кострому. Чрез несколько времени пророчество Павла подтвердилось полученным печальным известием.

Почувствовав приближение смерти, преподобный Павел призвал братию и под страхом гнева Божия заповедал сохранять ненарушимо устав общего жития. После поучения о смирении и братолюбии он пожелал причаститься божественных таин, потом благословил братию и предал дух свой в руке Господни — на 112 году жизни, января 10-го дня 1429 года.

БОГАТЫЙ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ ДУХОВНЫМИ

(Преподобный Димитрий Прилуцкий)

Вологодский чудотворец, преподобный Димитрий родился в начале XIV века в Переяславле-Залесском от богатых родителей купеческого звания. С ранней молодости возлюбил Димитрий пост и молитву и помышлял непрестанно посвятить себя пустынножителю. По смерти родителей он и исполнил свое намерение и был пострижен в иноческий образ в Нагорном Переяславском монастыре. Славно было иноческое житие юного подвижника, глубоким уважением и любовью почтила его братия: преподобный был возведен в сан иерейский. Но любовь и уважение со стороны братии были противны нищему духом Димитрию, и он тайно скрылся из монастыря и поселился в глухом лесу на берегу Переяславского озера. В это время преподобный Сергей Радонежский трудился по основанию Лавры. К нему и отправился Димитрий, чтобы открыть ему все тайные помыслы души своей. Тесная дружба соединила преподобных отцов Сергия и Димитрия. По совету Сергия Димитрий основал на берегу Переяславского озера Никольский общежительный монастырь, и затем преподобные обсуждали все вопросы, касающиеся устройства

иноческого общежития. Быстро росла слава о богоугодном подвижнике Димитрии и широко распространялась по градам и весям земли Русской. Великий князь Димитрий Иоаннович призвал в свою столицу преподобного Димитрия и просил его быть восприемником его детей.

Но не для славы человеческой жил угодник Божий. Димитрий решил оставить свой монастырь, поселился в безмолвной пустыне в Вологодских пределах — недалеко от селения Авнежского, там построил церковь во имя Воскресения Христова и стал подвизаться в уединении. Но недолго наслаждался и здесь пустынножительством преподобный. Окрестные жители, боясь, чтобы их не приписали к возникавшей обители, требовали, чтобы Димитрий удалился из их пределов. Тогда преподобный перешел ближе к городу Вологде и в пяти верстах от него, при луке, или колене, образуемой рекою Вологдою, нашел место, на котором и пожелал поселиться. Место это принадлежало вологодским гражданам Илие и Исидору. Они не только поспешили отвести Димитрию необходимое пространство земли для обители, но дали охотно ему и средства, с которыми он в 1371 году построил церковь Происхождения Честных Древ и основал монастырь, названный Спасо-Прилуцким.

Чудным даром прозорливости прославил Господь угодника своего. Случилось однажды преподобному быть с братиею в монастырском дворе. Вдруг он вздохнул глубоко, перекрестился и сказал, что отныне наш благодетель великий князь Димитрий уже не будет заботиться о суетном житии. И с того времени начал поминать новопреставленного князя Димитрия. Непонятным и странным казался братии этот поступок игумена, но скоро иноки убедились, что великий князь скончался.

Много скорбел о сиротах, о вдовах и о нищих преподобный Димитрий и щедро награждал их, по возможности тайне от братии. В одежде и в пище он служил всем примером. Зимой и летом он носил одну и ту же одежду из грубых овечьих кож и питался во все дни года, не исключая и великих праздников, теплою водою и просфорю. И при таком великом воздержании он постоянно заботился, чтобы в монастыре имелась для братии в изобилии сытная пища.

Он любил Димитрий, чтобы его видели молящимся. Он огородил досками в алтаре небольшое место, и там, скрытый от взоров, молился он невидимому Творцу и Зиждителю. Богатый добродетелями духовными, Димитрий наделен был от природы и необыкновенною телесною красотою. Но избегая соблазна, игумен в часы, свободные от церковной службы, закрывал лицо свое иноческим куколем. Преподоб-

ный Димитрий достиг глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, собрал братию, возвестил ей, что скоро наступит отшествие его, избрал на место себя игуменом Пахомия, пришедшего с ним из Перемышля, и благословив братию, просил более не нарушать его молитвенного уединения. Февраля 11-го 1392 года по всему монастырю разлилось чрезвычайное благоухание. Братия были в недоумении. Но чем ближе приближался кто из них к келии старца-игумена, тем сильнее чувствовалось неведомое благоухание. Иноки нашли уже преподобного Димитрия представившимся.

ОТЕЦ И НАСТАВНИК БЕЛОЗЕРСКИЙ

(Преподобный Ферапонт Можайский)

Ферапонт родился в Волоколамске от дворян Поскочинных и в мире назывался Феодором. С юного возраста исполненный страха Божия, он думал только о том, как бы избавиться ему от мятежного мира. Избрав благоприятное время, он тайно ушел из родительского дома и в Симоновой обители упросил настоятеля постричь его в иночество. Здесь с безукоризненным послушанием выполнял он черные работы и вместе с тем всегда бывал на бдениях в храме и на молитве келейной. По временам слушал он наставления преподобного Сергия и соблюдал все слова его в сердце своем. Настоятель, заметив его способность и усердие к выполнению послушаний, давал ему разные поручения, между прочим послал и в дальнюю белозерскую сторону. Со странническим посохом ходил он по пустыням севера и пленился тишиною лесов. Возвратясь в Симонову обитель, он принес с собою жажду пустынного уединения. Преподобный Кирилл в это время жил на Старом Симонове в уединении. Стремясь душою к более глубокой тишине, спросил он Ферапонта: «Есть ли на Белом озере место, где бы можно безмолвствовать иноку?» Ферапонт отвечал, что их там много, — и оба согласились тайно идти в пустынную сторону. Кирилл нашел здесь место, указанное ему в видении; водрузили крест и выкопали землянки для жилища. Однако Ферапонт недолго пробыл с Кириллом и удалился за 15 верст, на место прекрасное, между двух озер, для пребывания наедине с Господом. Здесь расчистил он землю для насаждения овощей и, по преданию отцов пустынных, прогонял уныние безмолвием то трудом, то молитвою и бдением; немало он испытал страха и от разбойников, которые, не терпя праведника близ себя, гнали его с угрозами из пустыни. Но Бог хранил праведника от злых людей. К Ферапонту стали приходиться лю-

Фреска
Дионисия
в Феропонтовом
монастыре. XV в.

Фото
А. Миловского

Fresco by
Dionysius at the
Ferapontov
Monastery.
15th-century.
Photo by
A. Milovsky

ди с желанием делить пустынные подвиги его. По их просьбе построил он храм в честь Рождества Богоматери и учредил общежитие. Это было в 1398 году. Прибытие старца иеромонаха обрадовало преподобного, так как сам он не хотел принять на себя ни старейшинства, ни иеромонашества. Он по-прежнему подвизался на тяжелых работах, не упуская церковной службы и правила келейного. По временам ходил он для духовных бесед к Кирил-

лу. Братия просили преподобного, чтобы принял на себя управление обителью, но преподобный говорил: «Не я соградил это место, а пречистая Богородица. Она и может наставить вас на все полезное». Видя твердое нежелание старца принять на себя настоятельство над ними, они избрали себе игумена. Для всех, впрочем, преподобный оставался отцом и наставником. По его мыслиям располагалось все в обители. Никто не смел держать в келии

что-нибудь, кроме икон, назидательных книг и орудий рукоделья. Братия занимались то списыванием книг, то плетением мрежей для ловли рыбы. В храме и трапезе наблюдалась глубокая тишина. Князь Андрей Дмитриевич Можайский, которому принадлежала и белозерская страна, услышав о новой обители в его пустынных владениях, пожаловал обители землю и озера, прислал утвари для храма и просил молиться за него.

Наместник княжеский, возвратясь с Белоозера в Можайск, рассказал князю о великих подвигах Ферапонта. Андрей Дмитриевич, давно желавший построить обитель близ Можайска, послал боярина своего пригласить старца в Можайск для беседы с князем о нужном деле. Этот вызов сильно смутил Ферапонта, но он сказал: «Да будет воля Господня!» И по совету братии отправился в путь. «Господь воздаст тебе награду за труд твой, я же навсегда останусь твоим должником», — сказал обрадованный князь при встрече с преподобным. Потом, открыв ему давнее желание, просил принять на себя устройство новой обители. На первый раз преподобный отвечал только слезами, потом помолился Господу и решился исполнять волю князя.

Ферапонт пользовался уважением первосвятителя Фотия, который с любовью беседовал с ним о духовной жизни. Уважение свое к преподобному Фотию ясно выразил тем, что возвел его в сан архимандрита. Преподобный Ферапонт преставился в глубокой старости 27 мая 1426 года.

ПРОЗОРЛИВЕЦ И ЦЕЛИТЕЛЬ СЕВЕРНЫЙ

(Преподобный Кирилл Белозерский)

Преподобный Кирилл, в мире Козма, родился в Москве от благородных родителей и в детстве получил приличное воспитание. Оставшись в юных летах сиротой, он, по желанию родителей, жил у родственника своего боярина Тимофея Васильевича Вельяминова, окольного при дворе великого князя Дмитрия Донского. За кротость и незлобие Вельяминов любил Козму и поручил ему надзор за слугами своего дома. Но Козма не чувствовал влечения к светской жизни; он желал душою служить единому Господу. Пришел однажды к боярину преподобный Стефан Махрицкий. Козма открыл ему душу свою, и Стефан успел довести боярина до того, что тот согласился с желаниями Козмы. Стефан привел Козму в Симоновскую обитель к архимандриту Феодору.

По настоятельной просьбе Стефана Феодор облек юношу в иноческие одежды с именем Кирилла и поручил его подвижнику Михаилу. Ночью старец читал Псалтирь, а Кирилл, по его приказанию, клал поклоны; но по первому удару колокола шел к утрени. Он просил у наставника дозволения вкушать пищу через три дня, но старец не нашел удобным дозволить ему этот подвиг, а сказал, чтобы разделял он трапезу вместе с братьями каждый день, только никогда не ел бы до сытости. Кирилл последовал заповеди старца, но так мало вкушал пищи, что едва ходил. Настоятель назначил ему послушание в хлебне, и он усердно носил воду, рубил дрова, раздавал хлеб. По временам приходил в Симоновскую обитель преподобный Сергей и прежде прочих посещал Кирилла в хлебне и беседовал с ним о спасении души. Сергей видел, кто таков Кирилл и что с ним будет впоследствии. Девять лет трудился он в поварне и стяжал здесь такое умиление, что не мог без слез вкушать хлеба. Братия, видя подвижническую жизнь Кирилла, стали оказывать ему уважение. Но он, боясь опасных обаяний славы человеческой, стал по временам юродствовать, за что снискал от настоятеля наказание — сорокадневный пост и должен был есть хлеб и воду. С радостью выполнял Кирилл это наказание. Как, однако, ни закрывал себя Кирилл, опытные понимали его, и против его желания он был посвящен в иеромонаха.

Он молил Богоматерь указать место для спасения его. Раз по обычаю читал он акафист Богородице и услышал голос: «Иди на Белоозеро — там тебе место». В то же время в темноте ночи заблестал свет, из оконца Кирилл увидел озаренное огромное пространство к северу, с живописными местностями. Узнав от друга своего Ферапонта, какова страна Белоозерская, он с тою же иконою Богородицы отправился на Белоозеро в сопровождении Ферапонта.

Долго ходили странники по белоозерской стране и взошли наконец на гору Мяуру. Это самая высокая гора в окрестности белоозерской. Подошву ее омывают волны озера Сиверского. Леса, луга, озера соединились здесь на огромном пространстве и образовали одно из прекраснейших мест России. Кирилл увидел здесь то место, которое в видении назначено было для его пребывания, и пал со словами благодарности пред иконою Пречистой Богородицы. Сойдя с горы на площадь, окруженную лесом, поставил он крест, а вблизи его пустынники выкопали землянку.

Ферапонт скоро удалился в другое место. В подземной келии Кирилл не один год подвизался один, изредка посещали его Ферапонт и крестьяне Авксентий и Матвей, из коих последний был потом по-

номарем в обители его. Раз осматривал он с крестьянами лесную сторону и, томимый странным сном, лег под сосною и уснул. Но едва закрыл он глаза, как услышал голос: «Беги, Кирилл!» Он отскочил от места, как рухнула огромная сосна, под которой лежал. Кирилл молился после того, чтобы Господь отнял от него тяжкий сон; и с того времени он мог по несколько суток оставаться без сна. В другое время рубил он лес, очищая место для огорода, как загорелись сухие листья и гонимый ветром дым окружил его так, что он стал задыхаться и не знал, куда бежать. Но явившийся некто взял его за руку и вывел за собою из огня.

Узнали в Симоновой обители, куда удалился преподобный игумен ее. Инокс Зеведей и Дионисий, глубоко уважавшие Кирилла, пришли на Белоозеро. Кирилл обрадовался им. Потом пришел туда же Нафанаил, и сего принял Кирилл и сделал его келарем. После того пришел к нему молчальник Игнатий; он никогда не ложился для сна и засыпал стоя, прислонясь к стене. Затем многие из окрестных жителей стали приходить к Кириллу и просили удостоить его иночества. Тогда Кирилл увидел, что время безмолвия его кончилось. В 1397 году построил он храм в честь Успения Богоматери и завел строгое общежитие, которое освещал примером своей жизни. Даже пить воду ходили в трапезу; в келии же ничего не держали, кроме икон и книг,— и она никогда не запиралась, по примеру афонских общежительных монахов.

Когда случался недород в хлебе и братия понуждали настоятеля послать за хлебом к христороубцам, преподобный отвечал: «Бог и Пречистая Богоматерь не забудут нас — иначе зачем и жить нам на земле?» Посему правило общежития Кириллова решительно воспрещало докучать мирянам просьбами о подавании. Ученик Антоний раз в год отправлялся закупать все нужное для обители, иначе никто не мог ходить из обители в мир. Такая нестяжательность Кирилла отразилась и в уставе его: он запрещал монастырю приобретать села.

Кирилл до того был проникнут любовью к Богу, что при служении литургии и во время чтений церковных слезы благоговения лились у него неукротимым потоком. За такое религиозное умиление Господь даровал угоднику своему дар прозорливости и дар исцелений.

Один больной просил преподобного о том только, чтоб пред смертью удостоил его иночества. Кирилл постриг его. Новый постриженник Далмат приблизился к смерти и просил приобщить его святым таин. Но иеромонах несколько замедлил, и больной скончался. Испуганный иеромонах объявил о сем игумену. Огорченный

Кирилл затворился на молитву. Немного спустя послушник, ходивший за больным Далматом, уведомил игумена, что умерший ожил. Тогда Далмат был приобщен Христовых таин и вскоре скончался.

В одно время недостало вина для литургии, о чем и донес пономарь преподобному. Тогда Кирилл повелел принести к нему сосуды, и пустой сосуд оказался полным вина. Постиг страну голод. Преподобный велел раздавать хлеб из обители всем нуждающимся. Запасы были не очень велики: их доставало для братии только на один год. Во время же голода при всем том, что никому не отказывали в помощи, оскудения не было в обители, так что хлебные торговцы говорили: «Кирилл, умножавший вино для литургии, умножает и хлеб в обители». В другое время Кирилл с крестом в руке утишил бурю на озере и спас утопавших учеников, ловивших рыбу.

В духовном своем завещании писал он: «Вот я, грешный игумен Кирилл, вижу, что постигла меня старость, часто подвергаюсь разным болезням. Бог наказует меня человеколюбно умножением болезней: они возвещают мне о смерти и грозном суде Спасителя. Смutilось во мне сердце ради исхода, страх смерти напал на меня, и покрыла меня тьма недоумения — не знаю, что делать? Но, по слову пророка, возлагаю печаль мою на Господа: пусть творит, как хочет. Он же желает, чтобы все спаслись. Не скорбите о моем отшествии; если получу дерзновение и труд мой угоден будет Господу, то не только не оскудеет обитель моя, но еще больше распространится по отшествии моем, только любовь имейте между собою».

Преподобный мирно почил на 90-м году своей жизни 9 июня 1427 года, через год после кончины преподобного Ферапонта.

Библиотека Кириллова монастыря, богатейшая из всех библиотек, известных в России (по описи XVII в. в ней хранилось до 2092 рукописей), стала умножаться еще при основателе монастыря. Из многих рукописей 17 принадлежат чудотворцу Кириллу. Объяснение разных явлений природы — грома, молнии, падающих звезд, — писанные Кириллом с целью рассеять предрассудки людские, есть замечательное произведение. О падающих звездах он рассуждает так: «Одни говорят, что это падают звезды, а другие — что это злые мытарства. Но это и не звезды, и не мытарства, а отделения небесного огня; на столько нисходят они вниз, расплавляются и опять сливаются в воздухе. Поэтому никто не видал их на земле, но всегда рассыпаются они в воздухе. Они спадут в пришествие Христова».

Из кн.: История православного монашества в Северо-Восточной Руси со времен преподобного Сергия Радонежского.— М., 1881.

Кирилло-Белозерский монастырь.
Фото В. Монина

The Monastery of St. Kyriill of Belozersk.
Photo by V. Monin

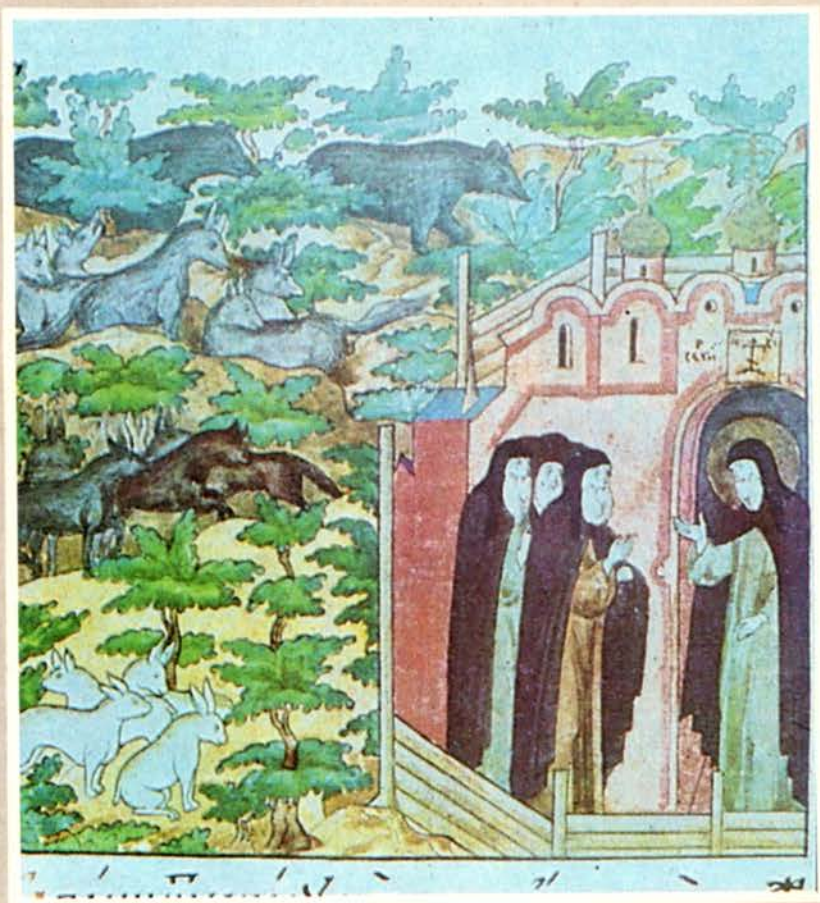

СВЕТ ИЗ ПЕЧОР

Псковско-Печорский монастырь всегда, даже в советское время, оставался крепкой монашеской обителью, сохранял свои древние устои и традиции, имел добротное хозяйство.

Архимандрит, писатель и ученый, каждый по-своему, рассказывают о жизни монастыря

Пустынничество
Сергия
Радонежского.
Миниатюра
XVI в.

St. Sergius in
the Wilderness.
16th-century
miniature

Архимандрит
Зинов
в иконописной
мастерской.
Archimandrite
Zenon at his
icon-painting
studio.

Икона в литургическом возрождении

Архимандрит **ЗИНОВ**

*Не сотвори себе кумира, и всякого подобия,
елика на небеси горе, и елика на земли низу,
и елика в водах под землею; да не поклониши им
ни послужиши им.*

Исход, гл. 20, ст. 4—5

Православная Церковь обладает бесценным сокровищем не только в области богослужения и святоотеческих творений, но также и в области церковного искусства. Почитание святых икон играет в Церкви очень большую роль, потому что икона есть нечто большее, чем просто образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, она — полное ему соответствие, предмет, органически входящий в богослужebную жизнь. Этим объясняется то значение, которое Церковь придает иконе, то есть не всякому вообще изображению, а тому специ-

фическому образу, который она сама вырастила в течение своей истории, в борьбе против язычества и ересей, тому образу, за который она, в иконоборческий период, заплатила кровью сонма мучеников и проповедников, — православной иконе.

В иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение православия в целом, православия как такового, отчего иконы справедливо называются также «богословием в красках». Отсюда понятно, что изучение содержания и смысла иконы есть предмет

Св. Корнилий
Псковский.
Работа
о. Зинона
St. Kornily of
Pskov. Icon by
Father Zenon

богословский, так же как изучение Священного Писания.

Православная Церковь всегда боролась против обмирщения церковного искусства. Голосом своих соборов, святителей и верующих мирян она защищала его от проникновения чуждых ему элементов, свойственных искусству мирскому. Нельзя забывать, что как мысль в религиозной области не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания. Поэтому, с моей точки зрения, ошибочно считать непогрешимым всякий образ, даже если он очень красив и простоял в храме сто или двести лет,

а тем паче если он создан в эпоху упадка иконописания. Такой образ может соответствовать учению Церкви, но может и не соответствовать, а и вводить в заблуждение, вместо того чтобы наставлять. Другими словами, учение Церкви может быть искажено кистью так же, как и словом.

Церковь всегда боролась не столько за художественное качество своего искусства, сколько за его подлинность, не за его красоту, а за его правду. Икона, к сожалению, сейчас не занимает в богослужении подобающего ей места, и отношение к ней совсем не такое, каким должно быть. В иконе давно перестали видеть богословие и, кажется, даже не подозревают, что иконописец способен невольно исказить вероучение. Иная икона, вместо того чтобы свидетельствовать Истину, оказывается лжесвидетельницей.

Икона стала просто иллюстрацией празднуемого события, а потому многим не важно, какова ее форма. Дошло даже до того, что и фотографическое изображение почитается у нас как икона. А ведь икона не изображает, она являет. Она есть явление царства Христова, явление преображенной, обновленной твари. Икона рождается из живого опыта Неба, из литургии, поэтому иконописание надо рассматривать как церковное служение, как литургию. В далеком прошлом к иконописцам предъявлялись очень высокие нравственные требования, такие же, как к клирикам. Иконописцев ценили, а само иконописание считалось в Древней Руси делом государственной важности.

Распространившееся со временем влияние западного богословия, нарушения в евхаристической жизни привели к тому, что икона часто превращалась в картину на религиозный сюжет. Следовательно, почитание ее перестало быть в полном смысле православным.

Хотелось бы обратить внимание на те изображения, которые запрещает Церковь, но которые тем не менее встречаются в любом храме. Иконописание — творчество соборное, то есть творчество всей Церкви. Подлинными творцами икон являются Святые Отцы. Иконографический канон складывался в течение столетий и сформировался в таком виде, в котором дошел до нас, где-то к XII веку. Все уклонения устранялись соборно. Так вопрос иконописания занимал очень важное место на Стоглавом соборе. В частности, речь шла об иконе Святой Троицы, так как в ту пору получили распространение иконы «Отечество» и «Новозаветная Троица».

Ветхозаветный запрет изображать Бога не снят в Новозаветное время. Мы получили возможность изображать Бога только после того, как Слово стало плотью,

стало видимым и осязаемым. По божеству Христос неизобразим и неписуем, но так как в Иисусе Христе божеское и человеческое естества соединились неслиянно и нераздельно в одну личность, мы изображаем богочеловека Христа, нашего ради спасения пришедшего в мир и пребывающего в нем до скончания века. Об этом хорошо говорит Иоанн Дамаскин: «...если Сын Божий был в человеческом образе, «зрак раба прием, в подобии человеком быв и образом обретеса, якоже человек» (Посл. к филиппийцам, гл. 2, ст. 7), то как нам не изображать его? И если принято говорить, что «царское изображение есть Царь, и если честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, как говорит божественный Василий, то как не чтить и не поклоняться образу?» Не как Богу, но как образу воплотившегося Бога. Надо отметить также, что и всякая икона — христологична, то есть по подобию иконы Христовой мы можем изобразить и святых, в которых изображается Христос через их подвиг подражания его служению.

Обратимся к иконе Новозаветной Троицы. Церковь учит нас о предвечном рождении Сына от Отца, а на иконе мы видим Сына, воплотившегося во времени, сидящего рядом с Отцом, который не воплощался и который «неведом, невидим, непостижим» (молитва анафоры в литургии св. Иоанна Златоуста). Дух Святой явился в виде голубя только на Иордане, потому что в Пятидесятницу он явился в виде огненных языков, на Фаворе — в виде облака. Стало быть, голубь не есть личный образ Святого Духа. В таком виде его можно изображать только на иконе Крещения Господня.

Я думаю, что сказанного уже достаточно, чтобы убедиться в невозможности существования такой иконы, в неправомерности такого существования, ибо образ Новозаветной Троицы — это совершенно произвольное соединение разных частей, вырванных из контекста домостроительства нашего спасения.

Несмотря на то что и Стоглавый, и Большой Московский Соборы запретили подобные изображения, их продолжали писать. Они заняли место чуть ли не в каждом храме и не в каждой иконной лавке. Даже в восстановленном Даниловом монастыре, когда заново создавали иконостас для храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, был написан образ «Отечество». А ведь в этом монастыре почти все насельники с высшим богословским образованием, которые обязаны знать все тонкости вероучения. Существуют четыре иконы Святой Троицы. Они указаны в чине благословения этих икон в нашем требнике. Это ветхозаветное явление Аврааму (в образе трех ангелов), Сошествие Свя-

Св. Мелхиседек.
Работа
о. Зинова

St. Melchisedec.
Icon by Father
Zenon

того Духа на апостолов, Богоявление и Преображение. Все остальные изображения Святой Троицы должны быть отвергнуты как искажающие учение Церкви.

Не так давно в Париже вышла замечательная книга Л. А. Успенского «Богословие иконы Православной Церкви». В ней есть глава «На путях к единству», в которой всесторонне рассматривается икона Пятидесятницы. Почему на этой иконе не может быть изображена Пресвятая Богородица? И почему икона Пятидесятницы перестает быть иконой Церкви, если там изображена Божия Матерь, почему она превращается просто в икону Богородицы в окружении апостолов? На

эти вопросы есть ответы. На упомянутой иконе мы видим сидящих в Сионской горнице апостолов, представляющих первую церковную общину, начало Церкви христианской. Заметим, что икона вообще не есть изображение конкретного исторического события; она есть богословское истолкование этого события. Поэтому на иконе Пятидесятницы всегда изображается апостол Павел, который не мог присутствовать на этой встрече, и апостол Лука, который не принадлежал к числу двенадцати. Главой Церкви является Христос. Никакого заместителя или наместника на земле он себе не оставил. Поэтому центр иконы остается пустым. Это место принадлежит Христу как главе Церкви. Ясно, что никто другой на этом месте представлен быть не может.

Скажем и об освящении икон. Очень часто верующие, видя вновь написанную икону и желая к ней приложиться, спрашивают: освящена ли она? По такому чину, который содержится в наших требниках, в старину иконы не освящались. В требнике этот чин называется чином благословения, а не освящения, и должен рассматриваться как одобрение Церковью данного образа, но не как некий сакраментальный акт. Ведь никому не придет в голову, купив новое Евангелие, перед началом чтения освящать его по какому-нибудь чину. Этот чин благословения впервые встречается только в XVIII веке, в Большом требнике Петра Могилы, ни в одном требнике московской дониконовской печати такого чина нет. На иконе ставили надпись, после чего она считалась освященной. В ней почитается не вещество, а изображение. Надпись необходима, как раньше выражались, для того, чтобы утвердился дух молящегося, то есть чтобы молящийся точно знал, к кому он обращается, потому что иконография многих святых сходна. Например, если не будет надписана икона преподобного Кирилла Белозерского, его легко можно принять и за преподобного Сергия или еще за кого-либо из преподобных. С Кириллом Белозерским и вообще сложно. Есть его образ, писанный современником по живой памяти (маленький старичок с какой-то по-детски большой головой), а великий Дионисий написал его по-своему, именно по-дионисиевски, высоко и стройно. Это может смутить человека реалистического мышления, но для Церкви оба эти образа одинаково подлинны.

Икона должна быть написана только на прочном материале, но не на бумаге, не на стекле или другом хрупком веществе. Обычно она пишется на доске. В «Журнале Московской Патриархии» № 10 за 1989 год Л. А. Успенский, рассуждая о красках в иконе, очень просто и убедительно

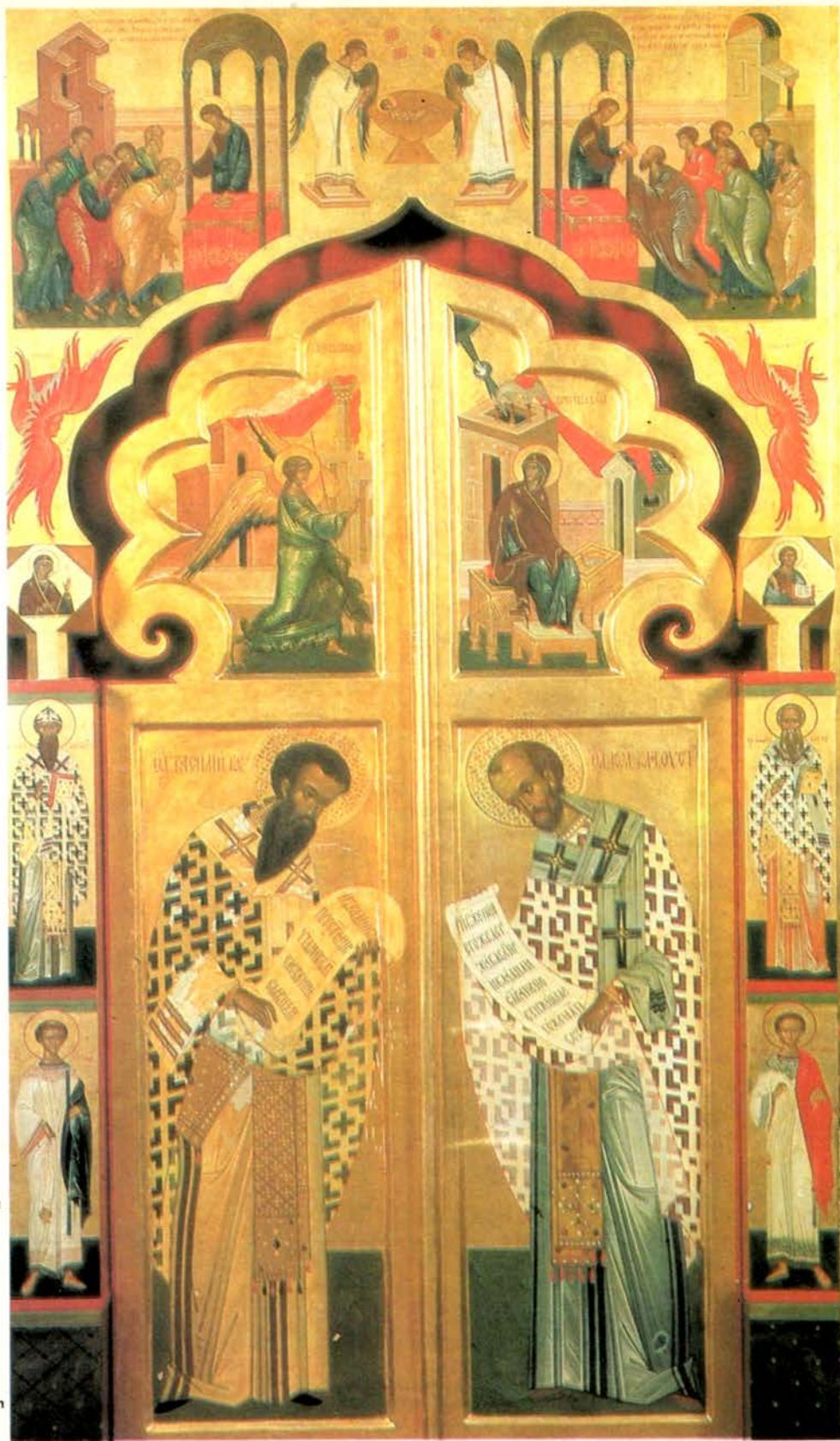
объясняет, почему цветная фотография не может иметь применение в церковном обиходе. Он говорит, что фотография только имитирует цвет, так как собственного цвета не имеет, и с ним трудно не согласиться. Потому употреблять цветные фотографии с икон в качестве икон, как это делается теперь, не следует. Икона должна свидетельствовать об Истине, а мы вводим элемент лжи туда, где ее быть не должно. Все равно что бумажные цветы в храме. В свое время патриарх Алексей I просил не приносить их в храм, потому что в них нет правды. А гораздо раньше митрополит Московский Филарет (Дроздов) говорил, что поддельные камни и поддельные металлы нельзя употреблять в церковном обиходе не потому, что они малоценны, а потому, что заключают в себе ложь. Золото во все времена было металлом дорогостоящим, а за неизменением его использовали простые, но натуральные материалы. Например, традиционным фоном на иконе всегда было листовое золото или серебро. В бедных же храмах, особенно на севере России, все фоны на иконах написаны светлыми красками (надо оговориться, что выражение это не совсем точно; фон — слово нерусское, иконописцы называют его светом, потому что Бог — свет и живет в свете непреступном).

В наше время упадка религиозного сознания догмат иконопочитания на деле забыт, подменен искусствопочитанием, хотя, конечно, это не просто забвение, а разрыв с живым преданием Церкви. Отсюда, может быть, и невольное, но оттого не менее неизвинительное, пренебрежительное отношение к Святым Отцам и к постановлениям вселенских и поместных соборов. И нам еще предстоит восстанавливать иконопочитание в его подлинном смысле. Этот вопрос необходимо решать на уровне Синода, и он должен быть делом всей Церкви.

Сейчас нам возвращают храмы, монастыри. Все они требуют рук иконописцев, а у нас до сих пор нет настоящей иконописной школы. Я знаю очень многих молодых людей, талантливых и желающих учиться, но у них нет для этого условий. Одни связаны семьей и не могут уехать далеко, другие ничем не связаны, но им негде учиться. Слава Богу, наше священноначалие стало проявлять заботу об увеличении числа священнослужителей: открываются духовные училища в епархиях, курсы псаломщиков, семинарии. Но я не слышал, чтобы в какой-нибудь епархии открылась хотя бы маленькая иконописная школа. А между тем почти каждую неделю ко мне кто-нибудь обращается с просьбой написать иконостас или расписать храм. Это лишний раз свидетельствует о том, что икона выпала из богослужения. Должного внимания ей не уде-

Иисус Христос с Богородицею. with the Virgin.
Работа о. Зинона

Царские врата
с изображением
Василия
Великого
и Иоанна
Златоуста.
Работа
о. Зинова

The Royal
Doors with SS.
Basil the Great
and John
Chrysostom. Icon
by Father
Zenon

ляют. То, чем торгуют в иконных лавках, та современная продукция мастерских Патриархии, далеко не соответствует требованиям, которым должно отвечать настоящее церковное искусство.

В синодальный период появилось множество изображений, которые можно смело назвать глумлением и кощунством над иконой. В одном из писем святитель Игнатий (Брянчанинов) сетовал, что и в его время уже много было не икон, а карикатур-икон. В лучшем случае их можно назвать картинами хорошей кисти, но никак не иконами. В прошлом веке почти все храмы заполняла подобная живопись, а на православную икону поставлено клеймо старообрядчества и варварства. При этом заблуждение распространилось так широко, что и такой умный человек, как Н. М. Карамзин, увидев древнюю роспись новгородской Софии, назвал ее варварской живописью. «Смирненное же подражание католицизму», как иронизировал в упомянутой книге Л. А. Успенский, и до сих пор принимается в иконе как православное и упорно защищается не только верующими, но и иерархами. Все еще трудно услышать давно и верно сказанные отцом Георгием Флоровским слова, что упадок русской иконы начался «с отрыва от иератического реализма» и «с увлечения декоративным символизмом — вернее, аллегоризмом». Внешне это сказывалось, писал этот великий богослов, в наплыве новых «богословско-дидактических» тем и композиций. Заметное преобладание «символизма» означало распад иконного письма. Икона с тех пор становится слишком литературной и начинает изображать скорее идеи, чем лики; самая религиозная идея тонет, теряется и расплывается в художественной хитрости и узорчье форм.

...В иконоборческий период Церковь боролась за икону, а в наше смутное время пришла пора иконе бороться за Церковь. И она борется. Я и сам по-настоящему православие стал узнавать через икону. Когда стал интересоваться литургикой, вдруг увидел, что многое непонятно: богословие иконы и восприятие богослужения разошлись, вернее, синодальная икона разошлась с богослужебными текстами. В настоящей полноте все службы двенадцатым праздникам открылись мне только через византийскую икону и русскую икону киевского периода. Они больше соответствуют сути праздников.

Обилие всевозможной информации в современном мире вызвало безразличное, легкомысленное отношение к слову. Как устному, так и печатному слову теперь мало доверяют. Поэтому самым мощным, самым убедительным становится голос иконы. Но сейчас многие образованные люди приходят в Церковь и ищут в ней

ту красоту, которую не смог им дать мир. Они очень тонко чувствуют всякую фальшь, всякое безобразие, уродство. Особенно художники и музыканты. Приходя в храм, они видят безобразные росписи, слышат уродливое, концертное, вместо простого уставного, пение. И никому их не убедить в том, что христиане — это свидетели небесной красоты. И оттолкнуть от Церкви, как может оттолкнуть недолжное поведение священника во время богослужения, его неопытная одежда, неприличная его сану манера держаться, даже его нечищенная обувь.

У нас во всем принято ориентироваться на бабушек: примут они или нет. Я уверен, что красота ни одну бабушку от храма не оттолкнет. А вот души колеблющиеся и хрупкие могут из-за нашего нерадения уйти из храма навсегда. Человек церковный, который уже смирился, ко всему привык, может, не обращая внимания ни на что, молиться. Но всякий должен молиться благодаря иконе, благодаря пению, а не вопреки им. Многие иконы и даже целые иконостасы написаны так, что мешают молитве, вместо того чтобы ей содействовать.

Говоря о церковном возрождении, необходимо в первую очередь заботиться о том, чтобы Церковь постоянно являла миру ту красоту, которой она обладает в полноте. И когда слову мало кто доверяет, безгласная проповедь принесет больше плодов. Образ жизни священнослужителя, каждого христианина, образ церковный, церковное пение, архитектура храма должны нести на себе печать небесной красоты.

Икона вне Церкви в подлинном смысле существовать не может. Она есть составная часть богослужения, одна из форм проповеди Евангелия, свидетельство Церкви о Боговоплощении, так же как церковное пение, архитектура, обряд. Можно вполне понять людей, которые чистосердечно признаются, что икона канонического письма им непонятна. Но как понять тех, кто отвергает икону по причине ее непонятности? Многие священнослужители убеждены, что каноническая икона простому народу трудна для восприятия и лучше ее заменить живописной иконой, на какие был большой мастер в прошлом веке никому не ведомый ныне академик Фартусов. Но кто мне докажет, что большинству верующих понятны стихиры, ирмосы и сам богослужебный язык, не говоря уже о структуре богослужения? Однако едва ли кому придет в голову мысль, применительно к духовной малообразованности современного народа, упростить все для того, чтобы сделать удобопонятным всякому человеку в Церкви.

Псково-Печорский Свято-Успенский монастырь

Благодатная ткань

Дневник паломника

Валентин КУРБАТОВ

И не «сны» это, уцелевшие в обрывках, а сама духовная, благодатная ткань православной Руси. Это — дух нашего народа. Это — мы сами. Это древнее, отстойное и мудрое вино нашей русскости.

И. А. Ильин

Монастырь все еще остается в нашей литературе гостем не частым (или она там не часто гостит?). Художественная-то литература благодарнее. Там промерцает, как дорогой оклад в скатных жемчугах при теплом мрениии свечей, Печорская обитель в зуровской «Отчине», воскреснет в обманчивой устойчивости быт заволжских скитов у Мельникова, опоит чудом мирной красоты и живого лада киевское старчество у Лескова, забьется уличной, сотрясающей покой обители тревогой монашеский мир у Достоевского... А вот обыденного, несюжетного быта неутешающе мало. И ловишь, ловишь мимолетные главы о Соловках и Валааме у Максимова и Пришвина, ждешь не дождешься, когда доедет до Юрьева монастыря П. Якушкин или когда В. Розанов найдет время зайти в Троице-Сергиеву Лавру. Больше других повезло Оптиной пустыни. И. К. Леонтьев, и К. Зедергольм, и более всех С. Нилус

замечательно рассказали о жизни обители «на берегу Божьей реки».

А сегодня, сегодня-то что это за мир, что за мысль живет в этих стенах, что за люди? Острое чувство инакости (не зря они — иноки, от этого самого слова «иной») неизбежно ведет к желанию в меру разума записать понятное при явственном знании, что это именно только малая часть уже позабытого нашей обмелевшей душой целого.

О Печорском монастыре бережно и подробно написал недавно в книге «Сердце милующее» Борис Дедюхин. Он и братию представил, и быт, и те истории, которые поведал у монастырских насельников, и даже обобщения сделал. Светскому человеку, наверно, это легче. Обычному же мирянину, каким я вошел, вернее иногда вхожу в обитель, труднее. Когда приходишь для молитвы, уже не умеешь отстраниться до регистрирующего наблюдения.

За трапезой
During a meal

Фотографии
из личного
архива автора

Photos from
the author's
private archives

И уж тем более не решишься приступить к инокам с расспросами об оставленной жизни. Если же все-таки пишешь, то потому, что профессию в себе не умеешь изжить, и потому, что в тяжкий час обступающей общественной тьмы или домашней безладности так бывает утешно и целительно вернуться в монастырскую ограду через бедную дверь этих простых записей.

Не знаю, надо ли говорить о «специальности» поминаемых мною монахов (она в записи часто не видна, да и всякая специальность тут вторая после молитвы), но для удобства понимания характеров скажу, что архимандрит Зинов (когда я пишу «батьюшка», то это все тот же отец Зинов) — иконописец, игумен Таврион (в пору, когда эти заметки писались) — библиотекарь, а послушники и живущий при монастыре народ названы просто по именам. Фамилии или внемонашеские их занятия тут не важны.

Простите, святые отцы, если что понял не так, или сказал не попад, и благословите.

6 мая. С утра прохладно, но прислонившись к деревянной стене кельи и уже чувствуешь, что она потеплела от поднявшегося солнца. Заря алеет сильно, и чуть глухо, сипловато, как наш плачущий по убиенному Грозным игумену Корнилию надтреснутый колокол, но без тревоги. Зяблики поют, скворцы. Черемуха облаком встает в овраге сквозь набирающие силу клены. Бабушки уже сходятся к Успенскому собору, зябко и мелко крестятся — и скорее в тепло. Еще особенно тихо, и очень слышны шаги, покашливания, словно двор собирает звуки.

Ударяют к литургии, и кажется, вишня в саду именно от звона медленно роняет цвет. Галки было взнимаются, но потом садятся и спокойно слушают радостный трезвон. У нас уже умолкли и уже отец Иоанн возглашает: «Благословенно Царство!», а за оградой у Сорока Мучеников еще звонят — весело, переливчато, по-народному, как частушки отрываются. Часы у них отстали или хотят порадоваться своему звону без помехи монастырского.

Отец Иоанн служит высоко и отчетливо, с какой-то любовной каллиграфией. Недавний послушник отца Зинова Алеша, теперь уже дьякон отец Амвросий, на «Верую» и «Отче наш» еще не смеет поднять глаз и дирижирует неуверенно, сбивая общее пение. Выходит иеродьякон Стефан, твердо подправляет, и храм разом собирается. И как хорошо уже перед крестом весь сбор запел «Воскресения день, просветился торжеством!». Какие молодые чистые голоса, а ведь больше старухи поют, и невозможной любовью мгновенно вспыхивает сердце, когда слы-

шишь: «...и друг друга обьемем, рцем, братие, и ненавидящим нас простим вся Воскресением...» Так чудесно легко на душе, как давно не было! Всего миг, но как ясно слышна в этот миг вечность радости, догадка, что, может быть, там, если душа светла, — всегда так.

Днем уж как-то и не по-весеннему тепло. Весело посвистывает самовар на солнышке. Батьюшка разливает чай. Отец Иона пришел, Александр, Владимир, Иван из близких и первых помощников. Сверстники, они привычно посмеиваются над весело и неумоимо разговорчивым Александром, а он умно и счастливо подыгрывает всем, пугая, что вот затеет свой скит, уйдет в затвор, замолчит и они еще настоятся на коленях: «Скажи хоть словечко, а я ни гугу». Отец Зинов только качает головой и улыбается и тоже радуется дню: «Отца Серафима вывозил вчера, по солнышку поехали, а то у него уже и коляска заржавела. Колокола послушал, поплакал. Я ему пластинки новые со службой принес. Послушка — нет, говорит, это уж очень, мне бы попроще, наше бы, братское...»

Батьюшка задумывается, и его «ушедшее» лицо делается таинственно отдельно, будто душа его смотрит во что-то неведомо значительное и проговаривается о глубинах, которые не даются слову. Он отдыхает до вечерней службы и, наверно, и мыслей-то особенных нет, но именно оставленное без определенной заботы лицо и говорит свое главное содержание. Мы-то без присмотра себя оставим, так там такое начертится, что и в зеркале себя не узнаешь — пустыня.

21 мая. Две недели прошло, а уж сад набрал силы и только шестисотлетний дуб не торопится с полной листвой. На всенощной я был внезапно потрясен, когда отец Иоанн Крестьянкин так зримо вывел вдруг на литии строй русских молитвенников «...всея России чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, преподобных и богоносных отец наших Сергия и Никона, игуменов Радонежских, святых благоверных князей Александра Невского, Димитрия Донского; Серафима Саровского, Нила Сорского, Никандра Псковского...» Сколько раз слышал этот великий Синодик, но словно слух был затворен, а тут с каждым новым именем они незримо и явственно вставали вокруг, и я вдруг почувствовал близкие слезы, но обрадовался им до того, как они пролились. Это краткое восстание российских святых раздвигало храм до пределов России, и опять можно было забыть значение слов «одиночество» и «сиротство». Опять это было из тех дорогих крох, которые, слава Богу, собираются понемногу в моем духовном опыте...

Игумен Иона
со схимником
Abbot Jonas
with a
schemamonk

22 мая. Раннюю служили в Никольском храме. Храм тесный, и уже на паперти не протолкнуться — ведь сегодня Никола! Чуть дотянулся до порога. Батюшка служит с удивительной строгой полнотой, и иногда я остро чувствую, что мы стоим в разных храмах и мне в него хода пока нет, а он мой разрушил за пустотой и слабостью и позабыл дорогу в это убогое место и, может быть, не видит меня здесь. Но он-то открыт, его-то храм сияет, и мне путь ясен. Самому надо выбирать — идти или не идти. На таких порогах уже не спускаются, чтобы вести за руку — тут час последний свободы выбора.

В Никольском начинается акафист святителю Николаю, а в соседнем Корнильевском (дверь меж ними открыта и в промеме толпится народ) — панихида, и «Радуйся, красото...» мешается в хорах с «Со святыми упокой...». Можно было бы сказать «как в жизни», но вчера я прочел у японцев: «Стократ благородней тот, кто при вспышке молнии не скажет: «Вот наша жизнь» — и я не скажу, а только, устыдясь ординарности мысли, все-таки подумаю.

После обеда пришел в сад отец Таврион и, как часто бывает в монастырских беседах, которые обычно странно похожи на

неизданные главы «Добролюбия» (всегда это поучительный замкнутый сюжет с реальным героем), стал припоминать разные житейские случаи. Один показался мне особенно хорош. Речь шла о художнике, который постепенно взшел в понимании красоты от портрета к иконе и чем долее глядел в лик Христа, тем отчетливее видел, что тут тайна, что он только у порога, что светит что-то в глубине, а что — не увидишь, будто старые картинки под папиросной бумагой и бумаги этой поднять нельзя. Ну тогда ему священник в деревне, куда они заехали со своим московским товарищем, и говорит, что дальше-то можно увидеть только после исповеди и причастия. И точно: потом живописец этот, сияя, все благодарил священника и возбужденно говорил, что да — увидел. «Что уж он там увидел, — улыбается отец Таврион, — не знаю, но видно было, что действительно — увидел». Но суть-то не в нем, а в его товарище, который тогда же пожаловался священнику, что скучно и однообразно жить, что уже перепробовал и йогу, и буддизм, и экстрасенсов, и в православной церкви настоялся, а — нет. Ну и ему — был тот же совет — исповедаться и причаститься. Они вместе с художником и стояли. И наутро прозревший-то художник счастливо спрашивает: «Хорошо тебе?» И друг отвечает: «Хорошо», а сам, как потом вспоминал — не знаю, говорит, куда глаза девать, потому что нехорошо мне. И стена как стояла, так и стоит. И главное, я, говорит, будто чувствую, что и с той стороны кто-то идет ко мне, а алтарная стена — всё стена, и такая тоска... Вернулись в Москву, иду, говорит этот товарищ художника, по Калининскому проспекту, по этим разверстым скрижалям беззакония, а небо синее, дымкой молочной взвешееся, и как-то прозрачно, редко, и вдруг само собой сказалось: «Отче наш...» И я, говорит, даже остановился от слез. Вдруг понял — слышит, почувствовал как-то. И не мой, а именно наш — всех этих людей, которые в машинах и без машин несутся куда-то сломя голову взад и вперед. Сказал и вторую строку: «Да святится имя Твое», — и еще сильнее заплакал. Стыдно, пришлось в подземный переход сойти, чтобы люди не видели. Так до конца и дочитал — сам по ступенькам вниз, а душа выше и выше через все семь небес. Скажи кому на Калининском проспекте...

Уже к закату взглянул разговорчивый Александр — незнаваемо тихий. Оказывается, батюшка наложил епитимью — отлучил от общения на год «до укрепления ума», и Александр маячит в отведенной ему границе — на сто метров не приближаясь к келье и ждет, когда батюшка пройдет, чтобы «нечаянно» попасться ему

на глаза и поговорить. А бабушка все мимо него и все бегом — будто не видит. Наконец, Саша (чаще его именно Сашей и зовут) не выдерживает и, зная, что бабушка в келье один, вприпрыжку несется через «запретную зону» и исчезает за дверь. Возвращается минут через пятнадцать повеселевший — епитимья ограничивается Пятидесятницей, ну а раз сегодня Преполовение, то остается 25 дней — терпеть можно. Пострадал за язык: «Тайну выдал врагам по беспечности характера», — смеется Саша.

21 июня. От вокзала к монастырю — путь не близкий, но в теплое утро ноги сами несут мимо автобуса. И пока шел — все туман, туман, парная мгла. Лазаревская церковь, где надеялся найти бабушку, закрыта. Пошел в Успенскую. Братия служит молебен Корнилию, потом поет «Царице моя Преблагая» у главного монастырского образа «Успения» и идет прикладываться — по двое разом с двух сторон: три поклона иконе, ступень к ней, касание губ, поклон образу, поклон братии, поклон друг другу — и к раке Корнилия, уступая новой паре: три поклона, ступень, касание... Потом за бабушками поднимаюсь к образу и тотчас вспоминаю, что, кажется, в 1903 году здесь к нему прикладывался последний царь, и короткий укол этого общего поцелуя или невнятного не успевшее определиться, как запотевшее от дыхания облачко на стекле иконы, переживание ускользает, не закрепившись. И образ, и рака тонко пахнут кипарисом, какой-то розовой чистотой — не благоухание, а как будто только след его.

У звонницы издалека улыбается веселый прощенный Саша: «Еще и до Троицы простил...»

21 июля. Приехал к обеду. Встретил живущий тут второе лето московский мальчишка Витька. Я пошел обустроить жилище в Благовещенской башне. Скоро и Витька прилетел звать пить чай.

Сад стоит в лесу подпорок — каждая ветвь обременена каким-то уж просто пугающим урожаем. Цветы буйствуют так, что на них тревожно глядеть — как-то это все впереворот.

В начале восьмого становимся на вечерню. Часовня в саду тесна всем, и даже от трех свечей душновато. Я уже за долгие годы в церкви только-только сумел понять, что служба — это не полуневольная дань Богу, чтобы потом поскорее вернуться к своим делам, а именно главное дело и есть, именно единственно полное человеческое дело на земле, и стою без устали, и радуюсь слитности, и не могу насмотреться на отца Зинова в коротенькой мантии поверх серой рабочей ряссы. Солнце мешается со свечами, и в этом двоя-

щемся свете он как-то особенно светло и легко чист, хочется сказать, бесплотен. Вон Иван рядом стоит — литой, спело сбитый, шея колонной из воротника под черную крутую скобку волос — чистый Кирибеевич. Владимир, несмотря на подрысник, насквозь москвич — очки, умная естественность и даже тут чуть ироническая свобода; отец Иона строг, прям, подчеркнуто серьезен — есть в этой опрятной ответственности что-то сродное молодым земским учителям минувшего века. А бабушка давно где-то та-а-ам, чего словом не обозначишь, и там у него светло и небесно. В природе этих состояний нет, в обычной жизни — тоже, вот и не знаешь — чему уподобить. Это мелькало мне в отце Николае с острова Залита в Псковском озере, которого теперь все по Руси помнят благодаря фильму «Храм». Но там еще легкая чистая старость, свет возраста и духа. А тут видно, что возраст-то и ни при чем, что они в чем-то более существенном с отцом Николаем братья и сверстники. Бабушка читает канон к причащению, и я отступаю в себя...

Ухожу в башню, пытаюсь читать, потом так же пытаюсь уснуть — ни то, ни другое не выходит. Сон наваливается за полчаса до того, как надо вставать к утрени. Бьет два. Сторож стучит колотушкой, звезда чуть рябит в правое окно, а когда встаю — в левое над лампадой глядит луна и поле под ней таинственно и тускло — старая желтая медь хлебов и пыль дороги. Выхожу со свечой — шорохи и трески. Свет свечи вязнет в слепой тьме башни и снизу дышит жутью. Я боюсь и заглядывать в нижний этаж, в каменный его мешок. Дверь гремит так, что кажется, сейчас встанет весь монастырь. Звезды высоко, мелкие, серые, зола золотой. Пробегаю в часовню бабушка. Иван, Владимир — ночью из ночи — беллет одно лицо. Витька уже горбится на скамеечке в часовне. Без четверти три начинаем утрению.

Часы бьют четыре, пять... Из двери тянет сквозняком, и в поклонах я улавливаю, что на крыльце кто-то молится с нами. В окнах проступает тусклый линияльный свет. Я гоню от себя зрительное слушание канона и псалмов, но ум все равно сторожит повод к восхищению: «Сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем...» Коллеблются тени, скорбный Деисус на одной доске, где поражает скорбь Спасителя и умоляющих за нас Иоанна и Марии, Гавриила и Михаила, Петра и Павла, словно им страшно просить, а ему почти не по силам простить — великое напряжение скорби о человеке. Свечи нагорают, и иногда тянется рука Владимира или Ива-

на — поправить. Пение собранно и покойно.

Я смотрю на спины родных в этот час людей и вдруг думаю, как странно выйти сейчас отсюда в мир забастовок Кузбасса, тяжкие беды Приднестровья, неистового зла Карабаха. Возможно ли? Не странно ли? Этот маленький ночной дозор, бодрствующий в небесной работе, пока мир теряет голову, внезапно видится какой-то трагически сильной стороной. Ведь они так каждый день, пока мы там спим или злословим, тешим тщеславие или боремся за власть. Корабль давно потерял цель,

клубом изо рта пар. Потом будет все холоднее. Мраморное «Воскресение» алтаря проступает как сон. Владимир, Иван, Алеша занимают места на «клиросе» — тут же рядом, касаясь плечами и головой сводов.

Ровно в семь — «Благословенно Царство...». Как и всегда, тайные молитвы на антифонах батюшка читает вслух. И здесь, в катакомбном холоде и зыбкой мгле, каждое слово полнится особенным смыслом и слышится впервые: «Прошения к полезному исполню, подавая в настоящем веке познание Твоея истины». Век к концу — и мой, и общий, — а истина все дальше. И пока совершается жертва, сердце восходит все выше и тревожнее. Батюшка поднимает руки, и Спаситель с так же вздетыми в мраморном образе руками словно проступает сквозь него: «Тя убо молю... облеченна благодатию священства предстати святей Твоей трапезе». И все тут, тут, перед нами: «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чисто обвив и благоуханными во гробе нове покрыв, положи...» И так тревожно видеть, как он склоняется над престолом, ограждая и обнимая Пречистое Тело каким-то колыбельно бережным движением. Тут подлинно жертва и подлинно клятва: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь, утверждение и прибежище мое».

Я опускаюсь на колени в тяжелый песок и благодарю Бога, что Он позволил мне увидеть это таинство Вечери и Воскресения. Светлое мраморное «Воскресение» реет в кадилном дыме и паре дыхания, и на сердце спокойно и свободно. Нет никакого другого мира и другой правды. Каждое слово подлинно, каждое движение единственно, и каждое желание просто. Эта полнота ничем иным не возмещаемая, и тут еще можно ослабшим и почти омертвевшим сердцем расслышать, как некогда прекрасно и свободно задуман был человек и как он был безграничен...

а они здесь, в корабельной «машине», держат все в чистоте и порядке, уверенные, что пока они бодрствуют, есть надежда. И она есть, есть! Вон как они спокойно и твердо проводят ночь!

В половине шестого Владимир говорит: «Ну а остальные три песни канона к причащению мы прочтем уже в пещерах. Батюшка ушел готовиться к литургии — в полседьмого он ждет».

Витька выходит в теплой куртке, в валенках с галошами. Владимир раздает фуфайки, пальто. Мне отыскиваются построенные на волчьем меху сапоги прежнего наместника. Тесновато, но как в печи. Спускаемся вниз под розанами рисованных на лестнице облаков. Из теснящихся вдоль стен риз и окладов выступил парадный портрет последнего государя. Успеваю увидеть, что писан он уже в 1903 году живописцем с фамилией Ульянов. В пещерах сразу в свете дальней свечи

27 октября. Батюшка выспросил обо всех общих знакомых, а рука не оставляла работы. «Не выходит у меня Ефрем Сириин. Да, вот такой — почти безбородый — нашел на одной чуть читаемой фреске. Одного уже смысл. Похоже, и второго смою». Исподволь стягиваются сумерки, лик меркнет, и он, жалая, что уходит час, а душа еще слышит образ, резко светлит скулы, лоб, и лик сразу свободно и сильно выступает из-под куколя, «выходит навстречу». Потом легко чертит несколько стремительно живых складок мантии, словно не впервые чертит, а обводит уже бывшие или ловит ветер — так естественно подхватываются они мгновенным порывом.

Отец
Алексей —
монастырский
звонарь
Monastery bell
ringer Father
Alexius

— Ох, мне же к отцу Серафиму!

Возвратившись, ищет для меня чтение.

— Вот, поглядите автобиографию Григория Богослова. Теперь ни слога такого, ни людей таких нет. Богатыри духа. Полу-боги.

— А теперь,— вставляю я,— и захочешь быть полубогом, так прихожане и обстоятельства не дадут.

И он, будто про себя, но с отчетливым указанием моей ошибки: «А разве этим можно быть или не быть?» — И что-то, видно, задето моей необдуманной фразой давно тревожащее, горькое.— «Говорят, что православие не удалось. Какая чушь! Мы потому и живы, что оно держит нас. Православие — это не религия, не один из ее видов, а новое человечество. Небо сведено с землю — какая еще после этого религия?» А потом уже о другом: «Общество «Изограф» врет от моего имени, хотя я только и просил их найти покровителя в Синоде, без чего они ни то, ни се. А тут читаю интервью и в нем определение их достижений: оказывается, теперь можно писать иконы независимо от Церкви — наверно, на выставки-продажи. Молодцы, что скажешь... Всё одно к одному. Недавно приезжал даже актер, который на студии Довженко будет сниматься в роли Христа. «Раз икону,— говорит,— писать можно, отчего сниматься нельзя?» — вот аргументация этого неопита или невера, не знающего начал Церкви. Вот горе-то...»

28 октября. Зашел к отцу Тавриону.

— Ангина. Хвораю. Не выхожу никуда. Зато вот новости в газете гляжу. Вон пишут: три тысячи новых храмов открыли, а что-то никто не сообщает, что нашлось на святой Руси три тысячи богобоязненных людей. Да уж что тысячи? Десяток бы хоть, потому что начало премудрости — страх Господень. А храмы — что храмы...

Прощаемся, он просит:

— Помолитесь о моем поправлении.

— Да молитва-то,— говорю,— у меня, батюшка, слабая.

— А это не нам судить. Вот мне старец говорил: живет человек, мается — грехи чашу весов перетягивают. А на другой чаше — молитва его и за него, и всё эта чаша никак не одолеет грехов, хотя вроде уж за него все человечество молится. А подошел совсем вроде пустой для веры человек, пробормотал от сердца: «Да помилуй ты его, Господи!», какая уж это молитва, а глядишь — чаша-то с молитвой и перетянула.

День, начавшийся светло, вдруг как-то сник, обмяк, потускнел. Высокий сильный прут розы с одиноким бутонем стран-

но случаен, словно ошибкой в этом дне. Подошел отец Зинов по дороге на службу. Разговор опять свернул на Григория Богослова:

— Как ни открой, все сегодня откроешь. Вот: «Но как устоят корабль, или город, или воинство, или полнота лика, или дружелюбный дом, когда в них больше разрушающего, нежели скрепляющего? Это самое и было тогда с Христовым народом». Только и скажешь, что это самое есть с ним и сейчас. А Церковь наша невинна и чиста. Повреждено ее общество, люди в ней, тяжело говорить — иерархия наша. Ослабленность веры, начинающаяся с малого потакания внешнему, с пустого украшения, с блесков на дьяконских стихарях, с «реализма» в иконе, неизбежно приводит к ослаблению са-

Дмитрий —
ученик о. Зинова
Dmitry, a pupil
of Father Zenon

мого церковного народа, а там уж и к общему нестроению, которое сотрясает сейчас наш «дружелюбный дом». А Церковь стоит, как стояла, и надо только омыть, о-лице-творить, вернуть лицо.

...Опять мне не хочется уезжать — так сродно, выровнено, спокойно на душе. Галки кричат и косо летят под ветром. Роза у колокольни висится крепко и одиноко.

6 января. Приехал на Рождество. Каково оно тут? Ни разу как-то прежде в эти дни не попадал. Накануне на всенощной с радостью увидел, что служит уже иеро-

монах — не дьякон — Амвросий — недавно рукоположили. И Саша уже никакой не Саша, а дьякон Иоасаф. И служат оба, может, по духу-то еще и не очень глубоко, но молодо, радостно, с какой-то счастливой открытостью.

...Умываюсь снегом. Фатюшка за стеной гремит дровами, затапливает, и скоро в трубе ровно и сильно гудит. К семи иду в Лазаревский храм. Горят едва две свечи. Отец Иона начинает проскомидию. Сложенный пополам седенький брат Василий (приехал пять лет назад хоронить брата, а возвращается уж некуда и не к кому, остался) чуть переваливается через порожек, но когда я подхожу помочь ему, он отказывается: «Ничего, ничего, я сам, мне еще приложиться надо» — и как-то дотягивается до уголка аналая. Потом приводят схимонаха Николая, которому уже 94 года, и кое-как усаживают. Стул высокий, и ноги старика, как у ребенка, висят над полом. Все службу он старается перекреститься, заносит руку, но так и не довершает знамения — то ли забывает, то ли уж и сил нет. И все не то поет, не то плачет тем гласом, которым поет клирос. На чтении Евангелия ему помогают встать. Он немного стоит, потом неловко падает поперек стула. Я поднимаю его и держу до конца чтения и с горькой отрадой вижу, что рядом с моей подсовывается и сухая ладошка старика Василия, как будто он кого-то еще способен удержать. Сам как былинка, а вот подпирает сверстника, и, глядишь, так вот вдвоем они еще постоят на земле и в храме.

Девушка-реставратор из Петербурга стоит в сторонке прямо, недвижно — чистая нестеровская свеча. Послушник Владимир и молодые рабочие Алексей и Георгий поют знаменным распевом, еще робко и тщательно, только обыкая строгому пению. И отец Иона напряженно слушает их, чтобы держать единство тона в службе, и все это вместе высоко и чисто. К причастию приходят послушники, помогают Анании, Василию, Николаю, и, расходясь, старики оживляются на минуту, что вот Бог дал сил и еще на одну литургию.

Захожу после службы к отцу Зинову.
— А-а, Николай...

Он живет уже в другом измерении. Отец Анания обычно перед причащением приходит просить прощения у отцов. Подходит и к нему: «Прости меня, схимонах Николай!» А тот: «А ты кто?» Анания кричит: «Анания я, Анания!» Отец Николай откуда-то издалека, уже будто и не из нашей жизни, не то узнаёт, не то вспоминает: «А, Анания...», но видно, что для него это только какой-то забытый звук из оставленного мира, а Анании никакого нет.

Долго смотрит в «Нашем наследии» ре-

продукции коринской «Руси уходящей»: «Нет, это был холст обреченный. И не в Павле Дмитриевиче было дело, а в церковном состоянии. Там уже все было повреждено. И не зря он всех их не Церковью, а эстетикой пытался собрать. Но если для Церкви они уже были слишком рассеяны и разорены, то для эстетики еще слишком сильны — не давались. Вот до холста и не дошло».

7 января. Выхожу из кельи в половине первого. Батюшка тоже собрался. Благословляюсь, чтобы были силы для долгой службы. В храме суетно и еще не тесно. Теснота начнется к часу. Выставший за зиму храм отогреется и вспотеет. Часам к четырем закапает со стен и сводов к развлечению многочисленных детей. Они будут ловить капли и искать случая отодвинуться, а то и ускользнуть от матери на улицу. К утрени я выйду вдохнуть морозного воздуха и увижу, как они бегают у храма, будто на переменке, и на радостную информацию оставленной в храме девочки — «Помазают!» — летят к елеопомазанию. И когда уже под самое утро я выйду на крыльцо еще раз, они всё будут тут. Какая-то кроха на паперти готовно предупреждает каждого, кто выбегает из темноты: «Еще «Верую» не пели». И они опять уносятся к «вертепу» — к высокой снежной пещере у монастырских ворот, где под елкой будет мерцать в свечах образ Рождества и белеть свежеспеченный агнец, чтобы детям веселее было проходить ночь до утреннего праздничного причаствия.

К вечеру я уезжаю, и все нейдет у меня из памяти «Русь уходящая». И все думается — уходящая ли? А вот это-то что: это радостное служение отца Ионы, этот младенчески светлый Василий, сующий ладошку под слабую спину схимонаха Николая, эта девушка-свеча, эти дети у вертепа, которые, вероятно, и век, и два назад были таковы. Это-то из какого народа и какого дня?

* * *

Вот кончится Страстная неделя, придет Пасха, и белая старая звонница вздрогнет от хора колоколов, как в минувшем мае. Небо подымется и полетит, и звонарь церкви Сорока Мучеников опять ревниво будет пережидать монастырское колокольное ликование, чтобы тотчас за ним вступить часто и весело, как в деревенской пляске.

И опять можно будет поверить, что времени нет, а стоит над монастырем и Россией один долгий и светлый день...

Печоры — Псков

Архимандрит
Алипий
Archimandrite
Alipiy

Дар Алипия

Савелий ЯМЩИКОВ

Настоятель Псково-Печорского монастыря архимандрит Алипий боготворил все, связанное с изобразительным искусством. Зная эту его страсть, люди везли в Печорский монастырь иконы, картины, скульптуру, редкие образцы мебели, предметы декоративно-прикладного искусства. Кто-то передавал художественные ценности в дар, некоторые старались на этом поживиться, иногда даже подсовывая наместнику фальшивые вещи. Мне довелось принимать посильное участие в экспертизе многих произведений, поступающих в коллекцию Алипия, привлекая своих коллег-реставраторов.

За годы служения в Псково-Печорском монастыре у отца Алипия образовалось довольно-таки приличное собрание картин русских и западноевропейских художников. Псковский владыка митрополит Иоанн сказал как-то мне: «У Алипия страсть к живописи похожа на влечение алкоголика к водке. Боюсь, что он свихнется на своем собирательстве». Но Алипий с ума не сошел, а потихоньку стал обдумывать будущую судьбу коллекции. Словно предчувствуя, что новый наместник станет гонителем всего прекрасного и по-

старается свести на нет следы его культурно-просветительской деятельности, он решил передать картины в музей. Я предложил подарить русскую часть коллекции в Псковскую галерею, но наместник, зная низкий уровень здешнего руководства, наотрез отказался и остановил свой выбор на директоре Русского музея — замечательном собирателе и ученом Василии Алексеевиче Пушкиреве. Долго искал я подходящего момента для организации встречи двух бывших фронтовиков, настоящих патриотов и подвижников в своем деле. Радостно было мне наблюдать, как быстро нашли они общий язык, без лишней проволочек оформили дарственную, согласно которой картины из собрания Алипия стали собственностью Русского музея. Оговорюсь, что некоторые упрекали Алипия в самовольном распоряжении монастырским имуществом. Он отвечал этим оппонентам однозначно: «Ни одна икона или другой атрибут из монастыря не выйдут. Картины же после моей смерти выбросят на помойку или станут ими спекулировать». Он словно в воду смотрел, ибо такая участь постигла большинство предметов коллекции.

В Русском музее выставку дара И. М. Воронова (Алипия) организовали уже через несколько месяцев после его поступления. Был издан научный каталог выставки, в журналах и газетах появились статьи, рассказывающие о дарителе и его собрании. К сожалению, игумен не дожид до вернисажа всего пару недель.

Коллекция архимандрита Алипия, подаренная Русскому музею, состоит из произведений отечественной живописи и графики XVIII — XX веков. Специалисты подвергли все собрание тщательному об-

следованию, проведя экспертизу всех картин и графических листов.

Среди русских портретов, собранных Алипием, наиболее ранний по времени создания (первая четверть XVIII века) — портрет стольника Никиты Федоровича Волконского. Несмотря на некоторые нововления авторской живописи, портрет представляет несомненный историко-художественный интерес. Волконский — предок Льва Толстого по материнской линии — написан художником одаренным, хорошо владеющим трудным ремеслом

Репродукции
из личного
архива автора

Картины
из коллекции
архимандрита
Алипия

Reproductions
from the author's
private
archives

Pictures from
the collection
of Archimandrite
Alipy

Савва
Первосвящен-
ный. Фреска
Успенского
собора
Псково-Печор-
ского
монастыря,
XVI в.,
раскрытая при
участии автора
St. Sabbas the
Blessed. Fresco
of the Dormition
Cathedral at the
Pskovo-Pechersky
Monastery,
16th-century,
cleaned with
the participation
of the author

портретиста. Молодой князь изображен в парадном костюме, поза его торжественна и величава. Но при всей официальной условности портрет привлекает свободной манерой исполнения, изысканным рисунком.

На оборотной стороне портрета фельдмаршала П. С. Салтыкова сохранилась подлинная надпись автора: «1762 года мая 20 числа малевал Иван Локтев». Живописец И. Локтев, по имеющимся архивным данным, прошел курс обучения у знаменитого Рокотова. До сих пор нам была известна лишь одна подписная работа единственного рокотовского ученика. Вот почему портрет, попавший из Печорского монастыря в Русский музей, — ценная находка для истории портретной живописи России восемнадцатого столетия.

Почти миниатюрный по размерам портрет неизвестной женщины с голубым бантом на груди подписан монограммой «А Т». На обороте холста дана поздняя расшифровка монограммы: «А. Тыранов, ученик Венецианова». Качество подлинного произведения искусства часто не зависит от громкого имени, которым оно подписано.

Четыре больших полотна И. Айва-

зовского из собрания Алипия, созданные на разных этапах творчества крупного русского мариниста, не имеют себе прямых аналогий в художественном наследии прославленного живописца.

Самое большое место в печорской коллекции занимают работы В. Поленова. Наряду с живописными эскизами библейской серии Русский музей приобрел и две законченные картины: «Мечты» и «Вернулся в Галилею в силе духа». Поленов никогда не повторялся в своем творчестве, и каждый новый вариант одного и того же сюжета отличается глубоким своеобразием и новой трактовкой библейских тем.

И. Шишкин, А. Дубовской, И. Крамской, В. Васнецов, М. Нестеров, М. Добужинский, И. Горюшкин-Сорокопудов, П. Петровичев — вот только некоторые из имен художников, произведения которых стали собственностью Русского и Псковского музеев (В. Пушкирев передал часть печорской коллекции в Псков). Картины этих мастеров, даже если некоторые из них и не относятся к разряду первоклассных, найдут свое место в истории русского искусства.

Западноевропейская живопись занимала в собрании Алипия небольшую

Б. Э. Мурильо
(1618—1682).
Святое
семейство
(авторское
повторение).
холст, масло.
125×156

В. Е. Murillo
(1618—1682).
The Holy
Family
(author's copy).
Oil on canvas.
125×156

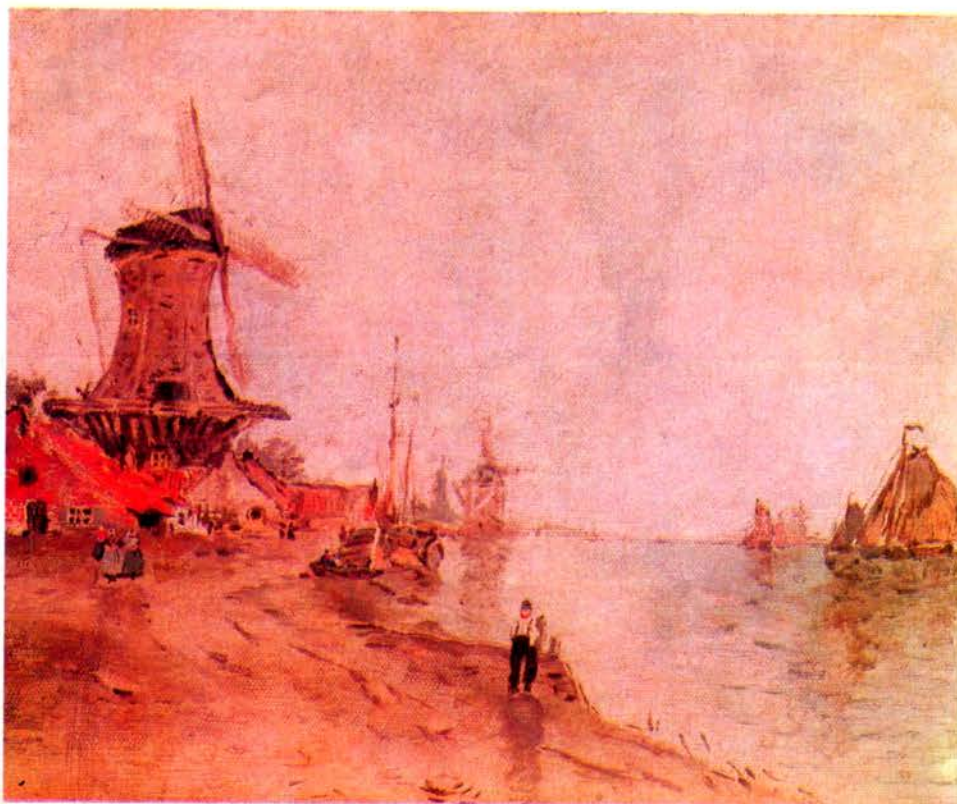

Неизвестный итальянский художник XVI в. Мадонна с голубем. Дерево, масло. 82×60. Псковский историко-художественный музей.

Anonymous Italian painter of the 16th-century. The Virgin with Rigeon. Oil on wood. 82×60. Pskov History and Arts Museum.

часть. Но среди западных картин, безусловно, были первоклассные образцы. Долго убеждал я руководителей Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина поехать в Печоры за получением в дар этих картин. К сожалению, они не были заражены подвижничеством, свойственным В. Пушкареву. После смерти архимандрита Алипия в течение нескольких лет боролся за исполнение воли покойного — передачу западных картин в музей. Много пришлось претерпеть и от

советской власти, и от скорого на физическую расправу архимандрита Гавриила, сменившего Алипия на посту наместника. Теперь это все позади: оскорбления, угрозы, насмешки. Бригада реставраторов под руководством первоклассного мастера С. Голушкина восстановила творения итальянских, испанских, немецких, фламандских мастеров XVI—XVIII веков из собрания Алипия, и скоро в Псковском музее откроется новый раздел: «Шедевры западноевропейской живописи».

Т. Ромбоутс
(1597—1687).
Аллегория
пяти чувств
(авторское
повторение).
Холст, масло.
136×183.
Псковский
историко-художественный
музей.

Th. Rombouts
(1597—1687).
Allegory of
five senses
(author's copy).
Oil on canvas.
136×183.
Pskov History
and Arts Museum.

Р. Дюфи
(1877—1953).
Пейзаж
с мельницей.
Холст, масло.
42×37.
Картина исчезла
после смерти
архимандрита
Алипия

R. Dufy
(1877—1953).
Landscape with
Mill. Oil on
canvas. 42×37.

«По обителям первопрестольной»

◀ Вид на
Новодевичий
монастырь
с северной
стороны

View of the
New Maidens
Convent from
the north.

Преображен-
ская надвратная
церковь

The
Over-the-Gate
Church of the
Transfiguration

Фото
Виктора Титова
Photo
by V. Titov

Певческий
палаты
Chorister
chambers

Монастырский
некрополь
Monastery
necropolis

ПОСРЕДИ ПОЛЯ ДЕВИЧЬЕГО

Приступив к Смоленску, великий московский князь Василий III, ища покровительства у Смоленской Божьей матери, Одигитрии, дал обет поставить в ее честь монастырь в Москве.

Новая обитель с первых же дней заняла особое положение: сюда постригали монахинь из знатных боярских и княжеских родов, родственниц и жен русских самодержцев. Новодевичий монастырь стал местом богомолья царской семьи, которая щедро оделяла его денежными и земельными пожалованиями. К концу XVII века сложился дошедший до наших дней архитектурный ансамбль: стены с башнями, украшенными ажурной вязью; золотоглавые церкви с изящными колоннами, резными наличниками и лепными карнизами и удивительно стройная и нарядная колокольня, которая хотя и уступает по высоте Ивану Великому в Кремле, но спорит с ним по красоте.

МУЗЕЙ

В монастырях нередко создавались великие произведения искусства. Вспомним хотя бы фрески Дионисия в Ферапонтове или Троицу и Звенигородский чин Рублева. А какая утварь, какие богатые библиотеки! Силуэты Соловков, Кирилло-Белозерского или Иосифо-Волоколамского монастырей украшают все учебники архитектуры. И неслучайно русские художники так часто рисовали, писали стены и башни монастырские. Закрывая монастыри, советская власть их легко превращала в музеи, потому что они уже были ими

Смирные
труды
св. Сергия.
Миниатюра
XVI в.

Feats of
St. Sergius.
16th-century
miniature

«Чувство расстояния»

Олеся ТУРКИНА,

сотрудник Государственного Русского музея

Несколько лет назад мы решили впервые за много-много лет извлечь из наших запасников и представить зрителю богатейшее собрание гравюр и лубков с изображением монастырей. Надо ли говорить лишний раз, что эта тема до недавних пор если и не была под запретом, то старательно замалчивалась. Нет, сотрудники нашего, да и других музеев, тщательно хранили свои коллекции, систематизировали, изучали, но опубликовать о них статью или организовать выставку — и думать не смели. И не беда, если бы музейщиков обвинили тогда в «идеологической диверсии», — сами экспонаты могли быть потеряны для будущего...

И вот, наконец, пришло время, когда тонкие и красочные листы с изображениями известнейших и уже забытых российских обителей заняли свое место в выставочном зале. Virtuозно исполненные профессиональным резцом или созданные в наивной манере

провинциальным ремесленником — эти гравюры не предназначались для украшения парадных залов. Картины с видами монастырей в основном покупали паломники, чтобы унести с собой память о благодатном свидании. Большие гравюры с видами православных святынь имелись в любом купеческом и мещанском доме, более дешевые лубки висели рядом с образами в крестьянских избах. Теперь найдешь их разве что у коллекционера или в музейном запаснике.

Приходится признать, что, разглядывая их, иной раз щемит сердце: от некоторых прославленных духовными и ратными подвигами российских монастырей остались обомшелые руины. В этих случаях гравюры становятся документами, бесценными для реставраторов, которые хотят воскресить утраченное величие православного искусства.

Одно из самых ранних произведений в

Вид
Николаевской
Берлюковской
пустыни под
Москвой.

Panorama of the
Nikolayevskaya
Berliukovskaya
Hermitage near
Moscow.

Вид Югской Доросеевой общежительной пустыни близ Молога (затоплена Рыбинским водохранилищем)

Panorama of the Ugskaya Dorofeyeva cenobitic hermitage near Mologa (flooded by the Rybinsk Reservoir)

нашей коллекции — «Зосима и Савватий Соловецкие», чье изображение исполнено во второй половине XVII века в традиционной для того времени технике гравюры на дереве. Основатели Соловецкой обители держат в руках модель грандиозного северного монастыря, который представлен таким, каким был уже перед глазами художника: со множеством каменных башен, церквей, маковиц с крестами. В этой гравюре повторена традиционная иконная композиция, где изображение святого сочеталось с видом основанной им обители. Также лаконичное контурное изображение предназначалось для раскраски. Оно окружено рамкой с витиеватым растительным узором, имитирующим оклад иконы. Сами Зосима и Савватий, доведись им увидеть Соловецкий монастырь на этой гравюре, поразились бы его богатством и красотой. Резчик ничего не преувеличил, он со всевозможной точностью передал застройку, которую узнаёт всякий, кто побывал на Соловках.

Как выглядели те же Соловки в начале XIX века, можно судить по более поздней гравюре из нашего собрания, «вырезанной тщанием архимандрита Досифея», как говорится в сделанной к изображению приписке. Это уже совершенно иное по характеру художественное произведение. Вид Соловецкого монастыря исполнен Досифеем в технике гравирования на металле, которой овладели в иконописной мастерской на Соловках. На протяжении XVIII—XIX веков здесь «вырезались» и печатались многочисленные изображения обители, предназначенные для продажи посещающим острова пилигримам. Эти гравюры и лубки часто не имели подписи художника, так как

создавались они исключительно для прославления обители. Таким образом, соловецкие гравюры до самого закрытия монастыря продолжали традицию древнерусского и народного творчества, которая не придает большого значения заслугам автора и приписывает художественное совершенство божьему помыслу.

Привычка ставить подписи под своими работами пришла к нам вместе с западными мастерами. В собрании Русского музея есть, например, два больших гравированных вида Москвы — от Каменного моста со стороны Воробьевых гор. Они исполнены в 1708—1709 годах под руководством работавших в России голландских гравёров П. Пикарта и Я. Бликланда. Центральные изображения помещены, между прочим, в обрамлении восьми видов московских монастырей, заключённых в архитектурные рамки. Несмотря на определённую условность этих декоративных рамок, составленных из пилонов и цветочных гирлянд, монастырские виды отличаются необычайной живописностью и правдивостью. Возьмем для примера самый известный и богатый московский Новодевичий монастырь. Он изображен гравёром со стороны Девичьего поля, на некотором отдалении. Нетрудно различить среди многообразия архитектуры монументальный пятиглавый собор, называемый Смоленским в честь иконы Смоленской Божьей Матери, и колокольню, которая, по словам архитектора Баженова, «более обольстит очи человека вкусимущего, чем колокольня Ивана Великого», и нарядную Успенскую церковь с обширной трапезной... И все-таки для художника в данном случае было важным создать общее впечатление, чем показать каждый памятник в

отдельности — оттого на первом плане появляются человеческие фигурки и животные, за монастырскими стенами кудрявятся деревья, а купола окутывают облака.

Пикарт, об участии которого в создании упомянутых видов Москвы нам стало известно из архивных документов, исполнил несколько гравюр с изображениями петербургских строений. В 1723 году, как свидетельствует надпись на гравюре, им исполнен проект Александро-Невского монастыря, будущей Лавры. Пикарт передал основные черты архитектурного проекта, созданного по воле Петра I зодчим «пруссские земли» Т. Швертфегером. Это был второй по счету архитектурный проект монастыря, который, как и первый, не получил полного воплощения в натуре. На гравюре мы видим окружающий строения с запада итальянский парк, несуществующий судоходный канал с восточной стороны, невыкопанный пруд. Несмотря на топографическую точность, гравюра Пикарта представляет собой не просто чертеж, а вполне самостоятельное художественное произведение.

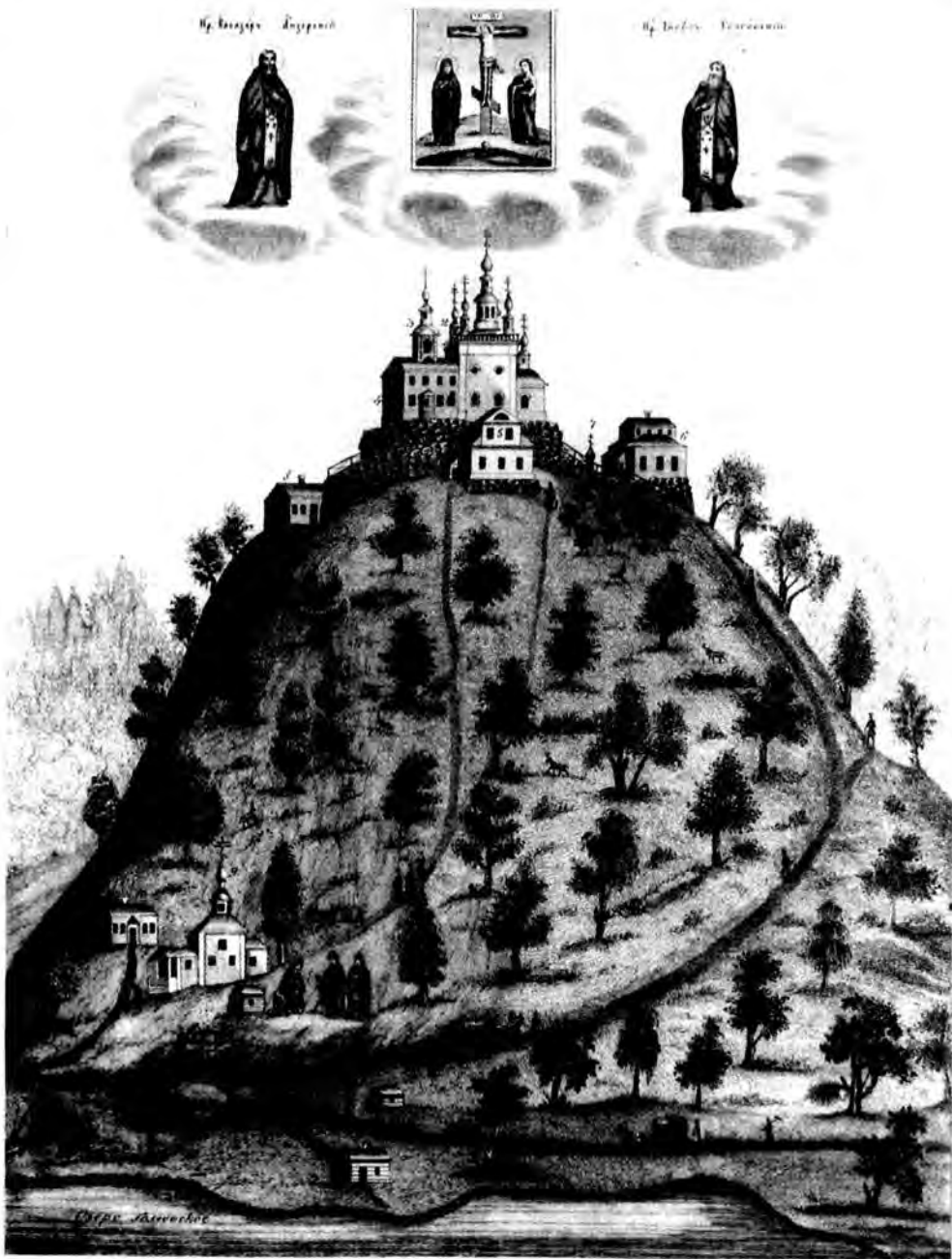
С развитием профессиональной гравировальной школы подписи под своими работами стали ставить и отечественные мастера. В 1748 году при Академии наук и художеств в Петербурге мастер Григорий Качалов гравировал еще один проект Александро-Невского монастыря. Качалов исполнил большую аллегорическую гравюру с текстом — так называемым «тезисом» — по заказу архимандрита Феодосия, согласно его «программе». Гравюра делится на две части: изображение Троицы и Александра Невского со святым Федором и собственно вид монастыря. По рисунку

художника Гриммеля гравер сделал вокруг изображения барочную рамку и аллегорическую часть. Перспектива монастыря была скопирована с рисунка М. Махаева — художника, создавшего в середине XVIII века серию видов Петербурга и его окрестностей. Созданное Качаловым изображение Александро-Невского монастыря является образцом гравюры эпохи барокко — работе свойственна риторика и художественные излишества. В духе барокко и сопровождающая стихотворная надпись с упоминанием «высокославнейшего Петра».

Ансамбль Александро-Невского монастыря окончательно сложился только в конце XVIII века, когда под руководством архитектора И. Старова был завершен грандиозный Троицкий собор. На литографии, то есть в технике гравюры на камне, выполненной автором петербургских видов К. Бетровым, мы видим главный петербургский монастырь в близком к современному виде.

В начале XIX века в Академии художеств открылся гравировально-ландшафтный класс, где были подготовлены великолепные мастера своего дела. Один из талантливейших выпускников этого класса И. Чесский исполнил по рисунку Г. Сергеева вид Валаамского монастыря, который можно рассматривать как полнокровный пейзаж. Изображение монастыря на гравюре Чесского впервые отделяется от аллегорической композиции, подчиняясь исключительно условностям романтического пейзажа: с кулисным построением первого плана, использованием световоздушной перспективы. Валаамский монастырь и его главный Спасо-Преображенский собор занимают место в глубине композиции, как бы

Успенский
Зилантов
монастырь
под Казанью
The Zilantov
Monastery of
the Dormition
near Kazan

Свято-Распятский скит на Анзерском острове на горе Голгофе (Соловецкий архипелаг)

The Skete of the Holy Crucifixion on the Colgotha Hill, the Anzer Isle (Solovki Archipelago)

отгороженные от зрителя волнистыми водами и гранитными берегами Монастырской бухты.

В собрании Русского музея множество видов Валаамского монастыря, равно как и других, менее известных обителей, как, например, Коневецкий монастырь, разбросанных по островам Ладожского озера или Селигера. Немало также видов провинциальных монастырей, удаленных от града Петрова на тысячи верст, — святыни Казанской, Воронежской, Орловской, Харьковской губерний, обители Сибири, Кубани и Крыма... Но, конечно, самое большое место в музейной коллекции гравюр занимают изображения Троице-Сергиевой

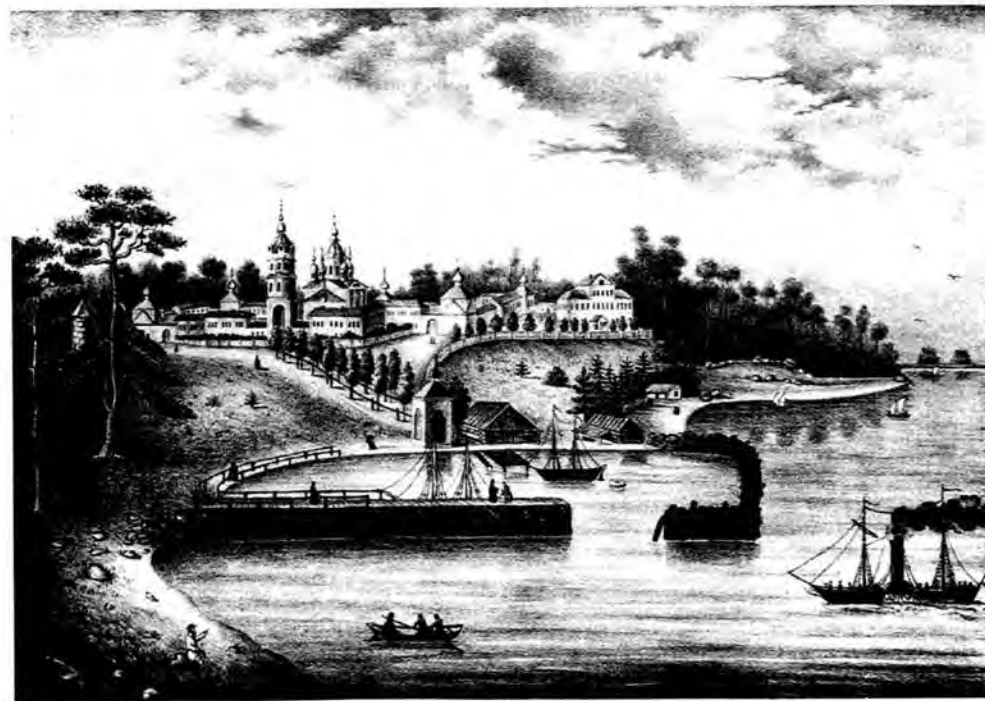
Лавры. Листы с видами главной российской святыни когда-то можно было встретить везде — они расходились по свету вместе с богомольцами, притекавшими к гробу Сергия Радонежского.

Исполненные в различных техниках и манерах, профессионально совершенные и ремесленно-наивные, гравюры с монастырским пейзажем были частью народного искусства. Глядя на эти картинки, мне невольно вспоминаются слова Евгения Трубецкого, писавшего о присутствии русского изографа «чувстве расстояния», благодаря чему далекое становится близким.

Санкт-Петербург

Вид
Звенигородского
Саввино-
Сторожевского
монастыря под
Москвой
View of
the Savvino-
Storozhevsky
Monastery
in Zvenigorod
near Moscow

Вид
Рождественско-
го Конецкого
монастыря на
Ладогe

View of the
Konevsky
Monastery of
the Nativity on
the Ladoga

Говорящие иконы

Ольга ПОЛЯКОВА,
сотрудник музея «Коломенское»

Благодаря подвижнической деятельности архитектора Петра Дмитриевича Барановского, перед войной были спасены от гибели не только выдающиеся памятники зодчества. Из заброшенных церквей Москвы и Подмоскovie, городов и сел Русского Севера он привез в музей «Коломенское», заведующим которого в ту пору был, множество бесценных произведений древнерусской живописи. Если бы не его своевременная инициатива, большинство древних икон, абсолютно никого не интересовавших во времена культурной революции, пошли бы в печку.

С особенным интересом и, можно сказать, любовью относился Барановский к большим иконам с яркими и затейливыми архитектурными фонами. Прежде всего это объяснялось его профессиональным пристрастием, но и не только им одним. Знаменитый архитектор-реставратор безошибочно мог оценить художественный уровень древней живописи и обладал исключительным вкусом. И все же в данном случае Петр Дмитриевич ставил на первый план важность иконографического материала для реставрационной науки, в будущее могущество которой никогда не переставал верить.

Сегодня перед теми, кто приходит смотреть собрание икон музея «Коломенское», встает целая галерея портретов. В подавляющем большинстве это русские святые, реальные исторические лица, сыгравшие роль в становлении государства — одни мирили государей, другие благословляли воинов на победу, третьи смело обличали пороки, четвертые устраивали монастыри и тем самым несли христианскую цивилизацию на далекие окраины. Нравственный и гражданский подвиг возвеличивал этих людей в глазах современников. Поэтому еще при жизни подвижников старались запомнить в лицо, чтобы правдиво рассказать о них потомкам. В силу этого изображения русских святых канонизировались, их иконография не менялась в течение столетий.

Официальной канонизации подвижников предшествовало местное почитание. Записывались тогда устные предания о святом, фиксировались основные вехи

его жизни, совершенные подвиги и чудеса, в том числе и совершаемые у гроба. Особо почитались материальные памятники, чаще всего церкви и монастыри, устроенные подвижниками.

Знакомясь с житиями святых, иконописцы старались не упустить ни одной интересной детали. Они по-своему обрабатывали эту информацию, прежде чем класть краски на левкас. Они настойчиво искали верный образ своего героя, стремясь сделать изображение хорошо узнаваемым не только в главных, но и во второстепенных деталях. Обычно художники использовали безошибочный прием — помещали своего святого в реальную историческую среду, которой чаще всего являлась церковная архитектура. При этом иконописец не сковывал себя историческим правдоподобием и не стремился поместить персонаж в соответствующую эпоху обстановку. Художник предпочитал брать панорамы и формы отдельных зданий для новой иконы из окружающей жизни и писать их узнаваемыми для своих современников.

Вид монастырских построек, которые очень часто служили фоном для икон, изображающих русских святых, позволял легко угадать имя угодника, даже если молящийся не был силен в грамоте и не умел разобрать обязательные надписи. Основатель монастыря на иконе представлялся, как правило, в одной позе — обращенным молитвенно сложенными руками к Спасу или Богородице. Таковы на иконах преподобные Антоний Дымский, Авраамий Галицкий, Дмитрий Прилуцкий и другие. На нескольких иконах из нашего музея мы задержим внимание. На тех, которые неожиданно заговорили под пытливым взглядом исследователя.

...На лесистых просторах России множество забытых мест, которые в прошлом пользовались у православных большой популярностью. К числу таких святых мест принадлежал Антониев Дымский монастырь, расположенный на озере Дымском, неподалеку от Тихвина. Основатель обители преподобный Антоний Дымский родился в 1206 году в Новгороде. Удалившись от мирских сует в Дым-

Икона «Антоний Дымский». XIX в.
Icon "St. Anthony Dymsky". 19th century

ские леса, он вырыл пещеру, затем построил из дерева келью и церковь. Разрешение открыть монастырь было дано грамотой князя Александра Невского.

На протяжении столетий постройки Дымского монастыря не раз разрушались неприятелем. В 1409 году их спалили татары, в 1611-м — поляки. С 1763 по 1794 год обитель вообще не действовала. В начале XIX столетия Дымский монастырь строили фактически заново, уже с использованием камня. В этот период и запечатлел его иконописец на иконе, изображающей преподобного Антония Дымского. Понятно, что при жизни святого новых построек быть не могло.

В основе облика святого, безусловно, лежит какой-то иконографический первоисточник. Сохранилось известие о древней иконе Антония Дымского, находившейся над ракой преподобного в монастырском соборе; другой его образ висел над входом в обитель. С них, видимо, и был списан лик святого иконописцем прошлого века. Скорее всего им был монах Дымского монастыря, хорошо его знавший. Он реалистически изобразил окрестные леса с качающимися на ветру елями, кустарником и высокими травами.

На иконе в центре монастырского двора показан каменный Троицкий собор. Нам известно, что нижний ярус храма возведен в XVII веке. Тогда же были учреждены престолы Богоматери Казанской и Антония Великого. Верхний ярус, в котором разместились приделы Троицы и Антония Дымского, был надстроен в 1806 году. К собору примыкает колокольня, а вдоль ограды протянулись каменные одноэтажные корпуса, где размещались братские кельи, амбары, кладовые, баня, покои настоятеля.

Обратила на себя внимание изображенная иконописцем ограда. На иконе мы видим четыре каменные башни, а стены показаны деревянными. Каменные стены в Дымском монастыре появились, судя по документам, в 1839 году, следовательно, икона с изображением Антония Дымского появилась незадолго до этой даты, когда строительство стены еще не было закончено. Позже монастырский ансамбль претерпел и другие изменения. В частности, были возведены двухэтажные каменные дома. Таким образом, икона «Антоний Дымский», помимо несомненных художественных достоинств, стала ценным историческим свидетельством, документально иллюстрирующим этапы развития незаурядного архитектурного ансамбля. Она стала ценным источником для архитекторов-реставраторов.

Икона «Явление иконы Богоматери Авраамии Галицкому» написана в сере-

дине XVIII века. Сюжет ее связан с легендой о явлении преподобному Авраамии чудотворной иконы. Авраамий изображен вместе с основанным им Авраамиевым Городецким монастырем. Он находится между древними городами Чухломой и Солигаличем, на лесистом склоне у Чухломского озера. Отшельник Авраамий пришел на это место в XIV веке, поставил у подножия высокого холма часовню. Впоследствии здесь появилась Покровская церковь, вокруг которой поселились ученики Авраамия. Перед смертью основатель обители покинул братию и удалился в часовню. Скончался подвижник в 1375 году.

Композиция иконы состоит из нескольких сцен: моление Авраамия в часовне перед иконой Спаса, молитва Авраамия на горе перед иконой Богоматери, ангелы спускаются к Авраамии с иконой Богоматери и, наконец, основание на горе монастыря. Дальнейшую судьбу явленной Авраамии иконы проследить сложно. Считалось, что именно она находилась в одной из церквей упраздненного Новозаозерского монастыря.

Игумен этого монастыря Протасий в середине XVI века составил житие преподобного Авраамия Галицкого. Автор подчеркнул, что за сведениями о жизни угодника он обращался к помнившей его братии и просил принести письменные свидетельства. И ему принесли «мало нечто написано о житии... ветхо и изодрано, аз же едва прочтох».

Согласно описаниям начала XVII века в Городецком монастыре значились каменная церковь Покрова с приделом Ильи Пророка, деревянная церковь Рождества Христова, кельи. Под горой конный и скотный дворы, пахотные земли. Ко второй половине XVII столетия большинство построек пришли в ветхость и требовали поновления. Однако строительство началось здесь только в начале следующего века, когда к управлению обителью пришел новый энергичный игумен. В ту пору с новой силой возобновилось почитание местного святого. Иконы с изображением Авраамия стали писать на заказ.

Музейная икона с изображением Авраамиева Городецкого монастыря замечательный и в то же время типичный образец провинциальной художественной школы эпохи барокко. Особенности стиля проявились в пропорциях фигур, приземистых и полноватых, в характерной округлости ликов, в общей цветовой гамме, где преобладают насыщенные красный и синий цвета в сочетании с обильными золотыми деталями и, конечно, в присутствии парящих ангелов.

Анализ изображенного архитектурно-

го ансамбля помогает существенно уточнить дату создания иконы в рамках XVIII столетия. Наиболее древние монастырские постройки относятся к XVII веку. В 1608 году здесь заложили каменный Покровский собор с приделом пророка Или над ракой Авраамия. Строительство завершилось в 1632 году. На иконе собор показан с тремя окнами по фасаду и тремя золотыми главками

на световых барабанах. Первоначально кубический объем собора завершался пятиглавием, но в XIX веке позакомарное покрытие сменили на более простое, четырехскатное, при этом две угловые главки разобрали.

Рядом с собором иконописец изобразил колокольню, которая показана трехъярусной с шатровым верхом. Эту колокольню мы знаем только по изображе-

Икона «Явление иконы Богоматери Авраамии Галицкому». Сер. XVIII в.

Icon "The Appearance of the Virgin to St. Abraham of Galich". Mid-18th century

Икона «Дмитрий Прилуцкий и князь Игнатий». Сер. XV в.

Icon "St. Dmitry Prilutsky and Prince Ignatius". Mid-18th century

нию на иконе, потому что ее разобрали в 1848 году. Показана иконописцем и деревянная монастырская ограда. Как известно, каменная ограда в Авраамиевом Городецком монастыре появилась в 1766 году, следовательно, икона никак не могла быть создана позже этой даты. Несмотря на достаточную долю условности, художник точно изобразил монастырский ансамбль, каким был он в то время.

Еще одна икона из собрания музея «Коломенское» — «Дмитрий Прилуцкий и князь Игнатий». Суровый монастырь-крепость показан здесь в виде модели, которую держат в руках святые угодники. Икона привлекает не только редкостным сюжетом, но и своими исключительными художественными достоинствами. Художник владел уверенным четким рисунком, тонко чувствовал оттенки цветовой гаммы — от приглушенных темных тонов

до контрастных пробелов, придающих особую выразительность этому замечательному образцу северной иконописи.

Основатель монастыря преподобный Дмитрий Прилуцкий, умерший в 1391 году, и князь-инок Игнатий, скончавшийся в 1523 году, погребены в Спасо-Прилуцком монастыре. Оба считаются покровителями вологодской обители. Святых иконописец лицом обратил к иконе «Введение во храм», помещенной в верхней части композиции.

Панорама монастыря раскрывается с северной стороны и сверху. Это позволило подробно показать все его строения. На переднем плане часть каменной ограды со Святыми воротами с большой и маленькой арками. Над проездом — церковь Федора Стратилата, устроенная в 1590 году. Это небольшая кубическая постройка с главкой на световом барабане.

До середины XVII века лишь северная монастырская стена с надвратной церковью была каменной, остальные оставались деревянными. Поэтому далеко не случайно иконописец северную часть ограды написал белилами, а южную, просматривающуюся со стороны двора, охрю. Так ненавязчиво подчеркнул он различие материалов — дерева и камня. В восточной части ансамбля художник достоверно изобразил пятиглавый Спасский собор, памятник XVI столетия. Не упустил он мельчайших конструктивных особенностей, показав деление фасадов на три прясла, систему полукруглых закомаров. Спасский собор первоначально соединялся крытым переходом с другой церковью, Введенской, к которой примыкала трапезная палата.

Талантливый иконописец запечатлел Спасо-Прилуцкий монастырь таким, каким он выглядел до середины XVII столетия. Когда же его каменные стены стали полностью каменными, а по углам поднялись мощные башни, древний монастырский ансамбль стал таким, каким мы знаем его сегодня.

Сюжет иконы «Явление Богоматери Кириллу Белозерскому» объясняется надписью на фоне: «Явися Пресвятая Богородица преподобному архимандриту Кирилу показующему где быть честные обители Кирилову монастырю».

В нижней части композиции мы отмечаем изображение московского Симонова монастыря и поясную фигуру преподобного Кирилла, молящегося перед иконой Спасителя. Отделенная от окружающего фона пышными облаками, представлена Богоматерь, обращенная к Кириллу. Рука ее приподнята в указующем жесте.

В центре общей композиции другое изображение Богоматери. В короне, с жезлом и развернутым свитком она стоит на полумесяце в образе Царицы небесной. Она обращена в молении к Новоозаветной Троице, показанной вверху слева.

К Богоматери обращены жесты и взоры многочисленных персонажей, расположенных вокруг нее в несколько рядов в соответствии с небесной иерархией: справа ангелы и апостолы, а слева вселенские святители и русские святые. Образы их отмечены печатью высокой одухотворенности, лицам приданы индивидуальные черты, легко прочитываются эмоции, выражающие скорбь и надежду. В ряду русских иерархов — Петр, Алексей, Иона и Филипп, за ними — Иоанн Новгородский, Гурий и Варсонофий, Леонтий Ростовский. В нижнем ряду — преподобный Сергей Радонежский, Никон Радонежский, Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий, Нил (Столо-

бенский?), Варлаам Хутынский, Антоний и Феодосий Печерские.

Смыслом такой сложной композиции было, очевидно, стремление заказчика иконы утвердить Кирилла Белозерского в кругу крупнейших деятелей русской церкви, а также распространить заступничество Богоматери и святых сразу на две обители, связанные с его именем, — Кирилло-Белозерский монастырь на Севере и Симонов в Москве.

Ансамбль Симонова монастыря раскрывается на иконе с западной стороны, как бы с противоположного берега Москвы-реки. Центральное место среди построек занимает древний Успенский собор, основанный еще в XIV веке. К нему примыкает старая колокольня. Эта колокольня в прошлом веке была сломана, а над монастырем в то время поднялась другая, более высокая, возведенная на месте старого большого корпуса и части стены. Большинство изображенных на иконе зданий обозначены надписями: «церковь Одигитрии Богородицы», «церковь Вознесения», «церковь Происхождения честных древ на воротах», «поварня», «хлебный двор», «житница», «конюшенный двор», «святые ворота», «водные ворота»... Сопоставляя архитектурные планы Симонова монастыря, сделанные до его разрушения, с изображением на иконе, можно смело утверждать, что иконописец был в Симонове своим человеком, хорошо знавшим его изнутри (см. стр. 1).

На иконе «Пафнутий Боровский» преподобный Пафнутий обращен в молитвенном предстояние к образу Владимирской Богоматери. Нижнюю часть композиции занимает ансамбль монастыря-крепости, основанного им на берегу ручья Истерьмы близ города Боровска. Пафнутьев монастырь показан иконописцем с южной стороны. В правой части композиции представлен собор Рождества Богородицы. Он не имеет позакомарного покрытия, которое незадолго до создания иконы заменили на простую четырехскатную кровлю.

Известно, что в 1837 году к собору с западной стороны была пристроена каменная трапезная, изуродовавшая древнее здание, а с южной неподалеку возведена церковь Всех Святых, причем для ее постройки пришлось расчистить место, сломав старинную церковь Архистратига Михаила.

Вглядываясь в икону, замечаем, что Рождественский собор показан без пристроек, а к востоку от него видна маленькая старая церковь и келья. Очевидно, что эта икона была написана после того, как устроили четырехскатную кровлю, но до возведения трапезной. Следовательно, писали ее в конце двадцатых —

Икона «Пафнутий начале тридцатых годов XIX века. Икона «Пафнутий Боровский». XIX в.

Icon "St. Paphnutius of Borovskiy". 19th century

Словно книга повествует об истории строительства Иосифо-Волоколамского монастыря икона с изображением его основателя Иосифа Волоцкого — человека, оставившего заметный след в истории русской государственности и литературы. Икон с изображением этого святого сохранилось очень мало.

На иконе из нашего собрания художник уделил внимание в основном монастырю, удивительному творению пле-

ды русских мастеров XVII столетия. Иконописец с предельной точностью очертил стены с мощными и нарядными башнями, тщательно прописал их детали. Все башни изображены шатровыми — большинство с деревянным верхом, а две — с каменным, крытыми черепицей.

В 1785 году изображенная на иконе Никольская башня была разобрана, а на ее месте позднее выстроена новая. Но на иконе она изображена такой, какой была изначально. Кроме того, в конце

XVIII века все шатры над башнями покрывались кровельным железом, а на иконе они показаны тесовыми. Таким образом, икона преподобного Иосифа Волоцкого помогла реставраторам ансамбля получить верное представление о том, как выглядела эта твердыня более двухсот лет назад.

Нам удалось подробно познакомиться лишь с несколькими памятниками древнерусской живописи, которые вдруг заговорили с пытливым исследователем. Изображения архитектуры на иконах стали в наши дни предметом серьезного научного интереса. Потому что это тоже документ отечественной истории.

Икона «Иосиф Волоцкий». Кон. XVII — нач. XVIII в.

Icon "St. Joseph of Volotski". Late 17th-early 18th century

КРАСКИ ЖИВЫЕ

Какую тайну знал Михаил Васильевич Нестеров?
Как увидел, как прозрел образ юного отрока,
ставшего заступником земли Русской?
Через годы все ближе становится нам его Сергей.

Вел. кн.
Дмитрий у врат.
Сергия перед
Куликовской
битвой.
Миниатюра
XVI в.

Grand Prince
Dmitry visiting
St. Sergius
before the
Battle of
Kulikovo.
16th-century
miniature

М. В. Нестеров.
Видение отроку
Варфоломею

M. V. Nesterov.
The Vision of
Young
Bartholomew.

Одна у нас Русь

Далеко еще было до Куликова поля, не родился князь Дмитрий Иванович, прозванный Донским, не написал свою «Троицу» Андрей Рублев — на лугу, в перелеске под древним Радонежем, явилось отроку Варфоломею видение святого старца. Годы прошли — стал отрок Варфоломей Сергием Радонежским, заступником в своих молитвах за Русскую землю. А в местах тех, под Абрамцевом, под Хотьковом — шесть десятков верст от Москвы, где представил себе Михаил Васильевич Нестеров картину видения отрока Варфоломея, и ныне сыщете взгляд такой же луг, перелесок, такой же дуб с бронзовой по осени листвой, подле которого явился отроку схимник. И кажется, время не властно над этими красками осени, над этой землей...

Вот уже сто лет, как картина Нестерова находится в Третьяковской галерее. Когда-то говорили: книги имеют судьбу — каждое

поколение наново читает книги дедов, отцов. Не так ли и давняя эта картина обретает сегодня новое дыхание? Отчего и как? Да, мы скажем, образ русской природы, Русской земли, который она дает, отвечает нашему обострившемуся национальному чувству. Да, мы понимаем художника. «Как-то, — вспоминал он, — с террасы абрамцевского дома моим глазам представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные, малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить — и фон для «Варфоломея» такой, что лучше не придумаешь. Я принялся за этюд, он удался, и я, глядя на этот пейзаж, проникся чувством его подлинной историчности...» Все так, в поэтическом историзме взятого им ландшафта Нестеров явил себя как глубоко русский, национальный художник. Сама природа в

его картине — действующее лицо той далекой легенды, которую он изложил на холсте. Но с годами полнится смысл этого полотна. В картинах об отцах-пустынниках, о молитвенной тишине пред ликом природы, пред вечным творением, о страждущих и ищущих, обретающих себя в надежде и уповании, Нестеров выразил умонастроение своих лет — образ мыслей, чувствований тех, кто был привержен духовным традициям народа, кому нужна была великая Россия, а не великие в ней потрясения. В картинах «Святая Русь» и «На Руси», написанных в преддверии 1905 и 1917 годов и ставших узловыми не только в творчестве художника, но — по значимости обобщений — во всем русском искусстве начала столетия, Нестеров сполна высказал свое понимание идеи русского народа, русского духа в крутые, переломные эпохи истории.

В том огромном холсте, который художник назвал «На Руси», законченном в канун семнадцатого года, мальчик-отрок, такой, как отрок Варфоломей, предвещает шествие ко Христу, к Истине, к Вере. Шествие народа — шествие Руси. «Пока не будете, как дети, не войдете в царство небесное» — вспомните евангельские слова. Что, по мысли художника, нес в себе этот образ надежды, будущности России? А может, несет сегодня?..

В свое время, вопреки нападкам на Нестерова, продиктованным и профессиональной узостью критики, а того более неприятием самой духовности его творчества, в котором усматривали оторванный от жизни мистицизм, по-настоящему тонкие и прозорливые искусствоведы-публицисты с готовностью поддержали приверженность Нестерова идее православного мессианства на Руси. Вспомним их суждения, высказанные на заре столетия в связи

с выставкой Нестерова и кажущиеся столь бесспорными сегодня.

П. Муратов. Из статьи «Творчество М. В. Нестерова». Журнал «Русская мысль», 1907, апрель:

Творчество Нестерова поражает странным на первый взгляд противоречием. Художник далек от евангельского Христа, от Голгофы, от Пречистой Девы, от всей священной первоткани христианства... И тот же художник становится проникновенным, глубоким, когда вдохновляют его образы русских святых и подвижников. Когда храмом становятся леса осенние, куполом небо северное, тут он первый, тут его сила и любовь. Противоречие только кажущееся, на самом же деле две стороны одной сущности. Нестеров художник народный, соединенный с народом глубокими и крепкими корнями. — вот главное начало его творчества. Это и сделало его многим понятным, распространило его влияние: где-то в глубине души у посетителей выставок и галерей заговорил смутный голос, напомнил о давно забытом. Как народ, Нестеров покорно принял писание, вял церкви, подчинился уставу, признал незыблемость не им созданной легенды. И так же, как народ, творил он новые северные легенды о пустынножителях и заступниках Русской земли. Вера народная текла общей рекой в непоколебимых границах церковности, но вне берегов, там и сям в глухих чащах, забили чудесные, хрустальные родники народных поверий. Поэзия жила в лесах, гуляла с ветрами по полям и иногда вдруг воплощалась в душу деревенского отрока, вела его сквозь мирное «житие» к светлой и тихой кончине. И эти жития стали великими художественными произведениями народного жизнотворчества. Нестеров воссоздал их в живописи — святой Сергей, Зосима Соловецкий, Симеон Верхотурский, Дмитрий Царевич сияют лучистым светом старых поверий. Еще многое стоит нерушимым от дальних лет; подобно лесным озерам, хранят свою стылую красоту прочно сложившиеся уклады жизни. И Нестеров любовно и бережно касается монастырщины — «Тихой жизни», «Мечтателей», «Молчания». Там еще непочатый край, там крепко дух народный, и в нем полной рукой почерпает художник силы своего творчества.

С. Маковский. Из книги «Страницы художественной критики». Спб., 1909:

Художникам, как Нестеров, невольно прощаешь несовершенство рисунка и кисти, потому что любишь поэзию их творчества. Это тоже — поэзия чего-то большого и смутного, выходящего за грани личности. Не поэзия индивидуального вдохновения, но поэзия, говорящая о даях и озаренностях народа.

Такие художники обыкновенно лучше чувствуют, чем выражают. Надо вглядеться пристальнее в их картины, надо забыть о многом внешнем, мешающем, случайном, отдалиться на-

М. В. Нестеров. Философы. Портреты П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова. 1917 г.
M. V. Nesterov. Philosophers. Portraits of P. A. Florensky and S. N. Bulgakov. 1917

М. В. Нестеров.
Юность
преподобного
Сергия.
1892—1896 гг.

M. V. Nesterov.
The Green Years
of St. Sergius.
1892—1896 гг.

важдению — и тогда, тогда вдруг по-иному зацветут краски, и оживут тени, и улыбнется кто-то таинственный, «на другом берегу».

От творчества Нестерова веет этой улыбкой. Много раз, смотря на его холсты, узнавал ее — в молчании полян, поросших тонкими березками, в сумраках соснового бора, стерегущего одинокий скит, в дымно-вечереющих облаках над простором, в грустном лице послушника, в нежном профиле монахини. И я люблю его за эту улыбку. В ней — далекое и вместе с тем близкое, народное, загадочное, реальное: и христианская, отшельническая умиленность «Божьим садом», и другая, не христианская, а уходящая в глубь древнего язычества религиозность постижения мира и тайны...

Разве не так чувствует природу деревня, далекая и близкая, душа народа? Христианское, церковное, историческое сплелось в ней с первобытным, пантеистическим в одно искание, в одно радостное и страдальческое чаяние.

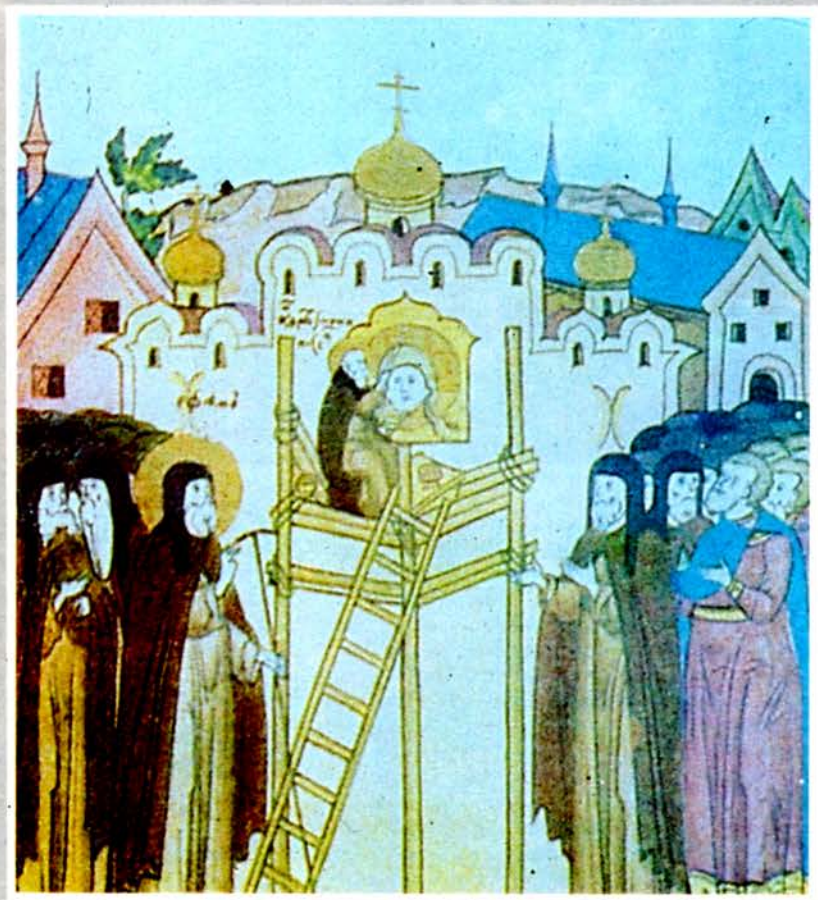
Понимание этой сложности народной мистики, угаданной Нестеровым с нежной проникновенностью, — ключ к пониманию всей его живописи... Он интересен, когда незаметно, по наитию угадывая что-то большое и смутное в сердце народном, соединяет духовность славянского христианства с мечтою языческого обоготворения природы. Там он находит свой тон, свои светлы и краски, свою неподражаемость.

Мне нравятся картины Нестерова потому, что в них чувствуется любовь к мелодии цвета, искреннее искание оригинального стиля (пусть даже только искания), благоговение перед красотой жизни, чуждое всего временного и пошлого. Мне нравится в картинах Нестерова его нежно-субъективное отношение к тихим просторам русской деревни, благостная грусть мистических настроений. Этой поэзии, может быть, и нет больше, но она есть эстетически — для того, кто верит в сказки прошлого.

Рубрику ведет В. Ольшевский

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Немало замечательных страниц оставила наша литература об Афоне. Вспоминаются афонские очерки Бориса Зайцева, Константина Леонтьева. Но время многое изменило в судьбе русского монастыря в Афоне, само его существование подверглось испытанию. Увы, будущее монастыря до сих пор неясно и внушает тревогу

Св. Андрей Рублев расписывает обитель. Миниатюра XVI в.

St. Andrei Rublev painting frescoes at the monastery. 16th-century miniature

Икона
с изображением
священной горы
Афон в Греции
Icon with the
view of the
Mount Athos
in Greece

Трудом славна сия обитель

Владимир МАЛЫШЕВ

...Снова неторопливо стучит дряхлый движок, снова плещут вокруг изумрудные волны залива Сингитикос, снова, словно стая черных галок, нахохлились на своих мешках на палубе неразговорчивые монахи. Я плыву в легендарный край — единственную в мире православную монашескую «республику», что затерялась среди дремучих лесов на севере Греции. Пароход, раз в день совершающий рейс между портом Урануполи и портом Дафни на Афоне, носит замысловатое, но вполне подходящее к этим местам название: «Достойно есть». Эти слова — начало первой строфы старинного гимна Богородице.

Несколько часов пути, и вот я в городке Кареас — единственном на Афоне, где помещается кинот — нечто вроде местного «парламента», в который входят представители всех 20 афонских монастырей: греческих, болгарского, сербского, румынского и русского. Каждый, кто хочет побывать на Святой горе, не минует этого места: только здесь можно получить «парамонис» — бумагу с двуглавым византийским орлом, разрешающую въезд. Некоторые считают это излишней бюрократической процедурой — ведь иностранец предварительно все равно должен испросить разрешение на посещение Афона в министерстве иностранных

дел Греции. Однако если число посетителей не ограничивать, то этот заповедный уголок, чудом сохранившийся в самом центре сверхиндустриальной цивилизации, быстро превратится в шумный туристский лагерь.

В Кареесе меня пригласил в гости старый знакомый — антипросоп (представитель) русского монастыря в киноте отец Николай. Мы уселись пить чай в его тесной, скромно, даже бедно обставленной каморке под старинными русскими иконами. Отец Николай сам накрывал стол, кипятил воду и заваривал чай. Благо, все было под рукой — закопченная плита-буржуйка с трубой под потолком стояла тут же в углу.

И вновь разговор зашел о горькой доле русского Пантелеймонова монастыря, или Россикона, как его называют в Греции. Некогда богатая и славная обитель (до революции в ней было около трех тысяч русских монахов) без призора из России захирела. Некоторые здания, в том числе царский фондарики (гостевой дом), сгорели во время пожаров, другие ветшают от времени и нуждаются в срочном ремонте. Скиты и кельи в горах заброшены, многие исторические реликвии бесследно исчезли. У монастырской братии нет ни сил, ни средств, чтобы поддерживать все в должном порядке.

— Пополнение братии — вот о чем преждему скорбит душа, — сетует отец Николай. — Нас, святогорцев, очень мало — сейчас в монастыре всего 30 иноков. Нескольким братьев возвратились назад в Россию, не выдержав тяжких послушаний и оторванности от родины.

Уже после посещения Святой горы я узнал, что летом в Пантелеймонов монастырь прибыли из России на постоянное жительство девять монахов. Терпения им и мужества!

У антипросопа Россикона немало претензий к руководству Русской Православной Церкви. Отец Николай передал мне фотокопии писем, отправленных в разные адреса: митрополиту Филарету, председателю совета по делам религий при Совете Министров СССР (теперь уже бывшего). Все они полны слезных жалоб и просьб о помощи. Есть в них и упреки. Скажем, для нужд обители был прислан трактор «Беларусь» в экспортном исполнении, вовсе непригодный для местных условий: в Афоне — горы, а он предназначен для равнинных мест. Или прислали прогулочный катер «Амур-5», двигатель которого работает на бензине высшей марки и предназначен для пресной воды, а здесь — море, да и до прогулок ли монахам! Монастырь дает заказы на запчасти одни, а из Москвы присылают совсем другие. Картина, увы, до боли знакомая...

Обоснованность жалоб антипросопа мне подтвердили и в самом монастыре. Об этом говорили и все мои прежние знакомцы: настоятель Россикона архимандрит Иеремия и бывший его представитель в монастырском подворье в Переделкино под Москвой отец Виталий.

В Пантелеймоновом монастыре было множество мастерских: столярная, кожевенная, слесарная, в портновской шили рясы и другую одежду, в иконописной расписывали иконы, в золотильной золотили сделанные тут же иконостасы и оклады образов...

Широкой славой пользовалась знаменитая аптека — лучшая во всей Греции. Многие лекарства делали с использованием старинных рецептов из трав, собранных в лесах на Святой горе или присланных из других монастырей со всего света. Был здесь собственный зубопротезный кабинет! Такая «лекарская» традиция в афонском монашестве не случайна — ведь святой Пантелеймон был целителем и на многих иконах изображен с медицинской ложечкой в руке.

Монахи сами мололи муку и пекли хлеб, выращивали виноград и делали из него вино. В монастыре была своя типография, печатавшая для паломников книги и путеводители, которым могут позавидовать иные современные издания.

— Трудились все, — говорит отец Виталий, — даже пустытники, которые плели корзины и вырезали деревянные ложки. В одной старинной книге о Россиконе сказано: «Трудом славна сия обитель!» Воистину так!

Увы, ныне мастерские лежат в руинах. Забыты традиции древнего мастерства, превратилась нить, по которой передавались его секреты из поколения в поколение, а поломанные станки ржавеют в бурьяне. Гуляя по монастырю, я забрел в какие-то развалины. Среди хлама на полу нашел красивый кусочек твердого картона с виньеткой и надпись «Фото Св. Пантелеймонова монастыря на Горе Афон». Это все, что осталось от замечательной афонской фотолаборатории. Рядом валялись обрывки счетных книг. На одной почти истлевшей квитанции я прочитал: «Николаю греку за 120 лимонов. Из казначейства Пантелеймонова монастыря. 6 сентября 1896 года». Подумать только, в каком-то затерянном в горах монастыре за каждый проданный лимон выдавали отпечатанную типографским способом квитанцию, а потом ее аккуратно подшивали, хранили! Не обрывки мятой бумаги лежали передо мной, а осколки чуть ли не дотла разоренной цивилизации.

Но, несмотря на запустение, нынешнее поколение русских людей в черных рясах тоже трудится много и упорно. Их жизнь сурова. Без «благословения» игумена ни один монах не может покинуть пределы монастыря. Каждому ежедневно назначается послушание, то есть определенный вид работ: на огороде, на кухне, в трапезной... Чтобы отремонтировать машины (присланные из Москвы «уазик» и грузовик), чинить мебель, латать крыши, монахи оборудовали мастерскую, где стоит несколько хоз и не новых, но вполне современных станков. Есть даже газосварка. В монастыре имеется и движок, но электричество включают только на несколько часов днем — для холодильника на кухне. Недавно в море

выловили большую ржавую бочку, закопали ее в землю, и получилось импровизированное бензохранилище.

Тощие доходы Россикона складываются из продажи монастырского леса, но в прошлом году он сильно пострадал от пожаров и, значит, рассчитывать на него более не приходится. А богатые некогда виноградники сдаются в аренду грекам — сами монахи возделывать их уже не могут, не хватает рабочих рук.

Живут монахи по византийскому времени — разница с европейским пять часов. Утренняя начинается в час ночи по-московскому. Мы ложимся спать, а они идут на молитву, которая продолжается почти пять часов. Потом начинаются работы, то и дело прерываемые молитвами. Молятся и в своей келье. После каждой краткой молитвы монах передвигает четку на один шарик и делает поясной поклон. Таким образом рясофорный монах (низшая степень пострижения) совершает ежедневно до 600 поясных поклонов, а схимник — до полутора тысяч! Получается, что спят здешние монахи не более 4 часов, остальное время молятся и работают, не очень-то убажывая при этом плоть свою. Трапеза — два раза в день и состоит из похлебок (горох, бобы, зелень), каши и иногда рыбы. Мясо монахи не едят. По выходным дням подают масло, сыр, сладкое к чаю, стакан сладкого монастырского вина. Почти все доживают до глубокой старости. Помогает климат или святой целитель Пантелеймон?

Кто же они, эти люди в черных рясах, согласившиеся на тяготы монашеской жизни? Почему решили приехать на Афон, навсегда покинув родные места? Монахи в Россиконе — люди самые разные. Это и иконописный, словно сошедший с картин Васнецова, седобородый игумен Иеремия, и широкоплечий, всегда бодрый и улыбающийся отец Николай, и русский богатырь, приехавший сюда из Псково-Печорского монастыря отец Мартириан, и суровый, подпоясанный солдатским ремнем отец Корнилий... У каждого свой характер и своя судьба, которая привела его в Афонскую обитель.

Свой путь и у скромного инока отца Иннокентия — кавалера двух боевых орденов и солдатских медалей. Охотно согласившись рассказать о себе, он пригласил меня в свою келью. Уже смеркалось, и пришлось зажечь тонкую монастырскую свечу, которая освещала лишь небольшой участок стола, заставленный старинными книгами.

— Я родился в деревне Зубаревка Орловской области, — неторопливо начал отец Иннокентий, в миру Иван Матвеевич Дудкин. — Бабушка записала мне год рождения 1918, хотя кто знает, может, я родился и раньше. В нашей деревне сразу-то не писали, кто когда родился. Отец мой был красным конник, пришел с гражданской, да вскоре помер. Потом померла мать. Остались мы с сестрами. Жили в бедноте, а потом и сестры померли,

и остался я как перст на божьем свете...

Отец Иннокентий рассказывал, а я исподволь осматривал его келью — каморку около 8 квадратных метров. Железная кровать, заправленная простым одеялом, стол, шкаф да один стул. На столе — свеча (в других кельях бывает керосиновая лампа), задуваемая вечными сквозняками. В углу — образа и часто — портрет Николая II. Типичное жилье афонского монаха...

Работать Ваня Дудкин начал рано, а в первый класс пошел, когда ему было уже 15 лет: школы в его деревне прежде не было. Проучился всего три года, когда в деревне стали создавать колхоз.

— Мы все бедные были, — вспоминает отец Иннокентий, — а вместе же, казалось, как-то сподручнее хозяйство поднимать. Я первый стал на тракторе работать. Меня всегда к технике тянуло.

Любовь к машинам привела будущего монаха в Харьков, где он поступил работать в гараж. Потом его забрали в армию, отправили в Литву, на границу. Там строили оборонительную линию «вроде Мажино или линии Зигфрида». («Ну, да она потом ненужной оказалась, немцы ее в два счета обошли».)

Грянула война. Иван Дудкин и в армии крутил баранку.

— Шофер, он везде шофер, — говорит. — А тут паника, наши солдаты раздетые бегут — немцы окружают! Стал я их на машине вывозить, скольких спас, уже не упомню, да и сам еле ноги унес. Так и крутил всю войну баранку — от звонка до звонка.

Я на хорошем счету у начальства был, потому что не пил и работу любил, а вот в офицера не вышел: образование подкачало. Ранен? Нет, не был. Бог миловал. Награды за что? А за что на войне награды дают? За то, что живой остался! Словом, довоевался до Кенигсберга.

После войны демобилизовался, а работы нигде не найти: шоферов после армии пруд пруди, да и голод начался. Подался на Север. В Норильск, Красноярск. Там хоть и морозы, но работа была, машины были, да и платили неплохо. Не заметил, как доработал до пеисии. Поселился во Владимире, квартиру мне дали, хорошая была квартира. Пришел как-то в знаменитый Успенский храм в Суздале: тихо, спокойно, благолепие. А я тишину очень люблю. Наверное, после войны такое появилось. Стал в этот храм чаще ходить — понравилось. Да и помогал: то одно сделаю, то другое, в шоферах ведь многому научишься. Потом поехал в Печорский монастырь — я старину шибко люблю. Ну и там работал: то шоферил, то еще что-нибудь. А из Печор двое монахов уехали на Афон. Потом пишут оттуда: Ваня, приезжай, у нас шофера нету! Подумал, раз просят, надо ехать. Я ведь человек обязательный. К тому же Греция — интересно.

Написал заявление, а потом думаю, так ведь я же — не монах! А мне: ничего, поезжай, там разберемся! Так и приехал на Афон.

Уже здесь меня и постригли...

Я не жалею, — говорит Иван Матвеевич, — чувствую, что здесь нужен. Хоть и далеко от родимых березок, но ведь Пантелеймонов монастырь — частичка Русской земли и вокруг все свои. Я ведь патриот России. Мы за Россию здесь молимся, за всех наших солдат и офицеров, что на войне полегли, за всю землю Русскую. Мы тут для родины нашей ношу несем, кусочек ее махонький сберегаем. Ведь если не мы, то кто же все это здесь сохранит?

Увы, ни Церковь Русская, ни государство наше пока помощи существенной русским монахам на Афоне в тяжком труде не оказывают. И как ни бьется горстка иноков сберечь сокровища русской культуры, одним им с этой задачей не совладать. А с помощью надо спешить...

Но где те легендарные «сокровища Афона», о которых ходит столько легенд? Где древние иконы, привезенные в стародавние времена? Где щедрые дары царей, уникальные предметы церковной утвари из серебра и золота, усыпанные драгоценными камнями?

В ответ на эти вопросы монахи только горько посмеиваются.

— У нас давно ничего нет, — разводит руками игумен Иеремия. — Очень многое погибло во время пожара 1968 года, уничтожившего царский фондарики.

— Многие увезли сами русские, — добавляет отец Виталий. — Таможня на Афоне появилась лишь лет через десять после революции, и отсюда можно было свободно вывозить все. И увозили, чтобы ценности «не достались большевикам» и чтобы их не захватили греки. Сколько именно увезли, куда и кто, никому не известно. Ведь те отцы, во времена которых все это происходило, уже умерли и тайну сию унесли с собой в могилу. А точнее, в монастырскую «костницу», где хранятся их черепа...

Действительно ли в Россиконе уже нет прежних сокровищ? Или его обитатели тщательно хранят вековые тайны, скрывая их от любопытных? Трудно представить, чтобы в громадном древнем монастыре не было каких-то тайников, куда «на всякий случай» пряталось бы все ценное. Кто знает...

Я думаю, что истина лежит где-то посередине. Многие и в самом деле пропало — во время турецкого господства, войн, после революции, от пожаров. Но наверняка кое-что монахи все же скрывают. Говорят, что у отца игумена есть личный сейф с особо ценными предметами, но нам он его не показал. В заключение хотелось бы рассказать еще об одной встрече. После первой публикации об Афоне меня пригласили, подчеркнув, что неофициально, в МИД Греции. Чиновник, ведающий проблемами Святой горы, в исключительно мягкой и любезной форме стал укорять меня за то, что в своей статье я употребляю слова «русский монастырь».

— На Святой Афонской горе, — говорил он, — нет русского монастыря и русских монахов. Это греческая территория, и все монахи на Афоне — граждане Греции...

Формально так оно и есть. В церковном отношении монастырь подчиняется Константинопольскому патриарху. У всех обитателей Россикона ныне греческие паспорта.

Вряд ли сейчас время отправляться в дерибаны истории и вспоминать о помеченной еще 1030 годом «чистой и неизменной» купчей о пожаловании келии русскому «монаху Феодулу, игумену обители Пресвятой Богородицы Ксилургу», в вечную собственность русского монастыря. И о других исторических документах, на основании которых русские люди селились на Афоне, приобретали или получали в дар там землю, строили церкви, соборы, разбивали скиты и кельи. Или вспоминать о том, что во времена оттоманского ига афонские православные монастыри, в том числе греческие, уцелели от уничтожения турками лишь благодаря заступничеству России. Не буду ссылаться и на Лозаннский мирный договор 1924 года, по которому Греция обязалась признавать и соблюдать «традиционные права и свободы, которыми пользуются негреческие монашеские общины Афона».

Но вот передо мной ныне действующий «Устав Святой горы Афон», утвержденный греческими властями. В разделе третьем в статье первой при перечислении 20 афонских монастырей упоминается и «священная обитель русская». Значит, русский монастырь все-таки есть?

Конечно, знак вопроса, поставленный мной в конце этой фразы, так сказать, риторический. Русский монастырь на Афоне есть, и этот факт не меняется в зависимости от точки зрения того или иного чиновника. Есть в смысле историко-культурной реальности, существующей уже не одну сотню лет. Никто ведь не собирается претендовать на греческую территорию и не предлагает изменять греческие законы. И то, что в прекрасном уголке Эллады стоит сейчас древний русский монастырь с богатой историей, есть достояние не только русского и греческого народов, но и всей европейской цивилизации.

Русские монахи на Афоне — такая же часть истории Греции, как и России. Так же, как понтийские греки, и сейчас живущие на Русской земле, — часть и русской, и греческой истории. И это объединяет нас, дает возможность нашим народам и дальше строить мост дружбы, переброшенный через столетия.

...Когда мы уезжали с Афона, проводить нас пришли на пристань архимандрит Иеремия и отец Виталий. Мы трижды поцеловались по русскому обычаю, игумен осенил нас крестным знаменем: «Дай вам Бог счастливого пути!»

«Трудами стоит сия обитель, трудами и спасется, — говорил мне отец Виталий. — Как спасется трудами и вся Россия...»

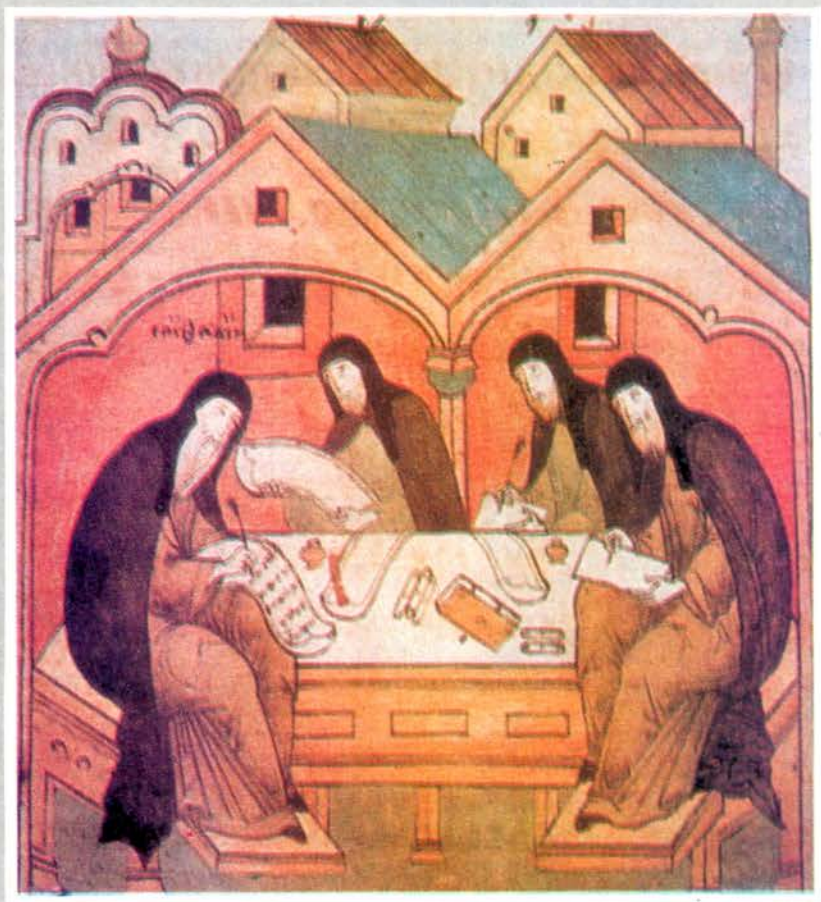
Афон — Афины

Троице-Сергиева Лавра. Вид на колокольню и Троицкий собор, где покоятся мощи преп. Сергия Радонежского. Фото А. Миловского
The Trinity-Sergius Lavra. View of the belfry and the Trinity Cathedral preserving the remains of St. Sergius. Photo by A. MIlovsky

АРХИВ

Публицистика сделала архивные материалы глубоко созвучными нашему времени: прошлое не умирает в тайниках и сейфах, оно помогает понять горькую цену наших общих ошибок

Епифаний
Премудрый
составляет
«Житие
Сергия
Радонежского».
Миниатюра
XVI в.

St. Epiphanius
the Wise writing
the Life of
St. Sergius of
Radonezh.
16th-century
miniature

Не погаснут лампы

Владимир КОЗЛОВ

Ровно сто лет назад Ключевский написал: «Ворота Лавры Преподобного затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашим великим строителем земли Русской, как преподобный Сергей». Мог ли тогда предположить великий русский историк, что всего около трех десятилетий отделяют его от трагического факта, когда закрывались ворота великой Лавры и гасли в ней лампы...

Это случилось в незабываемом 1919-м. Не случайно один из первых ударов, нанесенных новой властью по Русской Православной Церкви, был направлен против священных останков русских святых. Целью организованной в 1918—1920 годах чудовищной кампании по «вскрытию мощей» была ликвидация одних из самых почитаемых православными священных реликвий русских подвижников, у огня которых, по словам Г. Федотова, «вся Русь зажигала свои лампы». Также не случайно и символично, что одно из первых кощунственных вскрытий — в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губернии осенью 1918 года — сопровождалось разнузданным святотатством и расстрелом настоятеля и нескольких монахов и мирян. В январе 1919 года осквернили мощи глубоко почитаемых в России Тикона Задонского и Митрофана Воронежского. В феврале 1919 года совершили публичное кощунство над останками святых подвижников в сердце православной России — во Владимирской, Тверской, Вологодской и прочих губерниях, вскрыли гробницы и раки преподобных Нила Столобенского, Макария Калязинского, Саввы Сторожевского и других святых.

Все взоры православной России устремились к национальной святыне — Троицкой Лавре, где более 500 лет почивали мощи великого русского святого преподобного Сергия Радонежского. Лавру закрыли вскоре после революции, и начались тяжкие испытания для монахов. Слухи о предстоящем вскрытии мощей преподобного Сергия стали особенно тревожить православных в начале 1919 года. В марте — апреле в Совнарком были отправлены десятки и сотни заявлений цер-

ковных приходов Москвы и других городов. «До глубины души взволнованы известием о предполагаемом вскрытии мощей преподобного Сергия в Троицкой Лавре. Вскрытие мощей Преподобного является оскорблением нашей православной веры и нашего народного чувства», — писали в письме-требовании верующие крупнейшего в Москве храма преподобного Сергия в Рогожской.

Слухи взволновали не только православное население Москвы и Сергиева Посада. Против немедленного вскрытия мощей, о котором объявил Сергиево-Посадский исполком, выступили и руководители Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, опасаясь, что это повредит деятельности создаваемого в Лавре художественно-исторического музея.

Но все это не смогло остановить намерения центральных и местных властей ликвидировать одну из самых почитаемых православных святынь. 11 апреля 1919 года произошло событие, которое на долгие годы ляжет позором на руководителей и исполнителей кампании. В 12 часов 50 минут 11 апреля председатель Сергиевского исполкома Вонханен дал распоряжение приступить к вскрытию. Благочинный Лавры иеромонах Иона и игумен Ананий в присутствии монахов и представителей власти и армии открыли раку, удалили облачения и пелены. Действие продолжалось несколько часов. С удовольствием и непотребным смакованием описывали газеты вид костных останков, атрибуты тления...

Мощи были кощунственно оставлены открытыми. Как казалось властям, тленность останков должна была вызвать разочарование и отвращение от великого гроба. Случилось же наоборот: акт вскрытия вызвал непредсказуемое паломничество и непрерывные молебны над гробом заступника и молитвенника России.

Но впереди Лавру, ее святыни и ее обитателей ждали еще многие тяжкие испытания. За несколько дней до третьей годовщины Октября в 3 часа утра — во время совершения обычного молебна — Лавру окружили красноармейцы, которые арестовали всю братию Лавры (кроме четырех архимандритов и четырех монахов) и отвели арестованных в Чернигов-

ский скит. Троицкий собор, а затем и все храмы были запечатаны. Это стало тяжелейшим ударом для Православной Церкви. «Лавра имеет не только местное, но и всероссийское значение, ее святыня привлекала к себе богомольцев из всех отдаленных городов и селений Русской земли, а потому закрытие Лавры и насильное прекращение богослужения в ее храмах несомненно является оскорбительным для религиозного чувства всего православного русского народа», — писали 7 ноября 1919 года в Совнарком представители церковной общины Лавры.

Закрытие храмов, и особенно Троицкого собора со священными останками, вызвало новый поток заявлений и просьб православных в Совнарком. Чрезвычайно взволновала верующих и предполагаемая властями перевозка святых мощей в один из московских музеев. В феврале, а затем и 10 мая 1920 года патриарх Тихон обращался к Председателю Совнаркома В. И. Ленину с просьбой об открытии храмов Лавры, доступе верующих ко гробу преподобного Сергия. Обращения Святейшего к руководителю государства чрезвычайно важны как спокойными взвешенными предложениями о совместном использовании памятников Лавры Церковью и музеем, так и тем, что в них недвусмысленно дается оценка оскорбительного для православных закрытия Лавры. К этому письму-обращению Патриарх приложил записку на имя управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича с кратким текстом: «Снова беспокою Вас покорною просьбою срочно передать г. Председателю Совета Народных Комиссаров прилагаемое при сем мое обращение к нему».

Патриарх неоднократно пытался пробиться к главе правительства. Несомненно, В. И. Ленин знал об этом, как и о том, в каком положении находится Православная Церковь. И потому абсолютно понятны смысл и цели Декрета Совнаркома от 20 апреля 1920 года об обращении Лавры в музей: под прикрытием охраны монастырских памятников власти стремились ликвидировать почитание православных святых Троице-Сергиевой Лавры. Неоднократные попытки Церкви и лично патриарха обстоятельно решать возникающие с властями конфликты были тщетны: атеистическое государство уже почувствовало вкус безнаказанности и вседозволенности и не желало идти ни на какие переговоры с руководителями Церкви. На безуспешность стремления Церкви найти общий язык с советским правительством и указывает патриарх Тихон в своем послании от 10 августа 1920 года. Когда патриарх обратился к В. И. Ленину с просьбой оставить Лавру и святые мощи в неприкосновенности, он получил

ответ, что «председатель СНК занят обсуждением важных дел, и свидание не может состояться и в ближайшие дни». Святейший, не дождавшись ответа, послал в адрес СНК новое обращение. Чем закончились эти попытки Тихона, мы узнаем из того же послания от 10 августа: «На днях мы получили от Совета Народных Комиссаров такой ответ на наше обращение: «Жалобу гражданина Белавина (патриарха Тихона) на постановление Московского губисполкома о перевозке мощей из Троице-Сергиевой Лавры в один из московских музеев от 10 мая оставить без последствий. Предложить Московскому исполкому Совета рабочих и крестьянских депутатов в порядке циркуляра Наркомюста от 25 августа 1920 г. о ликвидации мощей закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т. е. привести в исполнение постановление Московского губ. исполкома от 26 марта с. г. о перевозке мощей в московский музей».

И опять Совнарком стал получать множество обращений тысяч верующих с просьбами открыть Лавру. Поток просьб и требований был, вероятно, так велик, что в 1921 году Президиум ВЦИК попросил Красикова дать свое заключение о возможности открытия Троицкой Лавры. Красиков не подошел формально к такой высокой просьбе и дал отчет вполне достойный большого «знатока» по церковным делам, каковым его считал В. И. Ленин. В ответе в канцелярию ВЦИКа и в Моссовет он сообщил, что Лавра обращена в музей, а часть ее территории занята электротехнической академией, курсами-школой и Институтом народного образования, а потому отправление культа в Лавре «вредно отразилось бы на ходе занятий». Однако такие доводы и самому Красикову показались недостаточно обоснованными, и он продолжал «более убедительно»: «Троицкая Лавра, будучи историческим центром царского и шовинистического влияния церковников, уже в послереволюционное время Патриархом и местными реакционными элементами (как, например, бывшим князем Олсуфьевым, быв. членом церковного Собора Мансуровым, церковником проф. Флоренским, бывшей княжной Шаховской... и др.) едва не была использована в качестве национального центра, откуда, по мысли основателей общества защиты Троицкой Лавры, должен был раздаваться клич о спасении разбитой большевиками России». Упомянув в заключение столь обширного письма, что в Сергиевом Посаде достаточно много открытых церквей, Красиков указал, что возглавляемый им ликвидационный отдел Наркомюста за то, чтобы «ходатайство открытия Троицкой Лавры было оставлено по всем указанным выше основаниям без последствий».

Отречемся от старого мира?
Red Army men plundering churches. Photo from archives

Без сомнения, все эти «обоснования» Красикова существенно повлияли на будущее Лавры. Даже в большевистских рядах были такие, что понимали недопустимость надругательства над мощами святых. Так, соратник Ленина, большевик С. И. Мицкевич (вскоре он будет основателем и директором Государственного музея революции) писал 22 апреля 1920 года своему вождю: «Я считаю... что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а всовывают поддельные. Озлобление же растет. Особенно вредно это в настоящий острый момент мобилизации и наступления Колчака. Это ведь, кроме того, является нарушением принципа отделения Церкви от государства... Необходимо срочно дать распоряжение о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков, грубо нарушающих религиозные чувства населения: курение в церкви, нахождение в шапках в алтарях. Это проделывают нередко присутствующие там коммунисты, нередко пьяные...»

И на этом письме, переправленном Лениным в Наркомат юстиции, стоит интересная резолюция Красикова: «...Я считаю, что Мицкевич находится в паническом настроении...»

Троице-Сергиева Лавра сполна разделила всю трагедию Русской Церкви — и изъятие церковных ценностей, и использование храмовых помещений под клубы, столовые, тир, и пожары, и уничтожение колоколов (в том числе самого большого в России лаврского 67-тонного колокола) и пушек — свидетелей славной обороны от поляков во время Смуты XVII века, и многое другое. А в 1930 году власти уничтожили самое имя древнего Сергиева Посада, дав ему — будто в насмешку — имя человека, профессией которого было революционное насилие. Но, как утверждала верующая Россия, великий молитвенник и печальник преподобный Сергий, чьи останки так и не удалось вывезти прочь из обители, отстаивал Отечество в тяжкие времена. И недаром: несмотря ни на что, Лавра стала первой из обителей России, возродившихся после десятилетий забвения и мерзости запустения.

Патриарх
Тихон
Patriarch
Tikhon

ПИСЬМО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Г. Председателю Совета
Народных Комиссаров

27-го февраля с. г. я письменно просил Вас, г. Председатель, об оставлении в Троице-Сергиевой Лавре священных останков преподобного Сергия для благоговейного почитания их со стороны верующего русского народа, свыше пятисотлетия притекающего к Святому Угоднику в созданную им Лавру.

7-го мая в Сергиевом Посаде появилось объявление от местного исполкома, что Совет Народных Комиссаров распределил имущество Лавры между отделом Наркомпроса по охране памятников старины и местным исполкомом, в силу какового распределения Троицкий собор, где почивают священные останки, должен поступить в ведение отдела. Означенное воззвание заканчивается обращением к народу — никаким провокационным слухам не верить и никаких выступлений не делать.

Между тем того же числа Троицкий собор оказался запертым и доступ к священным останкам преподобного Сергия закрыт. Лишь за стенами собора верующие изливают в молитве свою многоскорбную душу, и приезжавшие поклониться Угоднику из Москвы с чувством жестокого и насильственного оскорбления веры возвращались обратно. Таким образом, нужно назвать не провокацией, а печальной действительностью это новое тяжелое для религиоз-

ного человека и совершенно не нужное оскорбление его веры.

От имени всего верующего народа я для выяснения дела о Троице-Сергиевой Лавре заявляю, что Лавра представляет из себя не только сооружения, созданные на средства верующего народа и пригодные, как всякие сооружения, для хозяйственных и культурных потребностей страны, и не только ряд важных в археологическом, художественном и историческом отношении памятников, но и Святыню, т. е. место подвигов великого по жизни и по предстательству за народ после смерти святого человека — место, куда народ часто пешком ходил изливать свои скорби и радости в молитве в продолжение более пяти веков. Религиозный народ ждет от своих властей, что верующим навсегда будет предоставлена полная возможность свободно почитать останки преподобного Сергия на месте его блаженного упокоения и своих многовековых религиозных подвигов и упований. Видеть запечатанным собор со священными останками и не иметь доступа для молитвы к тому месту, которое некогда служило для православных людей опорой в борьбе с поляками, — является тяжким оскорблением православной веры. Для чего это после неоднократных и даже в последние дни заявлений власти о свободе веры народа и о свободном удовлетворении его религиозных нужд? Для чего это, когда не только Польша, но и Латинство в открытой борьбе и войне пользуется ослаблением русского и православного народа и добивается даже среди его преобладающего влияния над Православием?

Вот почему я убедительно прошу Вас, г. Председатель, возвратит верующим свободу почитания священных останков преподобного Сергия, Лавра которого есть прежде всего место религиозной жизни — Святыня Православия. А для этого прошу Вас о том, чтобы Троицкий собор был с разрешения отдела охраны памятников искусства и старины оставлен для религиозного почитания преподобного Сергия, что не мешает ему быть предметом научного обозрения, как памятник художественного и исторического значения. Ведь даже при более благоприятных условиях и при большем стечении любителей старины святыни Москвы и Лавры были одновременно и беспрепятственно предметом почитания и научного обозрения. Если было признано необходимым разграничить время религиозного почитания и научного обозрения, то я просил бы установить по соглашению представителей Церкви и отдела охраны памятников часы для того и другого. И, наконец, если бы оказалось затруднительным такое соединение, то прошу, чтобы коллективу верующих людей была предоставлена Советом Народных Комиссаров Духосошественская церковь в Лавре для религиозного почитания преподобного Сергия, к которому притекают не только жители Посады, но и верующие всей советской России.

10-го мая 1920 года
Москва

Патриарх ТИХОН

Слева
направо:
епископ
Волоколамский
Феодор
(Поздеевский),
иеромонах
Герасим
(Садковский),
архимандрит
Герман
(Ряшенцев)
Фотография
1916 г.

From left to
right: Theodore
(Pozdeyevsky),
Bishop of
Volokolamsk,
hieromonk
Gerasim
(Sadkovsky),
Archimandrite
Herman
(Ryashentsev).
Photo of 1916

Несокрушимые духом

Судьбы насельников московского
Данилова монастыря

Галина ЗЕЛЕНСКАЯ

В 700-летней истории первого монастыря Москвы, основанного в конце XIII века святым благоверным князем Даниилом, был период духовного расцвета, совпавший со временем богоборчества, гонения на Церковь и разрушения основ православной жизни. «Первый монастырь на Москве» в годы сталинского террора был закрыт одним из последних — в 1930 году. К этому времени давно подверглись разорению такие духовные центры России, как Оптиная, Зосимова и Серафимо-Саровская пустыни, Троице-Сергиева Лавра

с ее скитами и другие знаменитые обители. И вот, в условиях, когда на месте многих поруганных святынь царяла «мерзость, запустения», именно в Даниловом монастыре горел благодатный огонь пастырского служения миру.

Накануне революции Данилов ничем не выделялся среди множества других монастырей. Москвичи любили эту древнюю обитель, где покоились святые мощи князя Даниила — покровителя Москвы, где был обширный некрополь с дорогами

Фотографии из церковно-исторического музея московского Свято-Данилова монастыря.

Photos from the Museum of the History of the Church at the Monastery of St. Daniel

Архимандрит Серафим (Климков). Фотография сер. 1920-х гг.

Archimandrite Seraphim (Klimkov). Photo of the mid-1920s

русскому сердцу могилами Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова. Чудотворные иконы, замечательный звон 17 колоколов, подбор которых был одним из лучших в Москве, атмосфера молитвенной сосредоточенности, покоя и простоты, — все это привлекало в Данилов и богомольцев, и любителей той старины, что не хранит богатств земных, но стяжает сокровища небесные.

Согласно послужному списку монашествующих за 1910 год, в Даниловой обители было 22 инока, из них 17 происходили из крестьян, 5 — из мещан и духовенства¹. В графе «где и чему обучался» названы церковноприходские школы, духовные и земские училища, но преобладает запись «обучался чтению и письму дома».

В 1914 году настоятелем обители стал монастырский ризничий архимандрит Иоаким (в миру Иван Хромов). Как и большинство даниловцев, он происходил из крестьян и образование имел домашнее. В церковных кругах архимандрит Иоаким был известен как щедрый жертвователь, состоявший членом нескольких благотворительных обществ. Вскоре после революции он был убит грабителями на своей даче в Икше, где жил на покое.

В мае 1917 года отца Иоакима на должности настоятеля сменил бывший ректор Московской Духовной академии епископ (впоследствии — архиепископ) Феодор.

Архиепископ Феодор (в миру Алек-

сандр Поздеевский) родился в 1876 году. По окончании Костромской Духовной семинарии учился в Казанской Духовной академии, где в 1900 году принял монашество. В том же году окончил академию, был оставлен при ней в звании профессорского стипендиата и вскоре утвержден в степени магистра богословия². В 1904 году отец Феодор был определен на должность ректора Тамбовской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, а в 1909 году назначен ректором Московской Духовной академии и рукоположен во епископа Волоколамского, викария Московской епархии.

В академии владыка Феодор преподавал пастырское богословие. Он считал, что для пастыря, духовного руководителя народа, необходим опыт личного аскетизма, проверенный опытом христианских подвижников. «Как может врач, не знающий законов развития жизни человека и его телесного организма, правильно поставить диагноз болезни и определить систему лечения? — говорил епископ Феодор. — Как может пастырь, духовный врач, оказывать помощь, если он ни в личном опыте жизни (аскетизм), ни чрез изучение опыта других (аскетика) не уяснит себе духовного делания и законов духовной жизни?»³ Сам епископ Феодор вел строго аскетическую жизнь. «Если владыке нужно выпить стакан воды, — говорили о нем даниловцы, — он выпьет половину. И так во всем»⁴.

С назначением владыки Феодора настоятелем Данилова обитель преобразилась. Вместе с ним в монастырь пришли выпускники и студенты Духовной академии. Это были лучшие ученики епископа, разделявшие его аскетическое направление и его бескомпромиссное отношение к идеям реформирования церковной жизни. «В области церковной жизни, — говорил владыка, — может и должна быть одна главная реформа: покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы духа»⁵.

Огромный авторитет владыки Феодора способствовал тому, что число насельников Даниловой обители возросло почти втрое. Когда в России стали закрываться храмы и монастыри, Данилова обитель приютила многих иноков из Московской и других епархий. Архиереи Русской Церкви, ценившие епископа Феодора как строгого ревнителя православия, часто служили в Даниловом монастыре, подолгу жили в нем или поблизости. К лету 1917 года вместить всех богомольцев мог только Троицкий собор, куда и принесли мощи святого князя Даниила, находившиеся прежде в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Торжественный акт этот был совершен 12 сентября.

Возглавлял шестиве митрополит Московский и Коломенский Тихон, будущий патриарх, свято чтивший память благоверного князя Даниила.

В 1918 году в Даниловом монастыре была открыта Высшая богословская школа. Преподавать в ней владыка Феодор, сам читавший курс аскетики, пригласил близких себе по духу ученых, в том числе священника отца Павла Флоренского.

«Дорогой о. Павел! — писал епископ Феодор в сентябре 1918 года. — Пишу Вам пока секретно, но прошу ответа определенного. Мысль об открытии Высшей Богословской Школы, имеющей специальные задачи: «разработка Богословия на строго церковном святоотеческом принципе с подготовкой пастырей» принята Святейшим Патриархом и благословлена (...) Мы уже добились регистрации этой школы у Совдепа; занятия пока у меня в Даниловом монастыре. (...) Согласны ли Вы читать философию?»⁵

«Дорогой и Глубокочтимый Владыко! — отвечал отец Павел. — Разумеется, с Вами я согласен делать что угодно и где угодно». Далее Флоренский излагал свои взгляды на преподавание, основной задачей которого считал «очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатью открываемую... Не столь нужно научить системе того или иного философа, как выпрямить самые понятия и тем облегчить путь... грядущему в душу Христу». Несомненно, эти взгляды отца Павла разделял и владыка Феодор.

Богословская школа существовала в Даниловом монастыре несколько лет. В августе 1920 года отец Павел Флоренский писал о ней как об академии аскетического направления. Однако вскоре владыка Феодор был арестован. Без его руководства школа долго работать не могла, но для многих монашествующих и мирян высшей духовной школой стала сама Данилова обитель, внутренняя жизнь которой была устроена по строгим правилам монашеского общежития.

...Большой известностью в двадцатые годы пользовался насельник монастыря архимандрит Георгий (Лавров), постриженник Оптиной пустыни, бывший игумен мещевского Георгиевского монастыря, взятый на поруки владыкой Феодором из Таганской тюрьмы. У отца Георгия, которому тогда было уже за шестьдесят, окормлялись в основном образованные люди, представители творческих профессий: художники, скульпторы, актеры, врачи, геологи, инженеры. Его простота вмещала в себя и мудрость, и крепкую волю, а главное, удивительную мягкость, тер-

Архимандрит Георгий (Лавров). Фотография 2-й пол. 1920-х гг.
Archimandrite Georgy (Lavrov). Photo of the second half of the 1920s

пимость, широту воззрений и безграничную любовь. Эти качества привлекали к нему и подростков, часто после случайного знакомства и нескольких бесед становившихся его духовными детьми. Позже, когда отец Георгий был сослан в Казахстан, духовные дети последовали за ним. Они были рядом до последнего часа отца Георгия, умершего в 1932 году в Нижнем Новгороде на пути из ссылки⁶.

Добрую память оставил о себе и принадлежавший к старшему поколению даниловцев архимандрит Кассиан (в схиме Константин). Постриженник Троице-Сергиевой Лавры, он был перемещен в 1905 году в Данилов монастырь, где занимал должности благочинного и казначея. При владыке Феодоре архимандрит Кассиан нес послушание братского духовника, был любим и почитаем всеми как молитвенник, обладавший даром прозорливости. Из мирян у него исповедовались по преимуществу старушки, помнившие старый Данилов и сохранившие духовное общение с его насельниками.

Наряду с богомудрыми старцами послушание духовничества несли в Даниловой обители и молодые монахи, ученики и сподвижники владыки Феодора. Поскольку сам настоятель находился то в тюрьме, то в ссылке, обителью управляли назначаемые им из числа братии наместники. В 1920—1927 годах наместником был один из лучших учеников владыки Феодора архимандрит Поликарп (Соловьев).

«Это была святая личность, — вспоминает о нем бывший даниловский послушник, а ныне духовник московского Донского монастыря иеромонах Даниил (Сарычев). — Кротость — необыкновенная, незлобие, доброта и абсолютный такт. Он никогда никому вслух замечаний не делал. Заметит оплошность, подзовет человека и кротко с ним поговорит. И человек исправляется»⁹.

Среди других монахов отец Поликарп выделялся молчаливостью, сосредоточенностью, погруженностью в себя. На монастырском дворе его можно было увидеть лишь идущим в храм или из храма. Шел он всегда быстро, потупив взор. Складывалось впечатление, что он постоянно молился про себя.

Отец Поликарп обладал даром духовничества. Проповеди отца Поликарпа были просты и проникновенны. «Если мы хотим оправдаться перед Богом, — говорил он в Неделю мытаря и фарисея, — мы должны идти не по пути перечисления своих добродетелей, а по пути очищения себя от грехов. Для этого необходимы: глубокое сознание своей греховности, горячее желание освободиться от греха и, конечно, Божия помощь. Путь к нашему оправданию лежит через исповедь и причащение Святых Христовых Таин. Самооправдания и самоочищения нет и не может быть. Без Бога не до порога»¹⁰.

Будучи наместником, отец Поликарп ввел обычай по воскресным и праздничным дням после поздней обедни предлагать трапезу нуждающимся богомольцам. Обычно обедало до полусотни человек. Трапеза состояла из монастырской похлебки (постный суп или щи) с ржаным хлебом и каши. Приготовлено было по монастырски просто и очень вкусно. Этот обычай сохранился вплоть до закрытия обители.

Духовные дарования отца Поликарпа сочетались с блестящей образованностью и истинно монашеским смирением. Однажды владыка Феодор в богословском разговоре процитировал кого-то из святых отцов. Он не помнил, чьи это слова, и обратился к отцу Поликарпу: «А ты, авва, не помнишь?» Отец Поликарп тут же назвал автора, издание и даже страницу, где было напечатано процитированное изречение. Последний случай произошел в то время, когда Данилов монастырь был уже закрыт. Богословская беседа велась во Владимире, куда владыка Феодор и отец Поликарп приехали навещать своего бывшего собрата по обители архимандрита Симеона.

Отец Симеон поселился в Даниловом монастыре одновременно с владыкой Феодором. Прихожане сразу заметили нового насельника, которого возили на инвалидной коляске два келейника. Во время

богослужений отец Симеон пел на клиросе прекрасным баритональным басом. Ноты, переписанные его изящным бисерным почерком, выглядели лучше печатных. Вскоре у отца Симеона появились духовные чада — в основном из семей интеллигентов. Многих направлял к отцу Симеону сам владыка Феодор.

В монастыре все знали о давней духовной дружбе настоятеля с отцом Симеоном. Знали также его недуг — результат ранения во время революции 1905 года. Но очень немногим был известен в подробностях трагический случай, который навсегда приковал отца Симеона к инвалидному креслу и соединил его судьбу с судьбой владыки Феодора.

Отец Симеон (в миру Михаил Холмогоров) окончил, как и владыка Феодор, Казанскую Духовную академию. Высокий, широкоплечий, общительный юноша был прекрасным певцом и танцором, но сердце его чувствовало призвание к монашеству. Будучи еще студентом академии, он принял иноческий постриг.

Революция 1905 года застала отца Симеона преподавателем Тамбовской Духовной семинарии, ректором которой был архимандрит Феодор, будущий епископ. Бунтарские настроения, распространившиеся в миру, проникли и в стены духовных школ. Тамбовские семинаристы устроили покушение на своего строгого, взыскательного ректора. Когда раздался выстрел, отец Симеон находился рядом с отцом Феодором и успел заслонить его собой. Пуля попала в поясной позвонок, и нижняя часть тела отца Симеона осталась парализованной.

С тех пор владыка Феодор не оставлял своего спасителя. До 1915 года отец Симеон жил в Спасо-Елеазаровой пустыни близ Пскова у своего духовного отца, старца Гавриила (Зырянова), о котором написал прекрасную книгу¹¹. После смерти старца отец Симеон поселился с владыкой Феодором в Сергиевом Посаде, а затем — в Даниловом монастыре.

В келье, где он лежал, полуприкрытый одеялом, лицом к киоту с иконами, часто бывали его духовные дети и другие посетители. Отец Симеон всех встречал очень приветливо, хотя часто испытывал мучительнейшие боли.

Исповеди он обычно начинал с того, что, прочитав молитвы, перечислял грехи, в которых провинился перед своими чадами как духовник. Потом задавал вопросы и ставил их так, что исповедник открывал в себе множество незамеченных грехов. Например, отец Симеон никогда не спрашивал: «Не оклеветали ли Вы кого-нибудь?» Но спрашивал: «Не обидели ли кого-нибудь хотя бы выражением своего лица?» Не спрашивал: «Не лгали ли?» А ставил вопрос так: «Не прибавили ли,

когда говорили, или в свою пользу, или чтобы было интереснее?» Если исповедник болел, отец Симеон не спрашивал: «Не роптали ли на Бога?» Но: «Вы были больны? А Бога благодарили?» Подобными вопросами он приучал своих чад замечать в себе мелкие грехи и тонкие страсти, которые чаще совершаются и труднее искореняются, чем большие грехи и грубые страсти.

Отец Симеон не терпел елейности и пресекал разговоры о чудесах. Скромность и простота его могли сравниться только с его долготерпением. Он не любил говорить о своей болезни и никогда не жаловался. Только однажды сказал своему последнему келейнику, девятнадцатилетнему Мише Карелину: «Ты знаешь, если бутылку взять и мелко натолочь, а потом стекло за кожу положить — вот какая у меня боль».

Отцу Симеону было суждено пронести мученический крест до последних дней земной жизни. После 1930 года он жил во Владимире и Киржаче, где его навещал владыка Феодор и другие даниловцы. Вместе с ним жил и Миша Карелин. Однажды, придя домой, он застал сотрудников НКВД, производивших обыск. «Они все перевернули, — рассказывал спустя годы Михаил Петрович, — и на батюшке лица нет, лежит расстроенный, взволнованный. Подали карету, запряженную лошадкой, и всех нас — батюшку, меня, келейницу монахиню Серафиму — увезли в тюрьму. Нас с батюшкой посадили в одну камеру. Суток не прошло, как открылась дверь и ключарь сказал, чтобы я собирался с вещами. Я говорю: «Что, на прогулку?» А он отвечает, что я сюда больше не вернусь. Я должен был оставить батюшку одного, беспомощ-

Слева направо:
иеромонах
Николай,
архимандрит
Симеон
(Холмогоров),
иеродиакон
Анания
From left to
right: hieromonk
Nicholas,
Archimandrite
Simeon
(Kholmogorov),
Archdeacon
Ananias

ного! Я поклонился ему в ножки, говорю: «Простите, батюшка, благословите». Батюшка вымолвил последние слова: «Ну вот, теперь мы больше не увидимся. Я здесь умру, а ты еще вернешься, ты еще многое увидишь»¹². Эти последние, пророческие слова отца Симеона исполнились.

Мишу Карелина также увезли в Ивановскую тюрьму, держали под следствием шесть месяцев, затем этапировали в Колыму, там он пробыл 16 лет. Вышел из колымских лагерей Михаил Петрович с навсегда подорванным здоровьем, но с несокрушимой силой духа, которую трудно было ожидать при его мягком и даже застенчивом характере. Прощальные слова отца Симеона сбылись в полной мере: сам он умер в 1937 году в тюрьме, а Михаил Петрович дождал до возрождения Данилова монастыря. Задолго до этого Карелин принял иноческий постриг с именем Михаил. По возвращении из ссылки жизнь его была согрета духовным общением с другим замечательным даниловцем — архимандритом Серафимом.

Отец Серафим (в миру Григорий Климов) принял монашеский постриг в Даниловой обители по благословлению старца Зосимовой пустыни схииеромонаха Алексия в 1920 году. Было ему тогда 27 лет. До этого он с 1913 по 1917 год учился в Московской Духовной академии, а затем принял священнический сан с обетом безбрачия и некоторое время служил в московском храме во имя Девяти мучеников. Его духовником в Даниловом монастыре стал отец Поликарп.

Вскоре отец Серафим получил послушание исповедовать детей, а затем и взрослых. Несмотря на молодость инока, многие искали его духовного водительства. Поток исповедников к нему был столь большим, что приходилось выслушивать их до глубокой ночи. Отец Серафим уходил из храма под утро, унося с собой груды листков и тетрадей с письменными исповедями. Он приучал своих духовных детей не просто перечислять грехи, а размышлять над их причиной, анализировать свои поступки и помыслы.

В 1927 году отца Серафима арестовали и сослали на Север сроком на пять лет. Когда он вернулся, Данилов монастырь был уже закрыт. Тогда отец Серафим поселился под Москвой, без права открытого служения. В 1945 году он снова был арестован и сослан на десять лет в сибирские лагеря.

Страшные условия жизни отец Серафим переносил с кротостью и смирением. На тяготы быта и непосильную работу он смотрел, как на послушание. «В обители я не проходил новоначального труда послушника, так Господь здесь дал испытать», — говорил он¹³. Однажды

в лагере в праздник Рождества Христова заключенных запрягли по десять человек в сани возить бревна. Это было невыносимо тяжело, но отец Серафим пел про себя тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш», и это поддерживало его силы. Часто отца Серафима спрашивали, почему он всегда всем доволен. «Потому что я Богу молюсь», — отвечал он.

В 1955 году отца Серафима освободили из лагеря, ехать ему было некуда, да и денег не было, и он устроился в колхозе сторожем. Постепенно наладилась переписка с духовными чадами, жившими в Москве. Они звали духовника к себе, но ему в московской прописке было отказано. Тогда для отца Серафима наступил период скитаний. Не имея постоянного пристанища, оберегая покой и безопасность своих духовных чад и друзей, он не оставался долго ни у кого из них. Одной из своих духовных дочерей, бывшей в подобном положении, он говорил: «Надо считать себя за нищего, разрешат переночевать — благодари, а нет — смирайся, не надо выставлять своих заслуг и прав на что-то!»¹⁴

После возвращения из ссылки отец Серафим очень остро переживал невозможность открытого служения в храме. И вот во сне ему явился владыка Феодор, который сказал: «Прими схиму. Твой путь — духовничество и старчество, а не открытое служение». Отец Серафим принял схиму с именем Даниил, в честь святого благоверного князя Даниила, небесного покровителя всех даниловцев. С этого времени он перестал желать чего-либо для себя.

Незадолго до кончины схииархимандрита Даниила попросили рассказать о своем духовном пути. «Не знаю, что и сказать, — ответил он. — Да и можно ли мне верить, когда, не освободившись от страсти самомнения и желания изумлять собою, могу сильно приукрасить себя! Не искушайте же меня человеческой славой, чтобы мне не прогневать Бога!»¹⁵

Схииархимандрит Даниил скончался в 1970 году. Он почти на двадцать лет пережил владыку Феодора, тоже принявшего схиму с именем Даниил и никогда молитвенно не оставлявшего своих даниловцев.

Самоотверженный труд на ниве Христовой братии Данилова монастыря в 1920-х годах не был напрасным. Хотя обитель была закрыта и разорена, духовная жизнь ее продолжалась в сердцах тысяч людей, хранивших даниловский дух мира, любви к ближнему, верности Русской Православной Церкви. И должно быть, по вере этих чистых сердец совершилось чудо. Первый монастырь Москвы стал первым монастырем из тех, что возрождены в наши дни для духовной жизни.

Примечания

¹ ЦНИАМ, ф. 203, оп. 763, л. 1—12.

² Магистерской диссертацией иеромонаха Феодора было сочинение «Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (пресвитера Массилийского)». Казань, 1902.

³ Архиепископ Феодор. Смысл христианского подвига. Из чтений по Пастырскому Богословию. Репринтное воспроизведение издания 1911. М., 1991. С. 51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Епископ Феодор. К академическому новолетию // Богословский вестник. 1915. Окт. С. 7.

⁶ Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор МДА // Богословские труды. М., 1986. С. 240—241.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ Воспоминания Е. В. Чичериной об архимандрите Георгии (Лаврове). Машинопись.

⁹ Макаров М. И. Даниловцы. Машинопись.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Архимандрит Симеон. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1964.

¹² Цит. по записи беседы с монахом Михаилом (Карелиным). 1989 г.

¹³ Вышеславцева О. Н. Архимандрит Серафим (Климков). Машинопись.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Данилов
монастырь
перед
революцией

The Monastery
of St. Daniel
before the
Revolution

Починальная часовня.
Архитектор
Юрий Алонов.
1988 г.
Commemoration
Chapel. Architect
Yuri Alonov.
1988

Резиденция
патриарха
Московского
и всея Руси.
Архитектор
Юрий Рабаев.
1984—1988 гг.

Residence of
the Patriarch
of Moscow
and All Russia.

ПЕРВЫЙ НА МОСКВЕ

Перед тем как уйти в иной мир, удельный московский князь Даниил, сын Александра Невского, удалился в основанный им самим монастырь, который был «первым на Москве».

За свою семивековую историю эта обитель переживала всякие времена. Не раз она закрывалась, но, благодаря незатухающей памяти о благоверном князе, причисленном к сонму святых, возрождалась буквально на пустом месте. И в наши дни, после десятилетий гнетущего запустения, Свято-Данилов монастырь стал первым из древних московских твердынь, куда снова пришли иноки.

Храм Святых
Отцов Семи
Вселенских
соборов.
XVII—XIX вв.,

в котором
находятся мощи
св. Даниила
Московского

The Church of
Seven the Saints
of seven the
Ecumenical
Councils. 17th-
19th-centuries,
preserving the
remains of
St. Daniel of
Moscow

Фото Виктора Титова
Photo
by V. Titov

Фото
Виктора Титова
Photo
by V. Titov

Малый собор
Донской
Богоматери.
1591—1593 гг.,
XVII в.

Small Church
of the Virgin
of the Don.
1591—1593, the
17th-century

Фрагмент разрушенной церкви Успения на Покровке в Москве.
Зодчий Петр Потанов, 1696 г.
Находится в Донском монастыре.
Fragment of the destroyed Church of the Dormition on Pokrovka in Moscow.
Architect Pyotr Potanov, 1696.
Kept at the Donskoi Monastery

Св. Сергий Радонежский благославляет великого князя Дмитрия на битву с ордой.
Горельеф разрушенного храма Христа Спасителя в Москве.
Находится в Донском монастыре.
St. Sergius of Radonezh blessing Grand Prince Dmitry before the battle with the Golden Horde. High relief from the destroyed Church of the Saviour in Moscow. Kept at the Donskoi Monastery

РАДИ ЗАСТУПНИЦЫ ДОНСКОЙ

Утро 5 июля 1591 года ничего хорошего не сулило защитникам Москвы — несметные полчища ордынцев готовились к штурму города. Один из вражеских отрядов отправился к Кремлю по Калужской дороге, но встретил на пути отчаянное сопротивление. Предание говорит, что выстоять помогла Пресвятая Богородица. Иконе ее, именуемой Донской, молились русские ратники со времен Куликовской битвы, и та не оставляла их без поддержки.

Так случилось и в тот раз. На следующий день хан Казы-Гирей отступил, и отряды его были разбиты. В ознаменование сей победы царь Федор Иоаннович, по совету своего ближнего боярина и шурина Бориса Годунова, поставил на месте самого упорного сражения мужской монастырь, называемый Донским.

Ныне эта древняя обитель переживает второе рождение — здесь снова поселилась монастырская братия.

АНТОЛОГИЯ

Можно уверенно, без натяжек признать наследниками Сергия Радонежского русских религиозных философов XIX—XX веков.

Нравственная энергия, заложенная в слово Сергия, ожила в писаниях блестящей плеяды мыслителей, которые с большим опозданием пришли к своему народу. Да и пришли ли?

Наказание
Господне.
Пожар на
колокольне
Соловецкого
монастыря от
удара молнии.
Фото
И. Филимова

God's penalty.
Fire at the
belfry of the
Solovki
Monastery
inflamed by
a flash of
lightning. Photo
by J. Filimonov

Мыслители о русской церкви, о русской религиозности

А. С. ХОМЯКОВ (1804—1860)

Из письма к В. Пальмеру (1852)

...Я допускаю, что Церковь Русская не настолько независима от государства, насколько бы следовало. Но рассмотрим беспристрастно и искренно, до какой степени эта зависимость действительно вредит характеру церкви и вредит ли она ему в самом деле? Вопрос так важен, что даже в продолжение нынешнего года многие серьезные люди обсуживали его и, как кажется, довели до удовлетворительного разрешения. Общество может находиться в действительной зависимости и тем не менее оставаться свободным в существе, и наоборот. В первом случае это не что иное, как временная историческая случайность; второй случай есть упразднение всякой свободы и разрешается не иначе, как бунтом и безначалием. Первое доказывает слабость человека, второе — испорченность самого закона. Первое несомненно встречается в России; но этим истинные начала ни в каком отношении не извращаются. До нас, как членов церкви, не касается вопрос о том, не слишком ли стеснена свобода мнений в делах гражданских и политических (хотя относительно себя лично я очень хорошо знаю, что я в России осужден на совершенное почти молчание); но верно то, что в цензуру книг, касающихся религиозных вопросов, правительство почти никогда не вмешивается, хотя опять признаю, что и тут цензура крайне стеснительна; но в этом виновато уже не правительство, а робость и непомерная осторожность самого высшего духовенства. Я далеко не оправдываю его в этом и знаю, что от этого теряется много полезных трудов и мыслей для мира или, по крайней мере, для современного поколения; но это заблуждение, осуждаемое моим разумом, не имеет ничего общего с делом церковной свободы. Правда, что многие хорошие книги, многие объяснения слова Божия нередко запрещаются из ложного опасения, что чтение их опасно для умов непросвещенных; но осмелятся ли те, которые запрещают самое слово Божие, произнести приговор над излишней осторожностью наших духовных цен-

зоров? Такое осуждение со стороны римлянина было бы крайне нелепо. Затем спрашивается: церковь в России пользуется ли полной свободой в своей деятельности? Без сомнения — нет. Но это зависит единственно от малодушия ее высших представителей и их собственного стремления снискать покровительство правительства не столько для самих себя, сколько для церкви. Есть, конечно, нравственное заблуждение в таком недостатке упования на Бога, но это случайная ошибка лиц, а не церкви, не имеющая ничего общего с убеждениями веры. Дело было бы совсем иное, ежели бы малейшее догматическое заблуждение или даже нечто на это похожее было допущено или дозволено церковью из угождения правительству; но ручаюсь, что никто не укажет на что-либо подобное. Странно было бы судить и осуждать церковь за такую слабость ее членов, как бы они высоко ни стояли на ступенях иерархии, когда сама церковь не имеет даже законного пути к дознанию этого. (...)

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.— М., 1900.— Т. 2.

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ (1822—1885)

Из книги «Россия и Европа» (1871)

Обращение народов в новую веру, сколько мы тому знаем примеров, совершалось одним из следующих способов. Апостолы или миссионеры долговременной проповедью, постоянными усилиями, мученичеством прокладывали путь новому учению, которое, постепенно увеличивая число своих последователей, при более или менее долговременной борьбе партий, одерживало наконец победу. Так восторжествовало христианство в Римской империи. Или победители навязывают свое исповедание побежденным, как аравитяне покоренным ими народам Азии и Африки, как Карл Великий — саксонцам, как меченосцы — эстам и латышам; или, наконец, победители принимают веру побежденных, как франки от романизированных галлов. Ни первого, ни второго, ни третьего не было в России; по крайней мере, то, что можно считать в некотором смысле миссионерством, далеко по своей силе не

соответствовало быстроте и беспрепятственности распространения христианства. Один человек, который по своему характеру представляет самое живое олицетворение славянской природы, является как бы представителем своего народа. Гостеприимный, общительный, веселый, несмотря на свои увлечения, насквозь проникнутый славянским благодушием, вел. кн. Владимир начинает чувствовать пустоту исповедуемого им язычества и стремление к чему-то новому, лучшему, способному удовлетворить душевную жажду, хотя для него и неясную. На его зов стекаются миссионеры от разных религий; он свободно обсуживает, совещаясь со своими приближенными, излагаемые перед ним учения, посылает доверенных лиц исследовать характер этих религий на месте и, убедившись этим путем свободного исследования в превосходстве православия, принимает его. За ним, почти без сопротивления, принимает его и весь русский народ. Процесс, который происходил в душе князя, был только повторением более определенным и сознательным того, что смутно передумала и прочувствовала вся тогдашняя Русь. Ибо этим только и можно объяснить отсутствие сопротивления столь коренному нововведению. Все совершилось без наружной борьбы, потому что видимому действию предшествовала уже борьба внутренняя, отрешение от старого, отжитого и внутренняя жажда лучшего, нового. Рассказ о принятии христианства Владимиром считается легендой. Ежели это легенда, то она говорит еще гораздо более, нежели историческое событие, которое могло бы быть не более как случайностью, тогда как легенда служит выражением того, как, по понятиям русского народа, должен был произойти переход от язычества к христианству. Заподозревают также справедливость или, по крайней мере, полноту летописного рассказа о ходе распространения христианства и в некоторых летописных сказаниях, как, например, о волхве в Ростове, хотя видят указание на продолжительную борьбу новой религии со старою. Но ежели бы новой религии пришлось выносить сильную борьбу с язычеством, то каким образом при тогдашней слабости государственной власти, при бездорожии, при бесконечных лесах, разделявших область от области, волость от волости, могла бы власть способствовать водворению христианства против воли народа? А главное, каким бы образом монахи-летописцы, в глазах которых все прочие события, все прочие подвиги были ничто в сравнении с подвигами апостольства и мученичества (которые должны бы были сопровождать распространение христианства, если бы народ серьезно противился его введению), именно об этих-то

подвигах и умолчали? Не может служить опровержением мирному и беспрепятственному распространению христианства в России и то, часто выставляемое на вид, обстоятельство, что языческие понятия и обряды долгое время продолжали господствовать в народе, да и теперь еще далеко не вполне устранены. Содержание христианства, по его нравственной высоте, бесконечно и вполне едва ли осуществляется даже в отдельных, самого высокого характера личностях, не говоря уже о целой народной массе. Но иное дело полное осуществление христианского идеала в жизни и деятельности, иное дело — более или менее неясное сознание его превосходства, его властительной силы над душою, о чем я только и говорю. Подобный же характер имеет и подвиг Минина. И он является представителем мысли и чувства, живших в целом русском народе, им только яснее сознанных и разом одушевивших народ.

* * *

Религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей; и поистине нельзя не удивляться невежеству и дерзости тех, которые могли утверждать (в угоду своим фантазиям) религиозный индифферентизм русского народа.

Со стороны объективной, фактической русскому и большинству прочих славянских народов достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины — православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической русские и прочие славяне одарены жаждою религиозной истины, что подтверждается как нормальными проявлениями, так и самими искажениями этого духовного стремления.

Мы уже указали на особый характер принятия христианства Россией: не путем подчинения высшей по культуре христианской народности, не путем политического преобладания над такою народностью, не путем деятельной религиозной пропаганды, а путем внутреннего недовольства, неудовлетворения язычеством и свободного искания истины.

Самый характер русских и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соответственность с христианским идеалом. С другой стороны, религиозные уклонения, болезни русского народа — раскол старообрядства и секты — указывают: первый — на на-

стойчивую охранительность, не допускающую ни малейших перемен в самой внешности, в оболочке святости; вторые же, особенно духоборство, — на способность к религиозно-философскому мышлению.

* * *

Правда, что религиозная деятельность русского народа была по преимуществу охранительно-консервативною, и это ставится ему некоторыми в вину. Но религиозная деятельность есть охранительная по самому существу своему, как это вытекает из самого значения религии, которая или действительное откровение, или по крайней мере почитается таковым верующими. На самом деле или по крайней мере во мнении своих поклонников религия непременно происходит с неба и потому только и достигает своей цели — быть твердою, незыблемою основой практической нравственности, сущность которой состоит не в ином чём, как в самоотверженности, в самопожертвовании, возможных лишь при полной достоверности тех начал, во имя которых они требуются. (...)

Данилевский Н. Я. Россия и Европа.— М., 1991.

В. С. СОЛОВЬЕВ (1853—1900)

Из статьи «Что такое Россия»

Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, la gloire du nom francis*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*), немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue* («немецкая верность»). Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или русской чести и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о «святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, а идеал нравственно-религиозный.

Но эта «святость», которая составляет особенность нашего народного идеала, не есть только отрешение от мира и жизнь в Боге: святость в этом смысле, святость исключительно аскетическая, свойственна всему Востоку, в особенности же Индии, — это есть индийский, а не русский народный идеал. Россия, по народному характеру имея много сходства с Индией, резко отличается от нее своим живым практи-

ческим и историческим смыслом. Этот практический смысл ясно выразился в прошедшей нашей истории, как это и вы прекрасно знаете, в создании и постоянном охранении русского государства, единой верховной власти, избавлявшей нас от хаоса и самоуничтожения. Соответственно этому практическому и историческому смыслу русского народа и в своем высшем идеале сверх аскетической святости он полагает и деятельную святость. Святая Русь требует святого дела. (...)

* * *

Меняя свое национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру, для которой «нет эллина и иудея», Россия признавала себя составною частью единого человечества, усвояла себе истинные интересы, приобщалась его всемирно-исторической судьбе. Принятие христианства, если оно было искреннее, не могло остановиться на словесном исповедании известных догматов и на исполнении благочестивых обрядов; оно налагало на обращенный народ практическую задачу — преобразовать свою жизнь на началах истинной религии, устроить в смысле и духе этой религии все свои дела и отношения. Киевская Русь действительно вступила на этот путь, хотя, разумеется, первые шаги не могли быть смелы и тверды. В жизни народа оставалось много дикого и языческого, но рядом с этим ясно проявлялись и новые духовные начала. То нравственное настроение, которое овладело обращенным от язычества Владимиром (заботы о бедных и недужных, миролюбие по отношению к европейским соседям, отвращение от жестокой казней), было вполне христианским; таковы же были чувства и взгляды, высказанные сто лет спустя в поучении Владимира Мономаха. Это настроение нельзя считать за что-нибудь исключительное и случайное. Хотя немногие жили так хорошо, как Мономах, но все думали так, как он. Важные отклонения от христианского пути в общественной жизни (например, княжеские усобицы) признавались всеми за зло и за грех, народное сознание не мирилось с ними и не оправдывало их.

Поставленная между Византией и Западной Европой, Киевская Русь могла свободно воспринять истинные универсальные начала христианской культуры помимо ее односторонних и преходящих форм. Западный феодализм и деспотическая централизация полуазиатской Византии были одинаково чужды русской жизни. Вообще, сравнительно с другими странами, тогдашняя Россия представляла наименее препятствий к образованию христианской общественности. Но для исполнения этой задачи одних внутренних благоприятных условий было недостаточ-

но. Находясь на пути азиатских орд, не перестававших напирать на христианский мир, Киевская Русь должна была прежде всего бороться за существование. При слаботи государственной организации эта борьба не могла быть успешной. Молодой нации грозила опасность насильственно погибнуть, не успевши развить своих духовных сил. Требовалось настоятельно создать крепкое государство. Удачное совершение этого насущного дела, с которым не совладала Киевская Русь, составляет заслугу московской России. Но отдаваясь всецело этой национально-политической задаче, русский народ в московскую эпоху легко принимал необходимое средство (сильную государственность) за самую цель своей исторической жизни, а за этим неизбежно следовало потемнение и искажение религиозно-нравственного идеала, уклонение от христианского пути.

Главные грехи московской России были в значительной степени грехами невольными, зависели от внешних исторических обстоятельств. Принужденный уйти в далекий, северо-восточный угол Европы и там сосредоточить свои силы на черной работе государственного объединения, русский народ с XIII века оказался физически обособленным от остального христианского мира, а это сильно способствовало и духовному обособлению, развитию национальной гордости и эгоизма. Живые сношения Киевской Руси с другими христианскими нациями имели, помимо культурного влияния, и ту пользу, что заставляли наш народ сознавать себя частью европейского человечества, поддерживали в нем некоторое, хотя на первых порах весьма слабое, чувство всемирной солидарности. Для московского государства на место этих благотворных воздействий стали тягостные и унижительные отношения к хищной монгольской орде. Влияние этих отношений было двойное и вдвойне вредное. С одной стороны, подчинение низшей расе и постоянные сношения с нею оказывали уподобляющее действие на русских (особенно при полном разобщении их с Европой), понижали их духовный и культурный уровень. А с другой стороны, так как, несмотря на это понижение, за русскими все-таки оставалось преимущество христианской и исторической нации, то постоянное сознание этого преимущества в сношениях с монголами (не уравновешенное никаким международным общением в другом направлении) развивало в московских людях национальное самодовольство и гордость. С русским народом случилось то самое, что бывает с человеком, который обращается исключительно с лицами, низшими его по духовному развитию, и от этого получает преувеличенное понятие о своем достоинстве и значении. Особенно усили-

лась в московском государстве национальная гордость с половины пятнадцатого века, во-первых, потому, что с низвержением монгольского ига к чувству внутреннего превосходства над басурманами присоединились сознание внешней силы; а во-вторых, потому, что освобождение России от татар совпало с окончательным поработением Византии турками и странствующими греческими монахи, в оплату за московское жалованье, подарили Москве титул третьего Рима с притязаниями на исключительное значение в христианском мире. Чрез это наше народное самомнение получило нечто вроде идеального оправдания.

В киевскую эпоху, когда греки были самостоятельны и обладали сравнительно высокою образованностью, влияние их на русских было, вообще говоря, благотворно, оно налагало, так сказать, историческую дисциплину на молодой народ, заставляя его признавать за другою нацией духовное старшинство, уважать иноземцев за их идеальные преимущества; при этом ложные крайности византизма не были опасны, так как уравновешивались противоположными воздействиями с запада. Дело приняло иной вид в московскую эпоху. Тут уже греки являлись не как насадители духовного просвещения, представители великого христианского царства и высшей культуры, а как рабы неверных, просители и льстецы. В этом качестве они могли лишь усиливать в московских людях национальное самомнение: вместе с тем, при духовной изолированности московского государства, византийские идеи в самой крайней и грубой форме находили беспрепятственный доступ в русские умы.

В силу этих исторических условий — разобщения с Европой, воздействия монголов и одностороннего влияния византизма — сложился в московском государстве духовный и жизненный строй, который никак нельзя назвать истинно-христианским. Этот строй имел религиозную основу, но вся религия сводилась здесь исключительно к правоверию и обрядовому благочестию, которые ни на кого никаких нравственных обязанностей не налагали. Эта формальная религиозность могла случайно соединяться в том или другом лице с добродетелью и святостью, но столь же удобно миралась и с крайним злодейством. Благочестив и правоверен был св. Сергий, но также благочестив и весьма тверд в вере был царь Иван IV. «И бесы веруют», — говорил апостол. По византийским понятиям, усвоенным Москвою, от большинства людей, от всего христианского общества не требовалось ничего, кроме такой веры. Те исключительные люди, которые этим не довольствовались, должны были отделиться от общества, уходить в пусты-

ню или впадать в юродство. Самый идеал святости, представляемый отшельниками и юродивыми, был по существу своему исключительным, односторонне аскетическим и не мог двигать вперед общественную нравственность. Общественная жизнь была лишь безразличною средою между святыми подвижниками, как Сергей или Нил, и благочестивыми извергами, как Иван IV. Понятие об идеальном совершенстве отдельного лица сохранялось в народном сознании, но главное условие для действительного совершенствования, для общего нравственного прогресса, — именно деятельная религия, идеал общественной правды, — отсутствовало вполне.

* * *

Ясно было для всех людей здравого смысла и доброй воли, чего недоставало России. Высший духовный свет был внесен в темную душу народа и поддерживался в ней достойными подвижниками благочестия и милосердия; христианство приносило плоды в личной жизни многих, а целое общество погибало от братоубийственной розни, делавшей его беззащитным против внешнего врага, несшего с собою разрушение и одичание. Ясно, что прежде всего нужно было обеспечить существование национального тела, сплотивши его сосредоточенно и крепкою организацией, — т. е. создать сильное государство. Эта необходимость, уже ясно сознававшаяся ближайшими преемниками Владимира Мономаха — Юрием Суздальским и Андреем Боголюбским, — была только наглядно подтверждена для всех монгольским нашествием, против которого слабогосударственная Русь оказалась беспомощною. И если очевидною причиною слабости было княжеское многоначалие и междоусобие, то идея единодержавия являлась для всего народа как знамя спасения. К этому тяготело и наше национальное мирозерцание, которое ближайшим образом определило и характер нашей монархии.

Вследствие существенной однородности земледельческого населения и отсутствия обособленных общественных групп — феодальных, городских, церковных — в России не могло явиться западноевропейское понятие государства (Status) как равновесия самостоятельных и равносильных элементов. Самое слово государство — господство в первоначальном своем значении указывает на домовладыку, который, конечно, не был представителем равновесия борющихся домочадцев, а был полновластным хозяином родового общества. Даже там, где единовластия не было на деле, оно оставалось в олицетворяющем представлении о слове. Так, хотя позднейшие историки и говорят о наших народоправствах, но сами эти так

называемые «народоправства» выражались о себе иначе. Новгородцы называли свое государство «Господин Великий Новгород», олицетворяя его в образе могущественного монарха. Этот монарх враждовал против московского монарха, а не против монархической идеи. Что борьба Рязани или Твери против Москвы была только соперничеством за обладание верховной властью, а никак не принципиальным противодействием единой державии — ясно само собою. Местное соперничество не имело почвы в народе, который давно угадал в князьях московских настоящих хозяев земли; а решительная поддержка духовного авторитета, представляемого такими иерархами, как св. Алексей, и такими монахами, как св. Сергей, окончательно утвердила за ними высшее значение христианских государей, к которым затем при Иване III перешло и историческое преемство восточноримского царства.

Но очень скоро оказалось, что это историческое наследие есть не только дар и преимущество, но и великое испытание. (...)

Из кн.: Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост. В. Колесов. — М., 1991.

В. В. РОЗАНОВ (1856—1919)

Из статьи «Психология русского раскола» (1896)

Есть две России: одна — Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начавшимися, определенно оканчивающимися, — «Империя», историю которой «изображал» Карамзин, «разрабатывал» Соловьев, законы которой кодифицировал Сперанский. И есть другая — «Святая Русь», «матушка Русь», которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которой не предвидим, начало безвестно; Россия сущест в е н н о с т е й, живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного. На эту потаенную, прикритую первую, Русь — взглянули Буслаев, Тихонравов и еще ряд людей, имена которых не имеют никакой «знаменитости», но которые все обладали даром внутреннего глубокого зрения. К ее явлениям принадлежит раскол. (...)

Как и всякая церковь, даже всякое учение христианское, православие и раскол имеют равно задачею своею спасение души, угождение Богу. Но в то время как церковь ищет п р а в и л спасения, раскол ищет т и п а спасения. Первая анализирует; она размышляет, учит; она вы-

Грех и...

Утешителю благий, слезно прошу Тебя, утешь скорбные души людей Твоих. Дай народам услышать Твой сладкий голос: «Прощаются вам грехи». Ей, Господи, в Твоей власти творить чудеса, и нет большего чуда, как любить грешника в его падении. Святого легко любить: он достоин. Ей, Господи, услышь молитву земли. Все народы скорбят, все уныли в грехе, все лишились благодати Твоей и живут во тьме.

(О покаянии. Из писаний афонского старца Силуана).

Фото
Александра
Горичева
Photo by
A. Goryachev

Фото из архива
Photo from
archive

Фото Александра
Горячева
Photo by
A. Goryachev

Фото
В. Семина
Photo by
V. Semin

Покаяние

Кто носит в себе Духа Святого хотя бы и немного, тот скорбит о всем народе день и ночь, и сердце его жалеет всякое создание Божие, и особенно людей, которые не знают Бога или противятся Ему и потому идут в огонь мучения. За них он молится день и ночь, больше, чем за себя, чтобы все покаялись и познали Господа.

(О покаянии. Из писаний афонского старца Силуана)

Фото
Владимира
Семина
Photo
by V. Semin

водит, умозаключает; она говорит: вот это спасает, вот чем оправдались перед Богом св. Сергий, св. Алексей, Петр, Иона, остальное в их деятельности несущественно и к спасению не имеет отношения. Она, таким образом, отделяет частное, личное; отбрасывает подробности, к своему времени относившиеся, и оставляет в составе своего учения и своих требований от христианина одно общее; как средства спасения — она предлагает посты, молитвы, канонически правильные книги, и притом лучшей редакции, критически проверенные. Раскол, этот «грубый» раскол, который нередко нам представляется последнею степенью «невежества», действует по закону художественного суждения: к чудному, святому акту спасения, к этому акту, в котором мы так мало понимаем, которое устраивает Бог, — а уж несомненно акт этот был дан святым, об этом свидетельствуют их мощи, и чудеса, и видения, — как подойти с умственным анализом? как его расчлнить и сказать: вот это было существенно, необходимо для спасения, а то, другое — побочно и достойно забвения. Раскольники не отделяют святости от святого человека; они как бы снимают маску с драгоценных его мощей, точнее — со всей его живой личности во всей полноте его деятельности и мышления, в его молитвах вот по этим книгам, в его пощении вот в эти дни, в его хождении вот так, в манере говорить, думать, поучать, — и усиливаются себя, свою душу, свою деятельность влить в полученную таким образом форму. Типикон спасения — вот тайна раскола, нерв его жизни, его мучительная жажда, в отличие от «свода правил», которую руководится наша, да и всякая, впрочем, церковь. Раскол полон живого, личного, художественного; он полон образа Алексея Божия человека, а не размышлений о поведении и способе, каким спасся Алексей Божий человек; его основное чувство — восхищение, любование, так сказать, мотив зрительный и несколько не теоретически выведенный. Отсюда кажущаяся столь «тупою» забота раскола о «подобностях»; вечное его усилие — повторить, воспроизвести, требование удержать ранее бывшее; его поиски букв, способов движения, символов, знаков; обобщая, скажем: забота спасти неразрушенным образом святого жития, уже человеком испытанный и Богом благословенный. Известно, что мало-помалу раскол дошел до величайших отрицаний, до отвержения священства, таинств, полной неговщины, и это в вечных усилиях найти древнее, правильное, целостное христианство. Это мы должны понимать как чисто художественные в основе и в то же время полные святого чувства гневные порывы истребить всякую найденную форму спа-

сения, если в ней сомнительна хоть одна черта, неверна, недостаточно древняя, не точно удостоверена, — нечто подобное тому, как мы рвем целую страницу, видя в ней неправильно написанное слово, или как скульптор разбивает статую, видя дурно сделанную в ней подробность. Во всяком случае, чувство цельности, образности в высшей степени присутствовало при этих бурных взрывах, которые лежали в основе раскольничьих трансформаций. Раскол полон глухого отчаяния: без «иоты» так же нельзя спастись, как и без целой книги; без цельной формы жития древних подвижников, с этими осколками утраченных форм их житий, с разнятыми на части и полурастерянными элементами их несомненного спасения — как прийти к Богу, как уберечь себя в мире?

Отсюда не только безуспешны, но и так раздражительно действуют даже на постороннего споры и «собеседования» с ними как в дни текущие, так и древние, начиная со знаменитого спора в Грановитой палате, перед царевной Софьей. Ясно для всякого наблюдающего, что здесь в споре что-то не условлено, не оговорено, что тяжущиеся стороны лишены общей почвы и, как я сказал, не имеют одного «умоначертания». Раскольники начинают спор уже с априорным чувством вражды и насмешки над хотящими их увещевать; они приходят вовсе не за тем, чтобы убедиться, узнать; они не хотят рассуждать — они хотят сами не столько убедить, сколько оскорбить этого «щепотника», который так хорошо развивает свои «двоводы» и между тем сам так не похож ни на св. Алексея, ни на св. Петра, Иону, других... который оскорбляет их самым видом своим и раздражает их воображение, все им понятные способы мышления самым методом суждений своего греховного и слабого ума, с которым он думает вознестись над праведными ликами и в них победить любовь к этим ликам. (...)

Вспомним слова Моисея, сказанные Богу, готовому проклясть народ, плясавший перед тельцом сейчас после того, как ему даны были скрижали Завета: «Господи, если их проклянешь, и меня прокляни, ибо не хочу разделяться с народом моим» (Исход, 32:32). Если, с нашей точки зрения, раскольники канонически заблуждаются, мотив в их блуждений даже и канонически правилен: желание ни в чем, ни ради чего не отделяться от благочестивых предков и в будущей жизни иметь часть общую с ними, а в здешней перенести все, что перенесли они. Любовь, завитая в этом движении, это чувство восхищения, этот порыв воспроизвести, повторить — правильны и почтенны. (...)

Нужно помнить об оригинальном и

огромном движении, которое испытала русская душа в расколе, об этой бездне инициативы, акции, суровой борьбы и поэзии. Нельзя ожидать, чтобы после двух веков подобной жизни она возвратилась к той пассивности всех отношений, которую и мы после двух веков привыкания едва имеем силы переносить. Все то деятельное и живое, что есть в расколе, то «духовное пиво», которым он бесформенно напоял до сих пор христианскую душу, — это должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, как сторона истинная в нем, и разлито по всем формам нашего бытия. Если вспомнить сказанное ранее о приближении к древнему типикону жития как средстве умиротворить «буквенников» — мы поймем в целом реформу, нам предстоящую: ожить древним духом — тем прекрасным духом, прототип которого дала нам еще Киевская Русь. Возможно сделать это при сохранении всей той крепости сил, какую сумела создать Москва, и не отказываясь несколько от правильных сторон просвещения, которое любить завещал великий Петр. Все это можно соединить; все — слить в новую гармонию через живой акт души. К такому живому акту мы нудимся задачей раскола.

Вот почему мы верим — язва его «не в смерть, но во исцеление»; мы верим — Бог не оставит Россию, и великий художник ей будет дан.

Из кн.: Розанов В. В. Религия и культура. — М., 1990.

Кн. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ (1863—1920)
Из статьи «Россия в ее иконе»

Тот подъем творческих сил, который выразился в иконе, зародился среди величайших страданий народных. И вот мы опять вступили в полосу этих страданий. Опять, как и в дни святого Сергия, ребром ставится вопрос, быть или не быть России. Нужно ли удивляться, что теперь, на расстоянии веков, нам вновь стала слышна эта молитва святых представителей за Россию, и нам стали понятны вздохи и слезы Андрея Рублева и его продолжателей.

Казалось бы, что может быть общего между исторической обстановкой тогдашней и современной. «Пустыня», где жил св. Сергий, густо заселена; и не видно в ней ни зверей, ни бесов. Но присмотритесь внимательнее к окружающему, прислушайтесь к доносящимся до вас голосам: разве вы не слышите со всех сторон звериного, волчьего воя и разве вы не наблюдаете ежечасно страж бесовских? В наши дни человек человеку стал волком. Опять, как и встарь, стадами бродят по земле хищные звери, заходят в мирские селения и в святые обители, об-

нюхивая их и ища себе вкусную пищу. Хуже или лучше нам от того, что это — волки двуногие? Опять всюду стоны жертв грабителей и душегубцев. И разве мы теперь не видим страж бесовских? Те бесы, которые являлись св. Сергию, чрезвычайно напоминали людей; но разве мало в наши дни людей, которые до ужаса напоминают бесов? И разве молитвенники в монастырских обителях не слышат от них приблизительно тех же слов, какие слышал некогда преподобный Сергий. Это все то же «стадо бесчисленно», твердящее на разные голоса: «Уйди, уйди из места сего...» Только внешний вид у этих искусителей изменился. Св. Сергий видел их в остроконечных литовских шапках. Такими писали их тогда на иконах. Теперь мы видим их в иных одеяниях; но разница в одеянии, а не в сущности. «Бесовские стражи» и теперь все те же, как и встарь, а «мерзость запустения, стоящая на месте, где не должно», сейчас не лучше, а много хуже, чем в дни святого Сергия. И опять, как в дни татарского погрома, среди ужасов вражеского нашествия со всех сторон несутся вопль отчаяния: спасите, родина погибает.

Вот почему нам стала понятна духовная жизнь поколений, которые пятью с половиной веками раньше пострадали иконе. Икона — явление той самой благодатной силы, которая некогда спасла Россию. В дни великой разрухи и опасности преподобный Сергий собрал Россию вокруг воздвигнутого им в пустыне собора св. Троицы. В похвалу святому преподобному Андрею Рублеву огненными штрихами начертал образ триединства, вокруг которого должна собраться и объединиться вселенная. С тех пор этот образ не переставал служить хоругвью, вокруг которой собирается Россия в дни великих потрясений и опасностей. Оно и понятно. От той розни, которая рвет на части народное целое и грозит гибелью, спасает только та сила, которая звучит в молитвенном призыве: да будут едино как и Мы.

Не в одной только рублевской иконе, во всей иконе XV века звучит этот призыв. Но есть в этой иконописи и что-то другое, что преисполняет душу бесконечной радостью: это — образ России обновленной, воскресшей и прославленной. Все в ней говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину.

Мы и сейчас живем этой надеждой. Она находит себе опору в замечательном явлении современности. Опять удивительное совпадение между судьбами древней иконы и судьбами русской церкви.

И в жизни, и в живописи происходит одно и то же: и тут, и там потемневший лик освобождается от вековых наслоений золота, копоты и неумелой, безвкусной записи. Тот образ мирообъемлющего храма, который воссиял перед нами в очищенной иконе, теперь чудесно возрождается и в жизни церкви. В жизни, как и в живописи, мы видим все тот же неповрежденный, нетронутый веками образ святой церкви соборной.

И мы несокрушенно верим: в возрождении этой святой соборности теперь, как и прежде, спасение России.

Из кн.: Кн. Евгений Трубецкой. Три очерка о русской иконе — М., 1991.

С. Н. БУЛГАКОВ (1871—1944)

Из речи, произнесенной на Первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 года в Москве

...На востоке, как и на западе, церковь стала недоговать государственностью... Как ни была глубока и значительна идея православной церкви сама по себе, но все труднее становилось узнавать ее в истории, где монарх принимал обличье языческого Ксеркса, а на церковную жизнь тяжело ложилась казенщина. Соблазн церковный утверждался в неразрывной формуле: православие и самодержавие, которые рассматривались как нерасторжимое и существенное единство. Но грянул удар грома, и от трона самодержавия остались одни щепы. Из книги живота оказалось изглажено это «и», которым соединено было православие и самодержавие. И друзья и недруги видят, что православие остается теперь одно, без самодержавия, волеяневолей призванное опознать собственную свою природу.

Но здесь-то, на пороге новой эпохи, в трудную минуту исторической растерянности и смущения, нас опять подстерегает новый и вместе старый соблазн: отдаться новому господину, склониться перед новым идолом. Таким господином в наши дни является не самодержавный монарх, но самодержавный народ, демократия. И перед новым самодержавием привычным жестом сгибаются колена, за страх или за совесть. Однако не должно сгибаться высшему началу перед низшим, и невместно церкви заискивать перед демократией. В сей час исторического испытания по-новому предостерегающе звучит нам слово апостола: «Дети, храните себя от идолов» (1 Иоанн. 5:21).

Без сопротивления сданы были старые позиции, которых некому оказалось защищать. Церковное общество с открытым сердцем пошло навстречу свободе народной, обещанной народовластием, оно

слилось с народом в его политической весне. И вместо «истинно русских» монархических начал стали все чаще провозглашаться «демократические». В церковных кругах стала все настойчивей подчеркиваться приверженность православию «демократии» и желание на все лады «демократизировать» православие; это почти становится требованием хорошего тона в наши дни. Пастыри и люди церкви в большинстве случаев искренне, не за страх, а за совесть идут с народом в его освободительном порыве. Ибо всегда была народна и жила с народом наша церковь. В ней нет того аристократизма князей церкви, воинствующего клерикализма и политиканства, которое отличало католичество, вызывая ссору государства с церковью. Православие есть действительно народная церковь, даже больше того: по бытовому своему укладу простонародная, мужицкая. Поэтому нет ничего странного и неожиданного в этом дружелюбии церкви по отношению к демократии.

Но именно потому и в тем большей степени существует для православия соблазн демократии, эта готовность мерить себя по демократии, превратив ее в идола. В какого ранее превращено было самодержавие. Потому-то и надлежит настойчиво различать природу православия и демократии: между ними возможно и сближение, и расхождение, в зависимости от того, чем духовно оказывается демократия.

Смешению этих различных стихий благоприятствует и само строение православной церкви, которое извне легко сближается с демократическими началами, именно ее соборность... И вот эту-то идею православной соборности, при современной притупленности церковного самосознания, легко подменить или смешать с идеей народовластия, господства «воли народной» в делах церковных, такого же, как и в государственных... Такое проникновение начал демократии в церковную жизнь означало бы обеднение и обмирщение последняя.

Церкви нужна свобода, которой лишена она была при старом строе. Если ей даст это благо демократия, она будет ей признательна, но что может прибавить церкви эта ее «демократизация»? Разве и без того не была она с народом в его радости и печали? Или не народны были великие угодники Русской Церкви, преподобные Сергий и Серафим? Или не народны о. Амвросий Оптинский и другие чтимые старцы, которые блюли и блюдут совесть народную в такой мере, в какой это и не снилось демократии? Нет, русскому православию нечему в этом отношении учиться у демократии, оно должно оставаться прежде всего самим собой во

всей серьезной важности своего миропонимания. Тем самым и через то оно и пребудет, если не «демократическим», то народным. (...)

Одна и та же «демократия» иерусалимская вопияла «осанна» и постила лавры свои на пути при входе Господнем в Иерусалим, но она же несколькими днями позже изъевляла «волю народную» воплем: «распни, распни Его!» Очевидно, воля народная одинаково способна как вдохновляться истиной, так и затемняться ложью, доходя до зверства, тирании, кощунства. Суеверное преклонение перед «волей народною», лежащее в основе культа демократии, родилось из обожения греховного человека, взятого во множественности или совокупности своей. (...)

И в душе русской демократии, несомненно, происходит теперь борьба из-за того, пойдет ли она с Христом или против Христа, в единомыслии с церковью или во вражде с ней, и имеется уже немало признаков и последнего. (...)

Из кн.: Булгаков С. Н. Церковь и демократия.— М., 1917.

Из статьи «Героизм и подвижничество» (1918)

(...) Но глубочайшую пропасть между интеллигенцией и народом вырывает... отношение к религии. Народное мировоззрение и духовный уклад определяется христианской верой. Как бы ни было далеко здесь расстояние между идеалом и действительностью, как бы ни был темен, непросвещен народ наш, но идеал его — Христос и Его учение, а норма — христианское подвижничество. Чем, как не подвижничеством, была вся история нашего народа с давившей его сначала татарщиной, затем московской и петербургской государственностью, с этим многовековым историческим тяглом, стоянием на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии, в этом жестоком климате, с вечными голодовками, холодом, страданиями. Если народ наш мог вынести все это и сохранить свою душевную силу, выйти живым, хотя бы и искалеченным, то это лишь потому, что он имел источник духовной силы в своей вере и в идеалах христианского подвижничества, составляющего основу его национального здоровья и жизненности.

Подобно лампадам, теплившимся в иноческих обителях, куда на протяжении веков стекался народ, ища нравственной поддержки и поучения, светили Руси эти идеалы, этот свет Христов, и, поскольку он обладает этим светом, народ наш,— скажу это не обвиняя,— при всей своей неграмотности, просвещеннее своей интеллигенции. Но именно в этом-то цент-

ральном пункте ко всему, что касается веры народной, интеллигенция относилась и относится с полным непониманием и даже презрением.

Поэтому и соприкосновение интеллигенции и народа есть прежде всего столкновение двух вер, двух религий, и влияние интеллигенции выражается прежде всего тем, что она, разрушая народную религию, разлагает и народную душу, сдвигает ее с ее незыблемых доселе вековых оснований. Но что же дает она взамен? Как сама она понимает задачи народного просвещения? Она понимает их просветительски, т. е. прежде всего как развитие ума и обогащение знаниями. Впрочем, за недостатком времени, образованности у самих просветителей эта задача заменяется догматическим изложением учений, господствующих в данное время в данной партии (все это, конечно, под маркой самой строгой научности), или же сообщением разрозненных знаний из разных областей. При этом сказываются сильнее всего образом и вся наша общая некультурность, недостаток школ, учебных пособий и прежде всего отсутствие простой грамотности. (...)

Все мы уже видели, как содрогнулась народная душа после прививки ей в значительной дозе просвещения в указанном смысле, как прискорбна была ее реакция на эту духовную опустошенность в виде роста преступности сначала под идейным предлогом, а потом и без этого предлога. Ошибочно думает интеллигенция, чтобы русское просвещение и русская культура могли быть построены на атеизме, как духовном основании, с полным пренебрежением религиозной культуры личности и с заменой всего этого простым сообщением знаний. Человеческая личность не есть только интеллект, но прежде всего воля, характер, и пренебрежение этим жестоко мстит за себя. Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей. В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева. И эти грозные, неорганизованные стихийные силы в своем разрушительном нигилизме только, по-видимому, приближаются к революционной интеллигенции, хотя они и принимают ее за революционизм в собственном ее духе; на самом деле они очень старого происхождения, значительно старше самой интеллигенции. Они с трудом преодолевались русской государственностью, полагавшей им внешние границы, сковывавшей их, но они не были

ею вполне побеждены. Интеллигентское просветительство одной стороной своего влияния пробуждает эти дремавшие инстинкты и возвращает Россию к хаотическому состоянию, ее обессиливающему и с такими трудностями и жертвами преодолевавшемуся ею в истории. Таковы уроки последних лет, мораль революции в народе. (...)

Русскому просвещению, служить которому призвана русская интеллигенция, приходилось бороться... за лучшие условия жизни. К этому сводится идеальное содержание так называемого освободительного движения, трудность и тяжесть которого приняла на свои плечи интеллигенция и в этой борьбе стяжала себе многочисленные мученические венцы. Но, к несчастью для русской жизни, эту борьбу она связала неразрывно с своим отрицательным мировоззрением. Поэтому для тех, кому дорого было сокровище народной веры и кто чувствовал себя призванным его охранять, — прежде всего, для людей церкви, — создалась необходимость борьбы с интеллигентскими влияниями на народ ради защиты его веры... В поголовном почти уходе интеллигенции из церкви и в той культурной изолированности, в которой благодаря этому оказалась эта последняя, заключалось дальнейшее ухудшение исторического положения. Само собой разумеется, что для того, кто верит в мистическую жизнь Церкви, не имеет решающего значения та или иная ее эмпирическая оболочка в данный исторический момент; какова бы она ни была, она не может и не должна порождать сомнений в конечном торжестве и для всех явном просветлении церкви. Но, рассуждая в порядке эмпирическом и рассматривая русскую поместную церковь как фактор исторического развития, мы не можем считать маловажным тот факт, что русский образованный класс почти поголовно определился атеистически. Такое кровопускание, конечно, не могло не отразиться на культурном и умственном уровне оставшихся церковных деятелей. Среди интеллигенции обычно злорадство по поводу многочисленных церковных язв, которых мы несколько не хотим ни уменьшать, ни отрицать. Причем, однако, все положительные стороны церковной жизни остаются для интеллигенции непонятны или неизвестны. Но имеет ли интеллигенция настоящее право для такой критики церковной жизни, пока сама она остается при прежнем индифферентизме или принципиальной отрицании религии, пока видит в религии лишь темноту и идиотизм?

Церковная интеллигенция, которая подлинно христианство соединяла бы с просвещением и ясным пониманием куль-

турных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной исторической и национальной необходимости. И даже если бы ей и на этой череде пришлось подвергнуться преследованиям и гонениям, которых интеллигенция столько претерпевает во имя своих атеистических идеалов, то это имело бы огромное историческое и религиозно-нравственное значение и совершенно особенным образом отозвалось бы в душе народной.

Но пока интеллигенция всю силу своей образованности употребляет на разложение народной веры, ее защита с печальной неизбежностью все больше принимает характер борьбы не только против интеллигенции, но и против просвещения, раз оно в действительности распространяется только через интеллигенцию, — обскурантизм становится средством защиты религии. (...)

Рядом с антихристовым началом в этой интеллигенции чувствуются и высшие религиозные потенции, новая историческая плоть, ждущая своего одухотворения. Это напряженное искание Града Божия, стремление к исполнению воли Божией на земле, как на небе, глубоко отличаются от влечения мещанской культуры к прочному земному благополучию. Уродливый интеллигентский максимализм с его практической непригодностью есть следствие религиозного извращения, но он может быть побежден религиозным оздоровлением.

Религиозна природа русской интеллигенции. Достоевский в «Бесах» сравнивал Россию и прежде всего ее интеллигенцию с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом и мог найти здоровье и восстановление сил лишь у ног Спасителя. Это сравнение остается в силе и теперь. Легион бесов вошел в гигантское тело России и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит. Только религиозным подвигом, незримым, но великим, возможно излечить ее, освободить от этого легиона. Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится, вместе с своею родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство. Но странно, она не в силах забыть об этой сердечной ране, восстановить душевное равновесие, успокоиться после произведенного над собой опустошения. Отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своем и мечется в бессознательной тоске по Нем, не зная утоления своей жажде духовной. И эта мятущаяся тревога, эта нездешняя мечта о нездешней правде кладет на нее свой особый отпечаток,

делает ее такой странной, иступленной, неуравновешенной, как бы одержимой. (...)

Из кн.: Вехи.— Франкфурт-на-Майне., 1967.

Л. П. КАРСАВИН (1882—1952)

Из книги «Восток, Запад и русская идея» (1922)

..Никак нельзя умалять закоснелости православной культуры в состоянии потенциальности, не только догматической, но и всяческой. Это какая-то пассивность и недейственность, равнодушные почти сонное, нежелание двигаться, вовсе не крепостным правом и бездельничаньем помещиков объясняемое, как полагают премудрые толкователи нашей литературы в забвении того простого факта, что русский купец и мужик не менее ленивы, чем русский барин, а немец-крепостник всегда был существом очень деятельным. Это — пресловутая русская лень, невольно заставляющая вспоминать о покое буддиста... о молчаливых чарах бесконечной степи, о томлящей грустью по непонятному и лениво-желаемому музыке. На первый взгляд кажется странным, но если поразмыслить, то естественным — исконная, органическая русская пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному, которое как-то отчетливее воспринимается сквозь дремы, окутывающей конкретную действительность. При этом абсолютное созерцается то в нем самом, то в космосе. При сосредоточении внимания на нем самом религиозность естественно становится отрицающей мир с несравнимо большей энергией, чем на Западе, если только, уклоняясь в пантеистическое созерцание, она не проникается беспредельным к нему равнодушием. (...)

Нравственные требования абсолютны, но не сами по себе — категорический императив русскому человеку не более понятен, чем парламентаризм на английской манер,— а в силу обоснования их самим абсолютным. И стоит поколебаться вере в абсолютное, чтобы появилось полное отрицание морали и вообще всего исторически сложившегося. Недаром Иван Федорович Карамазов, человек очень русский, вместе с Ф. М. Достоевским полагал, что «все дозволено», если нет бессмертия.

Исторически данная государственность приемлется как факт несовершенный, но все же оправданный, тем более что совершенство (особенно если измеряется оно абсолютным идеалом) на земле неосуществимо. Оно оправдывается религиозно, и не случайно, что только религиозным началом создавалась и держалась византийская государственность. Да и русское православие больше связано с

идеей самодержавия, чем то принято думать. Оттого-то катастрофа монархии стала катастрофой и для него. Достоинно внимания, что до сих пор в России все живые политические и общественные идеалы всегда становились и религиозными идеалами, хотя бы это и неясно сознавалось самими носителями. (...)

Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному. Оно одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, именно у нас на Руси не равнодушного, а воинствующего, не скептического, а религиозного и даже фанатичного. Русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобное. Если он религиозен, он доходит до крайностей аскетизма, правоверия или ереси. Если он подменит абсолютный идеал Кантовой системой, он готов выскочить в окно из пятого этажа для доказательства феноменализма внешнего мира. Один возводит причины всех бед к осуждению Синодом имяславия, другой — к червеобразному отростку. Русский ученый, при добросовестности и вере в науку, нередко пишет таким ученым языком, что и понять невозможно. Русский общественный деятель хочет пересоздать непременно все, с самого основания, или, если он проникся убеждением в совершенстве английской культуры, англоманит до невыносимости. Русский не мирится с эмпирией, презрительно называемой мешанством, отвергает ее — и у себя, и на Западе, как в теории, так и на практике. «Постепеновцем» он быть не хочет и не умеет, мечтая о внезапном перевороте. Докажите ему отсутствие абсолютного (только помните, что само отрицание абсолютного он умеет сделать абсолютным, догмой веры) или неосуществимость, даже только отдаленность его идеала, и он сразу утратит всякую охоту жить и действовать. Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усумнившись в идеале или его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему. (...)

Но рядом с этим русскому человеку свойственно ощущение святости и божественности всего сущего. Он преклоняется перед фактом, перед тем же поносимым им Западом. Он боится, готовый оправдать все, резких определений и норм, смутно чужа ограничение, скрытое во всяком определении и во всякой норме. Он не любит вмешиваться в течение жизни, предпочитая мудро выжидать. И не веря ничему определенному — слишком резкая определенность и есть выражение наибольшей неопределенности,— он все признает, отказываясь от себя самого.

А в этом отказе от себя, в «смирении» — условие исключительной восприимчивости его ко всему, гениальной перевоплощаемости, которая — в порыве к идеалу — сочетается с беспредельной жертвенностью.

Мы мудро выжидаем, а выжидая — ленимся. Русские люди действительно ленивы, что весьма соответствует потенциальности всей русской культуры. Не свободна от лени вызывающая ее сосредоточенность на абсолютном, созерцательность национального характера.

Вселенские задачи по природе своей сразу неосуществимы. Пока же «все само собой образовывается», стремление к абсолютному становится вялою мечтой лежебока, а абсолютное теряется. Если же нет абсолютного, утрачивают всякий смысл нормы нравственности и права, ибо вне отношения к абсолютному для русского человека ничего не существует. Потеряв веру, он чувствует, что «все позволено» или старается убедить себя в этом превозмоганием последних граней, становится вороватым, пакостником, преступником. И ему уже не до смирения — он бахвалится и чванится, не до стыда — он озорничает, художественно воплощая свое озорство в образе «камаринского мужика».

Мы переживаем самый, может быть, глубокий кризис нашей исторической жизни, наш XIII—XVI век. Возможно, что мы его не переживем. Положение наше опаснее, чем положение Запада в поворотный момент его истории. — Мы не самоутверждением привыкли жить, а неполная, пассивная самоотдача грозит полную потерю себя. (...)

Из кн.: Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. — Пг., 1922.

С. Л. ФРАНК (1877—1950)

Из книги «Смысл жизни» (1926)

...Наши понятия о добре так смутны, что мы думаем, что добро есть «отношение между людьми», естественное качество нашего поведения, и не понимаем, что добро с у б с т а н ц и а л ь н о, что оно есть реальность, которую мы прежде всего должны добывать, которым мы должны сами обладать, прежде чем начать благодетельствовать им других людей. Но добывает и накапливает добро только подвижник — и каждый из нас лишь в той мере, в какой он есть подвижник и посвящает свои силы внутреннему подвигу. Поэтому молитвенный и аскетический подвиг есть не «бесплодное занятие», ненужное для жизни и основанное на забвении жизни, — оно есть в духовной сфере единственное п р о и з в о д и т е л ь н о е дело, единственное подлинное созидание или добывание того питания,

без которого мы все обречены на голодную смерть. Здесь — не праздная созерцательность, здесь — тяжкий, «в поте лица», но и плодотворный труд, здесь совершается накопление богатства; и это есть поэтому основное, существенное дело каждого человека — то первое производительное дело, без которого останавливаются и становятся бессмысленными все остальные человеческие дела. Чтобы мельницы имели работу, чтобы булочники могли печь и продавать хлеб, нужно, чтобы сеялось зерно, чтобы оно всходило, чтобы колосилась рожь и наливалось в ней зерно; иначе мельницы остановятся или будут вертеться пустыми и нам придется питаться мякиной и лебедой. Но мы без конца строим новые мельницы, которые с шумом машут по ветру крыльями, мы хлопочем об открытии булочных, устраиваем в них порядок получения хлеба, озабочены тем, чтобы никто при этом не обидел другого, и забываем лишь о мелочи — о том, чтобы сеять зерно, чтобы поливать ниву и взращивать хлеб! Так социализм заботится о всечеловеческом благополучии, воюя с врагами народа, митингуя, издавая декреты и организуя порядок жизни, — и при этом не только не заботясь о произрастании хлеба, но тщательно истребляя его и засоряя нивы плевелами; ведь этот хлеб насущный для него есть только усыпляющий «опий», ведь взращивание добра есть пустое дело, которым от безделья занимаются монахи и прочие дармоеды! Так в американском темпе жизни миллионы людей в Америке и Европе суетятся, делают дела, стараются обогатиться и в итоге сообщая неутомимым трудом создают — пустыню, в которой изнемогают от зноя и погибают от духовной жажды. Так в политической лихорадке митинговые ораторы и газетчики так упорно и неистово проповедуют справедливость и правду, что души и проповедников, и слушателей опустошаются до конца и никто уже не знает, для чего он живет, где правда и добро его жизни. Все мы, нынешние люди, живем более или менее в таком сумасшедшем обществе, которое существует только, как Россия в годы революции, р а з б а з а р и в а н и е м благ, которые когда-то, в тихих, невидимых мастерских, не приметно создали наши предшественники. А между тем каждый из нас; какое бы иное дело он ни делал, должен был бы часть своего времени затрачивать на основное дело: на накопление внутри себя сил добра, без которых все остальные дела становятся бессмысленными или вредными. Наши политики любят из всего дела св. Сергия Радонежского с одобрением отмечать, что он благословил рать Дмитрия Донского и дал ей двух монахов из своей обители; они забывают, что этому

предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что этим трудом были добыты духовные богатства, которыми питались в течение веков и доселе питаются русские люди, и что без него, как указывает проницательный русский историк Ключевский, русские люди никогда не имели бы сил подняться на борьбу с татарами. Мы рвемся воевать со злом, организовывать нашу жизнь, делать настоящее, «практическое» дело; и мы забываем, что для этого нужны прежде всего силы добра, которые нужно уметь взрастить и накопить в себе. Религиозное, внутреннее делание, молитва, аскетическая борьба с самим собой есть такой неприметный основной труд человеческой жизни, закладывающий самый ее фундамент. Это есть основное, первичное, единственное подлинно производительное человеческое дело. Как мы видели, все человеческие стремления в конечном счете, в последнем своем существе суть стремления к ж и з н и, к полноте удовлетворенности, к обретению света и прочности бытия. Но именно поэтому все внешние человеческие дела, все способы внешнего устройства и упорядочения жизни опираются на внутреннее дело — на осмысление жизни через духовное делание, через возвращение в себе сил добра и правды, через действительное вживание человека в Первоисточник жизни — Бога. (...)

Жизнь отшельника есть не жизнь праздного созерцателя, не тихая идиллия, а суровая жизнь подвижника, полная жестокого трагизма и неведомой нам творческой энергии воли. Серафим Саровский, простоявший на коленях на камне 1000 дней и ночей и говоривший о цели этого подвига: «томя томящего мя», обнаружил, конечно, неизмеримо больше терпения и мужества, чем наиболее героический солдат на войне. Он боролся со всем миром — в себе и потому был свободен от внешней борьбы с миром. Кто не может совершить того же, кто

живет в мире и в ком живет мир, тот тем самым обязан нести и бремя, которое мир возлагает на нас, обязан в несовершенных, греховных, мирских формах содействовать утверждению в мире начал и отношений, приближающих его к его Божественной первооснове. (...)

Из кн.: Франк С. Л. Смысл жизни.— Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1926

Г. П. ФЕДОТОВ (1886—1951)

Из статьи «Национальное и вселенское» (1928)

...Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии. Древняя Русь не умела богословствовать. Но вся ее живая жизнь, вся история ее свидетельствует о восприятии национальной плоти и духа в самые недра Церкви — в ее святых. Первые памятники христианства на Руси, похвальные слова князю Владимиру, житие св. Бориса и Глеба, начальная летопись говорят все о том же: юный, только что крещенный народ уже задумывается о своем религиозном признании, дерзает утверждать свою богоизбранность. Древняя, Киевская Русь пережила аскетический подвиг с остротой и силой, неизвестной в поздней, Московской Руси (Киево-Печорский патерик). И рядом с этим русская Церковь канонизирует целые десятки князей, т. е. вождей народной жизни, об аскетических подвигах которых ничего не известно. Одни из них были мучениками за веру, другие за национальный идеал: «положи душу свою за други своя». Греческая Церковь почти не знала святых мирян; в святых князьях на Руси расцветает новая святость, теснейшим образом связанная со святостью национальной жизни. Этой святости с беспримерной смелостью приносятся в жертву даже святость аскетического подвига, когда св. Сергий благословляет иноков поднять меч на Куликовом поле.

СПАС НА НОВОМ

Среди московских святынь не последнее место занимает Новоспасский монастырь. История его ведется от некогда существовавшего в Кремле Спасского монастыря, монахам которого в XV веке пришлось переселиться на новое, окраинное место. Отсюда и это название.

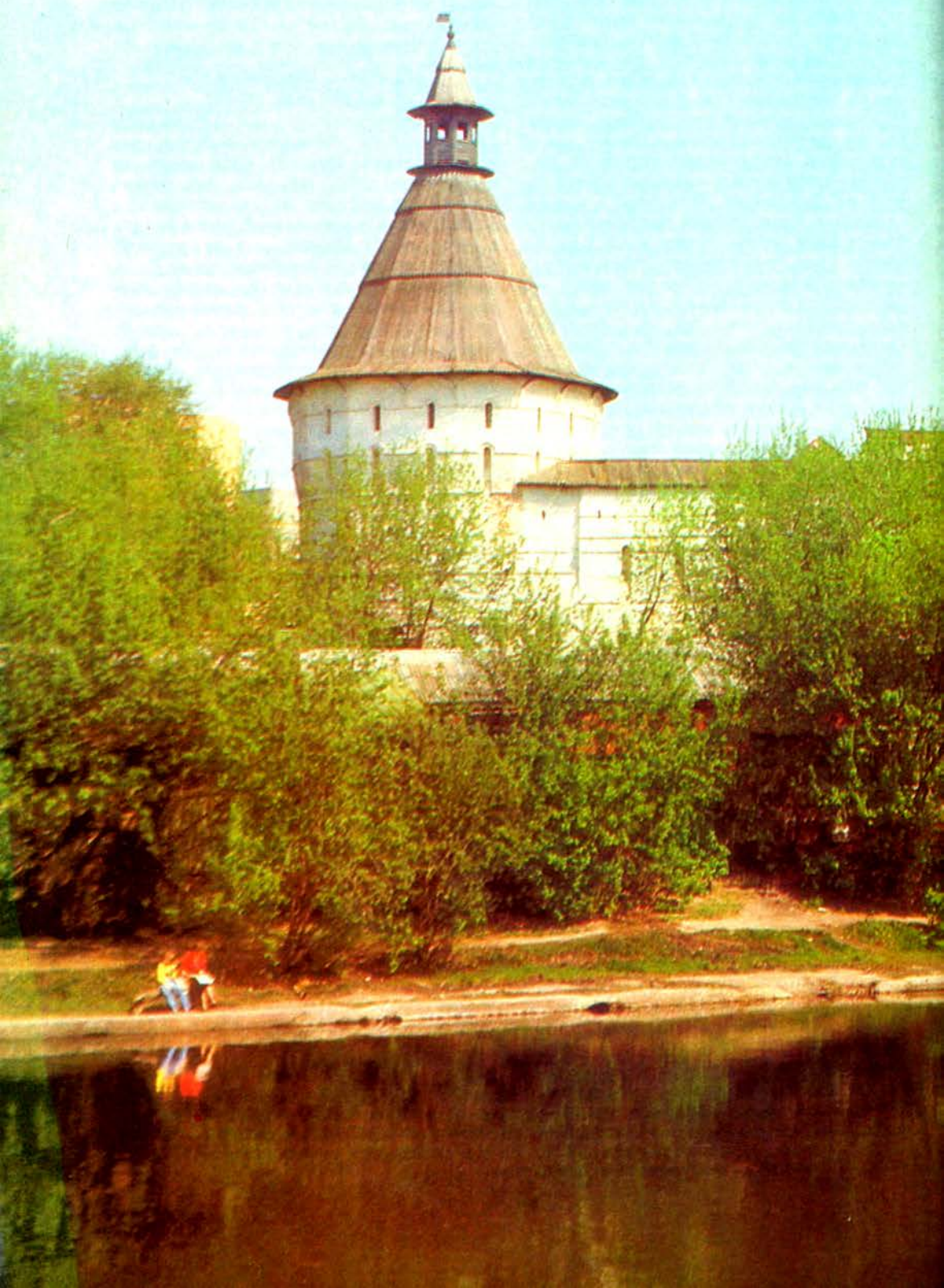
Новоспасский монастырь был местом захоронения предков царствующего рода Романовых и их близких родственников. Позднее здесь устроили усыпальницу, занимающую просторный подклет огромного Преображенского собора. Строительство последнего связано с именем архимандрита Никона, ставшего затем московским патриархом.

В советское время собор был закрыт, а усыпальница замурована. Но сейчас время идет как бы вспять: в храме, как прежде, ведется богослужение. А перед реставраторами, давно обосновавшимися тут, стоит задача вернуть изначальный вид этому незаурядному творению зодчих, восстановить исторические захоронения.

Новоспасский монастырь в Москве.
Фото В. Титова

The New Monastery of the Saviour in Moscow. Photo by V. Titov

«По обителям первопрестольной»

Вершины своей это национальное религиозное сознание Руси достигает в св. Иосифе Волоцком. Но к концу XV в. оно уже заслоняется и отягощается новым универсализмом. Погибая, Византия оставила Москве в наследство свою вселенскую идею, в ее слитности с конкретным государством — нацией. Москва — третий Рим — ощущает себя уже не только средоточием мира, но и православной вселенной. В наивном выражении людей XV—XVII в. Успенский собор в Москве и есть «святая, соборная и апостольская Церковь». Но эта национальная вселенность грозит утратой вселенского чувства Церкви. Русский раскол был наказанием. Вселенское сознание Москвы лишь помешало выразиться древнерусскому сознанию нации. Мысль XIX в. — мысль светских богословов и философов-славянофилов, Вл. Соловьева — додумала и выразила то, чем жила древняя Русь. В чем же христианский смысл нации, оправдание и освящение ее жизни?

Русские книжники, ища опоры для своего нового идеала в греческой традиции, любили сравнивать своих национальных святых, особенно князей, с древними мучениками, стражами и заступниками родного города. Слагатель повести об Александре Невском недаром вспоминает «блаженного отечестволюбца Христова мученика Димитрия, рекша про отчизну свою Солуньград: «Господи, аще погубиши град сей, то и аз с ним погибну»... Древнегреческий град — малая родина (polis) живет в греческом царстве как некоторое органическое целое. Но это целое, бытовое, житейское, не является национальным целым. Оно свидетельствует лишь о существовании во вселенском теле Церкви местных клеточек-союзов плотской любви, не разрушаемых, но благословляемых Церковью небесной. Не в порядке ли только снисхождения к немощной плоти человеческой? Соблазнительно остановиться на этой мысли, пока мы имеем дело лишь с таким духовно не выраженным, религиозно бесцветным единством, как город или гражданская община. Последний смысл благословения родины раскрывается только для родины национальной.

Одно малоизвестное и литературно беспомощное русское житие начинается с такого величественного образа Русской земли: «О светлая и пресветлая Русская земля и украшенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварью, потешая Бог человека и сотворил вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческого ради естества, и потом подарова Господь православною верою, святым крещением, наполнив ювелицими грады и дома церковными и насеяв ю

боголюбивыми книгами, и показуя им путь спасения и радости всех святых». Неведомый сказатель жития дает ключ к религиозному смыслу национальной жизни. В его словах ясно обозначены три плана. Внизу природная тварная жизнь, прекрасная и благословенная Богом, физический субстрат народной жизни. Наверху «свет и радость всех святых». Царство Небесное, уже предлагающее все земные рубежи. Посредине «путь спасения» — не личный, а всенародный путь, намеченный скупой словами: «грады и дома... и книги». Грады и книги это путь культуры: общественного богослужения, художественного творчества и мысли, хозяйства и политической организации, — все то, что составляет глубинную и внешнюю, духовную и материальную жизнь нации.

Для признания религиозного смысла национальной идеи необходимы две предпосылки. Первая — религиозный смысл культуры, т. е. тех «градов, домов и книг», которые составляют расходящийся сноп лучей из храмовой мистерии. Вторая — множественность культурных «путей спасения». Нетрудно усмотреть многообразие личных путей святости, личных призваний. Подвиг святого епископа далеко расходится с подвигом юродивого — по внешности ничем не напоминает его. И только в последней глубине раскрывается единство святости — в единстве стяжаемого Св. Духа. То, что сразу было явлено миру для подвига личного и запечатленного навеки в учении ап. Павла о многообразии духовных даров, то для призвания «языков» долго оставалось скрытым под спудом мнимовселенской греко-римской культуры. А между тем в огненные дни рождения Церкви были явлены знаки, указующие на расходящиеся земные пути Царствия Божия. Единая сила Святого Духа сходит на апостолов в раздельности огненных языков...

Нам кажется, что наша родина, Россия, стоит на опасном распутье. Ее национальный путь трагически оборвался более двух веков тому назад, и с тех пор величайшие усилия ее гениев в том, чтобы обрести потерянную духовную родину. Соблазны духовного эсперанто, мировой ярмарки сейчас для нас сильнее, чем когда-либо. Но и мы напрасно обольщаемся, что уже нашли истинный путь. Нет более распространенного недоразумения среди нас, как смешение «православного» и «русского». Православное это вселенское, это для всех. Русское — только для нас. Мы плохо знаем иные православные церкви и культуры, плохо знаем и свою собственную. Отсюда иногда мы готовы утверждать как русское то, что является призыванием христианства

восточного, а иногда выдаем за православное, вселенское, общеобязательное исторические особенности лишь нашего, русского пути. И национальное, и вселенское понимание православия страдают от этого смешения. Поэтому первый долг для нас — долг самопознания — упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого. Что из тяжелого, богатого наследия предков останется с нами как вековая святыня, что брошено как мертвый груз? Где чистые ключи, чтобы утолить нашу жажду? Трагичность нашего прошлого, прерывистость, ломаность его линий затрудняют искания, но делают их необходимость ясной для всех. Трудна, бесконечно трудна эта работа восстановления истинного лица России. Сколько обманов и самообманов на этом пути. Одни видят Россию в монастыре, другие в орде Чингисхана, третьи в Петербурге последних Романовых. Нужно бояться дешевых лозунгов и узких точек зрения. Россия и то, и это, и многое другое. Но становясь тем и другим, она совершила множество исторических грехов, изменила своему служению, как всякий народ. И нужно отличать измену от правого подвига, хотя и в измене и в падении сказываются национальные, близкие нам черты России.

А где же, скажут нам, вселенский идеал православия? Мне думается, что нашим временем, как важнейшая вселенская задача, выдвинуто восстановление и просветление лица России. Обретенная, воскресшая Россия будет светить миру. Светит она и сейчас, даже через закопченные стекла наших фонарей. Но задача не в том, чтобы это освещение организовать, а в том, чтобы не дать угаснуть огню, чтобы не иссякло масло в светильниках, чтобы чадающий, задуваемый ветром огонь вновь разгорелся чистым пламенем. Не горделивое спасение мира, а служение своему призванию, не «мессианство», а миссия, путь творческого покаяния, трудовой трезвенности, переоценки, перестройки всей жизни — вот путь России, наш общий путь.

Из кн.: О России и русской философской культуре / Сост. М. А. Маслин.— М., 1990.

Н. А. БЕРДЯЕВ (1874—1948)

Из книги «Русская идея» (1948)

Россия никогда не была в западном смысле страной аристократической, как не стала буржуазной. Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склон-

ность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвалство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт.

* * *

История русского народа — одна из самых мучительных историй: борьба с татарскими нашествиями и татарским игом, всегдашняя гипертрофия государства, тоталитарный режим Московского царства, смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право, которое было самой страшной язвой русской жизни, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, жуткий режим прусского юнкера Николая I, безграмотность народной массы, которую держали в тьме из страха, неизбежность революции для разрешения конфликтов и противоречий и ее насильственный и кровавый характер и, наконец, самая страшная в мировой истории война. С киевской Россией, с Владимиром Святым связаны былины и богатыри. Но рыцарство не развилось на духовной почве православия. В мученичестве св. Бориса и св. Глеба нет героизма, преобладает идея жертвы. Подвиг непротivления — русский подвиг. Опрошение и уничтожение — русские черты. Также характерно для русской религиозности юродство — принятие поношения от людей, посмеяние миру, вызов миру. Характерно исчезновение святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских. И не случайно произошло вообще оскудение святости в Московском царстве. Самосжигание, как религиозный подвиг, — русское национальное явление, почти неведомое другим народам. То, что называли у нас двоеверием, т. е. соединение православной веры с языческой мифологией и народной поэзией, объясняет многие противоречия в русском народе. В русской стихии всегда сохранялся и сохраняется и доныне дионисийский, экстатический элемент. Один поляк сказал мне в разгаре русской революции: Дионизос прошел по Русской земле. С этим связана огромная сила русской хоровой песни и пляски. Русские люди склонны к оргиям с хороводами. То же мы видим в народных мистических сектах, например в хлыстовстве. Известна склонность русского народа к разгулу и анархии при потере дисциплины. Русский народ не только был покорен власти, получившей религиозное освящение, но он также породил из своих недр Стень-

ку Разина, воспетого в народных песнях, и Пугачева. Русские — бегуны и разбойники. И русские — странники, ищущие Божьей правды. Странники отказываются повиноваться властям. Путь земной представлялся русскому народу путем бегства и странничества. Россия всегда была полна мистико-пророческих сект. И в них всегда была жажда преображения жизни. Это было и в жуткой, дионисической секте хлыстов. В духовных стихах была высокая оценка нищеты и бедности. Излюбленная тема их — безвинное страдание. В духовных стихах есть очень большое чувство социальной неправды. Происходит борьба правды и кривды. Но в них чувствуется народный пессимизм. В народном понимании спасения милостыня имеет первостепенное значение. Очень сильна в русском народе религия земли, это заложено в очень глубоком слое русской души. Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство. Богородица идет впереди Троицы и почти отождествляется с Троицей. Народ более чувствовал близость Богородицы-Заступницы, чем Христа. Христос — Царь Небесный, земной образ Его мало выражен. Личное воплощение получает только мать-земля. Часто упоминается о Духе Св. Г. Федотов подчеркивает, что в духовных стихах недостает веры в Христа-Искупителя, Христос остается судьей, т. е. народ как бы не видит кенозиса Христа. Народ сам принимает страдание, но как будто бы мало верит в милосердие Христа. Г. Федотов объясняет это роковым влиянием иосифлянства, искавшего образ Христа у русского народа. И русский народ хочет укрыться от страшного Бога Иосифа Волоцкого за матерью-землей, за Богородицей. Образ Христа, образ Бога был подавлен образом земной власти и представлялся по аналогии с ней. Вместе с тем в русской религиозности всегда был силен эсхатологический элемент. Если, с одной стороны, русская народная религиозность связывала божественный и природный мир, то, с другой стороны, апокрифы, книги, имевшие огромное влияние, говорили о грядущем приходе Мессии. Эти разные начала русской религиозности будут сказываться и в мысли XX в.

Иосиф Волоцкий и Нил Сорский являются символическими образами в истории русского христианства. Столкновение их связывают с монастырской собственностью. Иосиф Волоцкий был за собственность монастырей, Нил Сорский — за нестяжательство. Но различие их типов гораздо глубже. Иосиф Волоцкий представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего

императорским православием. Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы. Нил Сорский — предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции. Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства. Его пробовали канонизировать, но в сознании русского народа он не сохранился как образ святого. Вместе с Иоанном Грозным его нужно считать главным обоснователем русского самодержавия. Мы тут прикасаемся к двойственности русского мессианского сознания и к его главному срыву. После народа еврейского русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма. Для истории русского мессианского сознания очень большое значение имеет историсофическая идея инока Филофея о Москве как третьем Риме. После падения православного византийского царства Московское царство осталось единственным православным царством. Русский царь, говорит инок Филофей, «един-то во всей поднебесной христианский царь... Престол вселенский и апостольский церкви имел представительницей церковь Пресв. Богородицы в богородном граде Москве, просиявшую вместо Римской и Константинопольской, иже едина во всей вселенной паче солнца светится». Люди Московского царства считали себя избранным народом. Некоторые, как, например, П. Милюков, указывают на славяно-болгарское влияние на московскую идеологию третьего Рима. Но если и признать болгарское происхождение идеи инока Филофея, то это не меняет значения этой идеи для судьбы русского народа. В чем была двойственность идеи Москвы — третьего Рима? Миссия России быть носительницей и хранилищем истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием». Россия единственное православное царство, и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. На этой почве происходила острая национализация православной церкви. Православие оказалось русской верой. В духовных стихах Русь — вселенная, русский царь — царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры. Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание. Это все та же двойственность, которая была и в древнееврейском мессианстве.

Московские цари считали себя преемниками византийских императоров. Преемство доводило до Августа Цезаря. Рюрик оказывался потомком Пруста, брата Цезаря, основавшего Пруссию. Иоанн Грозный, производя себя от Пруста, любил называть себя немцем. Царский венец перешел на Русь. Преемство вело еще дальше, доводило до Навуходоносора. Есть легенда о пересылке Владимиру Мономаху греческим императором Мономахом царских регалий. Из Вавилона регалии на царство достаются православному царю вселенной, так как в Византии было крушение веры и царства. Воображение работало в направлении укрепления воли к могуществу. Мессианско-эсхатологический элемент у инока Филофея ослабляется заботой об осуществлении земного царства. Духовный провал идеи Москвы как третьего Рима был именно в том, что третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал. Царь был признан наместником Бога на земле. Царю принадлежали заботы не только об интересах царства, но и о спасении души. На этом особенно настаивает Иоанн Грозный. Соборы созывались по повелению царей. Поразительно малодушие и угодничество собора 1572 г. Желание царя было законом для архиереев в церковных делах. Божье воздавалось кесарю. Церковь была подчинена государству не только со времен Петра Великого, но и в Московской России. Понимание христианства было рабье.

Трудно представить себе большее извращение христианства, чем отвратительный «Домострой». Ив. Аксаков даже отказывается понять, как такую низкую мораль, как мораль «Домостроя», мог породить русский народный характер. Идеология Москвы как третьего Рима способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, а не процветанию церкви, не возрастанию духовной жизни. Христианское призвание русского народа было искажено. Впрочем, то же случилось и с первым и вторым Римом, которые очень мало осуществляли христианство в жизни. Московская Россия шла к расколу, который стал неизбежен при низком уровне просвещения. Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством. И вместе с тем в этом тоталитарном царстве не было цельности, оно было чревато разнообразными расколами. (...)

Из кн.: О России и русской философской культуре / Сост. М. А. Маслин.— М., 1990.

Н. О. ЛОССКИЙ (1870—1965)

Из книги «Характер русского народа» (1957)

...Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни; в связи с этим свойством стоит способность к высшим формам опыта, именно к религиозному, нравственному и эстетическому опыту, к философскому умозрению и к чуткому восприятию чужой душевной жизни, откуда получается живое индивидуальное общение с людьми. Второе первичное свойство русского народа — могучая сила воли, откуда возникает страстность, максимализм и экстремизм, но иногда обломовщина, леность, пассивность вследствие равнодушия к несовершенному добру земной жизни; отсюда невыработанность средних областей культуры, а вместе с тем и невыработанность характера, недостаток самодисциплины. В связи с исканием абсолютного добра стоит свобода духа русских людей, широкая натура, испытание ценностей мыслью и опытом, откуда возникают дерзкие рискованные предприятия, склонность к анархии, неумение столкнуться для общего дела, негилизм и даже хулиганство. К числу первичных основных свойств русского народа принадлежит доброта, углубляемая и поддерживаемая исканием абсолютного добра и религиозностью; однако измученный злом и нищетой русский человек может проявить и большую жестокость. В связи с опытом искания абсолютного добра у русского народа развилась высокая и разносторонняя одаренность, теоретический и практический ум, художественное творчество в различных областях искусства. Чуткость к добру соединена у русского народа с сатирическим направлением ума, со склонностью все критиковать и ничем не удовлетворяться.

Отрицательные свойства русского народа, экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики, могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройкам частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого. Поистине Россия есть страна неограниченных возможностей, и прав был французский историк Мон

(Mond), сказавший, что русский народ — самый обаятельный, но и самый обманчивый.

Надо, однако, принять во внимание, что отрицательные свойства русского народа представляют собою не первичную, основную природу его: они возникают как обратная сторона положительных качеств или даже как извращение их. В действительности извращения, конечно, проявляются реже, чем основные нормальные свойства характера. К тому же русские люди, заметив какой-либо свой недостаток и осудив его, начинают энергично бороться с ним и благодаря силе своей воли усиленно преодолевают его. Поэтому можно надеяться, что русский народ после преодоления безбожной и бесчеловечной коммунистической власти, сохранив свою религиозность, будет, с Божьей помощью, в высшей степени полезным сотрудником в семье народов на пути к осуществлению максимального добра, достижимого в земной жизни.

Из кн.: Лосский Н. О. Характер русского народа: В 2 ч.— М., 1990; Репринт: Франкфурт-на-Майне., 1957.

И. А. ИЛЬИН (1882—1954)

Из статьи «За национальную Россию»

...Путь к возрождению России ведет через одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта. Именно последняя глубина души может и должна возродить Россию: искренняя и цельная жажда Бога и божественного в жизни. Испытания и лишения, унижения и муки должны поднять со дна наш затонувший «Град Китеж», должны возродить «Святую Русь» в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции.

Революция совершилась отнюдь не в силу положительной воли Божией, ибо Господь не может хотеть зла; но в силу Его попущения. Нелепо и пагубно думать, будто коммунистическая власть в России «установлена» Богом и будто в силу этого русские люди должны повиноваться ей «за совесть». На самом деле не Господь восхотел этого потока зла и страдания, но соблазняющие и соблазненные люди восхотели его, злоупотребляя своею человеческою свободой и идя по пути страстного произволения и греха. (...)

Попущению этому придет однажды конец: когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе. (...)

Религиозный смысл русской революции — не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России.

Чтобы возродить Россию, русский человек должен жизненно укоренить свою душу в Боге и принять эту укорененность — сердцем, волею и разумом. Тогда в его душе расцветет цельная и огненная вера, двигающая горами. Именно такая вера ему и необходима для возрождения и воссоздания России. (...)

Ныне русский народ, оторванный террором от храмов и духовенства, измученный и униженный безбожниками, будет свободно и настойчиво искать путей к Богу, будет добиваться искренней, цельной и неколеблющейся веры, основанной на самостоятельном, но подлинном богосозерцании. Из тюрьмы не возвращаются «бесследно»; прозревший слепой смотрит на жизнь новыми глазами; видевший ад обращается к Богу из последней глубины, из потрясенного сердца и трепещущего инстинкта. Это будет настоящая жажда Бога и всего божественного. Религия и храмы будут восстанавливаться с любовью и благоговением. Души обратятся к Богу; это обращение будет осуществляться живым личным опытом; живой опыт найдет примирение с разумом. Возникнет обновленная вера; она углубит и открылит созерцающее воображение, чтобы сердце узрело бога и все Его лучи в мире. Такая вера пробудит волю; воля станет характером, а характер поведет к поступкам. Так, верою в Бога возродится русский национальный характер.

Крушение наше последовало потому, что мы не жили Богом в наших сердцах и делах: погасили в себе Его огонь, растеряли в себе Его искры и разложили первоосновы нашей жизни. Теперь наши души должны укорениться в Боге.

Укорениться в Боге значит стать сильным в добре. Быть сильным в добре значит иметь настоящий духовный характер.

России необходимы, ей дороже всего отныне и на века — люди с сильным, религиозно укорененным и верным характером. Это они — строили Россию в

прошлом. Это они будут строить ее и впредь. Для русского народа нет выбора; если он не сумеет укрепить в себе национально-духовный характер, тогда он вообще не сможет удержаться на исторической арене; тогда он будет отвезен в пространство, как мякина, или затоптан, как глина.

Россия сокрушилась в революции потому, что русские люди были в большинстве своем добродушны, но слабы в добре. Сильных же в добре было немного. И вот, когда появились люди сильные во зле и стали звать массы не бояться падения, падать, скользя вниз по линии наименьшего сопротивления, — то множество слабых поколебалось и отдалось этому зову. Тогда сильные в добре повели неравную борьбу с сильными во зле при бесхарактерном нейтралитете или слабохарактерном разложении массы. И победило зло.

Чтобы в русском человеке сложился и окреп духовный характер, он должен увидеть добро, поверить ему и

в него и полюбить его; это видение, эта вера и любовь должны передать свой духовный заряд воле, и заряд этот должен быть осмыслен и принят разумом. Тогда душа русского человека станет свободною и цельюю в добре: он утвердит свое духовное достоинство, и вследствие этого честь и честность станут необходимыми и устойчивыми формами его жизни. Рабские черты угаснут в нем навсегда. Он утвердит в себе Сына Божия; и соблазны разнуздания и всесмещения будут ему не страшны. Его поведет дух предметного служения. (...)

Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение — я служу России; не маммоне и не просто «начальству»; не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству; ее величию, ее оправданию перед лицом Божиим. (...)

Ильин И. А. За национальную Россию // Слово.— 1991.— № 4—8.

Иисус с Богоматерью и Иоанном Крестителем. Jesus Christ with the Virgin and St. John the Baptist.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вся страна по телевидению следила за переносом мощей Серафима Саровского — это стало событием национального масштаба, отвлекло миллионы людей от политики, митингов, забастовок. Не хлебом единым...

Вновь открываются старые монастырские обители. Ушла мерзость запустения из Толги — ожил, возродился этот монастырь под Ярославлем. На Валаам вернулись насельники, и среди них внук Павла Флоренского. Не забылась народом дорога в Оптину пустынь...

Надо быстрее забыть кошмар насильственного атеизма. С каждым днем громче звучат колокола над Россией. Все возвращается на круги своя.

Пелена шитая
«Явление
Богоматери
Сергию
Радонежскому.
Праздники и

святые».
Работа
вел. кн.
Соломонии
Сабуровой.
1525 г.

Embroidered
shroud "The
Appearance of
the Virgin
to st. Sergius
of Radonezh.

Church Feasts
and Saints".
Work of Grand
Princess
Solomonina
Saburova. 1525

Перенос мощей
преп. Серафима
Саровского.
1991 г.
Фото автора

Transfer of
of the remains
of St. Seraphim
of Sarov. 1991.
Photo by the
author

«И послан бысть ко мне един от серафимов»

Записки очевидца

Александр МИЛОВСКИЙ

Открывшееся взору теплое золотистое поле взошло на горизонте сиянием куполов, и столь ясно и тихо стало вокруг, так ладно и благостно после тысячеверстного нынешнего российского разора, что увиделось мне в этом еще одно чудо преподобного Серафима. Чуда, за которым я шел сюда, в южный предел Нижегородской земли, вместе с тысячами других паломников, стекавшихся в Дивеево со всей России, из дальних и ближних ее городов и весей, чтобы участвовать во вторичном обретении и прославлении мощей одного из величайших русских святых — Серафима Саровского.

Но жгучий стыд за судьбу отечества соседствует с радостью в день возвращения к нам из небытия Саров-

ского чудотворца. Ведь и само имя это, как и название соседствующих Саровской и Дивеевской обителей, возвышавшие и смягчавшие прежде людские души, а потом надолго вымаранные из народной памяти, теперь нуждаются в пояснении, словно это не наше, родное, сокровенное, а некая экзотика забытых и неведомых стран. Многие ли из нынешнего поколения «научных атеистов» знают, что преподобному Серафиму более чем кому-либо из христианских святых являлась наяву, иногда при свидетелях, Божья Матерь — двенадцать раз, а заброшенная до недавнего времени Дивеевская обитель слыла четвертым после Афона, Иерусалима и Киевской Печерской лавры вселенским жребием Небесной Царицы? Что 19 июля 1903 года

при прославлении мощей Серафима в Саровский монастырь стеклось со всей России триста тысяч православных во главе с императорской четой? Что саровский прорицатель и прозорливец за столетие с поразительной точностью предрек грядущие судьбы России: «...произоидет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческого, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церковей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются... Будет такая скорбь, чего от начала мира не было!.. Ангелы не будут успевать принимать души?»

Как мучился, наверное, он, придавленный этим страшным знанием, как истово молился, пытаясь отвести беду и сознавая, что сие не под силу смертному. Недаром, как сказал о саровском праведнике Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, «Преподобный Серафим был тем духовным огоньком, у которого отогревался Россия». Люди тянулись к нему, преклонялись перед человеком, святой жизнью своей ближе всех подошедшим к Христу, человеком, в котором воплотилась мучительно желанная и недостижимая мечта о соединении с Богом, растворении себя в нем — Мария дважды сказала, придя к нему: «Этот нашего рода».

Что знаем мы об одном из величайших православных святых? Родился Прохор Мошнин — таково его мирское имя — 19 июля 1759 года в Курске, в набожной купеческой семье. В три года лишился отца. Семи лет по неосторожности упал с самого верха колокольни церкви во имя Сергия Радонежского, которую строили его родители, и чудесным образом остался цел и невредим. Местный юродивый сказал тогда матери его Агафии: «Блаженна ты вдовица, имея сие дитище, ибо будет оно крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир». В отрочестве Прохор смертельно заболел, но был опять-таки чудесно спасен, прикоснувшись к иконе Знамени Божией Матери, которую несли крестным ходом по городу и ввиду грозы пронесли через двор Мошниных. Учился по псалтыри и другим книгам отцов церкви, знал наизусть многие главы из Библии.

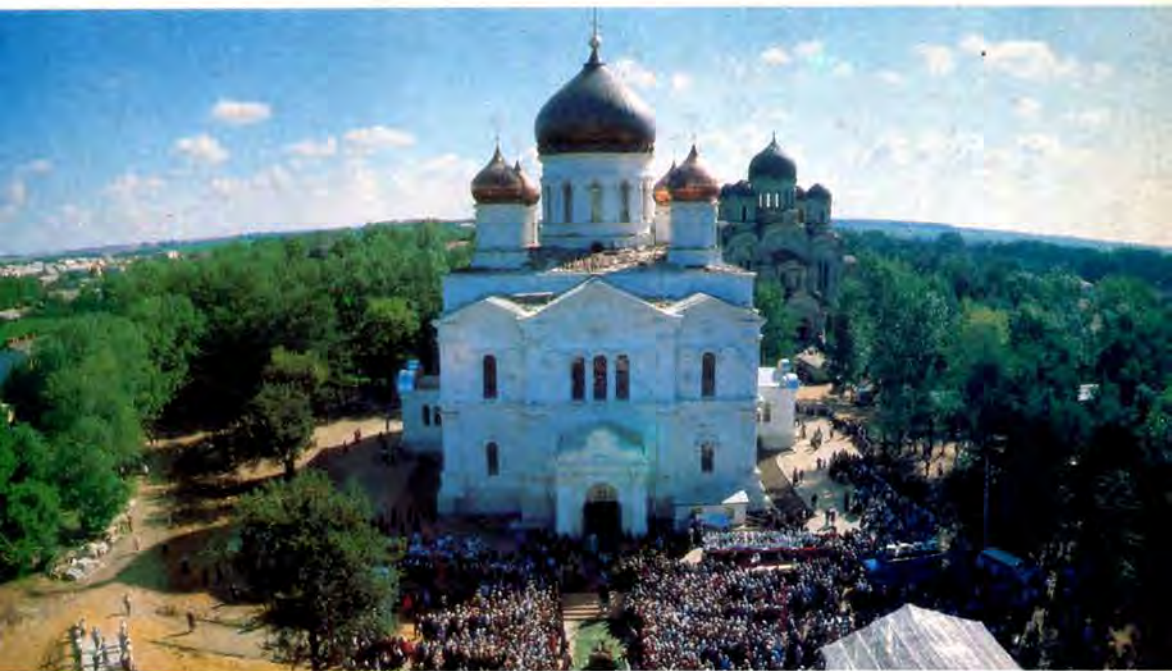
В семнадцать лет твердо решил выбрать иноческий путь. Получив благословение матери, отправился в Киев на

поклонение святым мощам печерских угодников. Старец Досифей, живший отшельником в десяти верстах от лавры, узрел в юноше «светильник неугасимый» и предрек, что вселится в него Дух Святой. Он указал Прохору как на место будущих подвигов Саровскую пустынь, славную подвижниками традиции «умной молитвы».

В Саровскую обитель Прохор вступил 20 ноября 1779 года и был принят послушником. С усердием молился и трудился на всех работах, соблюдал крайнее воздержание в пище, ел единожды в день, а по средам и пятницам обходился вовсе без пищи. Вскоре вновь тяжело заболел, пролежал три года, отказываясь от врачебной помощи и уповая на Бога. Умиравшего Прохора исповедали, причастили, после чего он сподобился чудного видения — ему явилась Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и коснулась его рукой и железом. Опухоль вскрылась сама собой и вскоре больной выздоровел.

По описаниям Прохор был голубоглаз, имел прямой нос и густые брови, светло-русые волосы, длинные усы и окладистую бороду. Был могуч телом, светел умом, добр сердцем, тверд волей и любим братией. 13 августа 1786 года настоятель монастыря отец Пахомий постриг его и нарек именем Серафим, что значит «пламенный», «пламенеющий», но также и «согревающий». В ангельской иерархии серафимы как носители чистого огня божественной любви стоят на первом месте. «И послан бысть ко мне един от серафимов, и в руке своей имяше угль горящ, его же клещами взят от олтаря...» — привиделось когда-то пророку Исайе. Так и Серафиму Саровскому предпослано было согреть людские души жаром небесной любви.

А потом были тридцать лет иноческого подвига, поражающего воображение, — жил один в лесной келье, где кормил с рук медведя, накладывая на себя обет молчания, 1000 дней и ночей непрестанно молился на коленях с гранитного камня, питался травяным отваром, безропотно отдался на расправу разбойникам, став после этого согбенным калекой, подверг себя затвору в холодной монастырской келье, где спал на мешках с камнями. Единственным из всех христианских святых он последовательно прошел ВСЕ формы подвижничества. «Монах-пустынник, строгий затворник, но и любвеобильный старец, столпник и трудник, — писал философ и богослов Сергей Булгаков в 1933 году, — казалось, он превзошел человеческую меру на всех путях подвижничества своего восхождения, и житие его было непрестанной молитвой и богомыслием, боговедением

Торжества в Спасо-Дивеевом женском монастыре под Арзамасом. Фото автора
 Celebrations at the Diveyevo Convent near the Saviour near Arzamas. Photo by the author

и боговидением. Как древние пророки от среды народа своего — Амос, пастух Фекойский, или Иоиль, сын Вафиулов, или иные — в среде народа своего он стал как бы новозаветным пророком, возвещающим Царствие Божие».

Пятидесяти шести лет Серафим открыл келейную дверь братии и паломникам, ступив на путь старчества, то есть духовного служения людям — «умного делания», как говорили тогда. Кроткому и радостному старцу образ Божий открылся в каждом человеке, и каждого из тысяч шедших к нему он встречал с христианской любовью словами пасхального приветствия: «Радость моя, Христос воскрес!»

Церковные жития и даже светские жизнеописания святых сродни иконам — они составляются по своим канонам. С неперменным указанием на особую кротость и смирение, на раннюю устремленность к Богу, в них чудесные исцеления от недугов и спасение при несчастных случаях, в них борение со страстями и соблазнами, победа над бесами, в них подвиги святого и его чудеса. Как разглядеть за этим неперменным набором живого Серафима, как пробиться к его человеческой сущности, чтобы понять, чем обязана Россия появлению в XIX веке, на пороге ее роковых перемен, такого титана духа? Как наконец разгадать природу божественного изобретения?

Самые пытливые и незаурядные умы России задавались этими вопросами. Возьмем размышления философа Василия Ро-

занова в его эссе «По тихим обителям»: «В пору, когда Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и Байрон пел «Чайльд Гарольда», в эпоху конгрессов, Меттерниха, в эпоху начинающегося социального брожения, — в этих лесах жил человек, явивший изумительное воскресение тех тихих и созерцательных душ, какие во 2-м, 3-м, 4-м веках нашей эры жили в пустынях Ливии, Синая, Сирии. Ни один еще святой Русской земли так не повторил, но без преднамерения, неумышленно, великих фигур, на которых собственно, как мост на сваях, утвердилось христианство. И какие особенные слова у них были? Какое учение? Томов они не оставили: хотя в трепетной памяти потомства и запомнились 2—3, 5—6 афоризмов, «изречений» их. Где же тайная их сила? Неуловимо. Но Небо им что-то сказало. Лег знак Неба на чело их. Все это почувствовали, через что — неизследимо! Но все запомнили, отметили. Все с тех пор идет сюда. Это — особенное место, особенное лицо, не смешиваемое с мудрецами, с великими вздымателями волн истории: как Гус, Иероним Пражский, Лютер. Здесь — все тихо. Была ли здесь хоть малейшая неправда, как есть она везде, во всем на земле, по слабости человеческой, по греху человеческому? Мне кажется, существо «отшельничества», в первой и чистой фазе его, и заключалось в желании «уйти от греха». Ибо «грех» всегда является от замешательства обстоятельств, от столкновения их с

лицом человеческим и лица человеческого с ними. Уединись — и станешь немного лучше. Уединись надолго — душа успокоится. На этом основаны религиозные идеи отдыха, праздника (бесшумного) и покоя. Наконец, уйдя на всю жизнь в леса, к звездам, к утреннему солнцу, к живительной росе, проводи рукою по этой холодной росе на утренней заре или, поднявшись на пригорок, следи, как солнце садится в купы деревьев,— и так сегодня, завтра, всегда,— и душа очистится, станет прозрачна, как слеза росы на зелени, без мути в себе, без пыли на себе. Она сольется с природой, сделается от нее не различимой. И природа как бы уже прижизненно вберет в себя такого человека, как она вбирает всякого после его смерти...»

Теперь, по прошествии времени, достаточного для размышлений, становится все яснее, что Серафимово предназначение России осознано далеко не полностью, что трагическая его посмертная судьба predetermined давно, а пророческие слова, что «по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеево и там начнет проповедь всемирного покаяния»,— это в сущности и есть то самое, что переживаем мы теперь. Ведь вторичное обретение мощей, а по сути, воскресение великого святого, конечно, не случайно совпавшее по времени с началом высвобождения России из рабства — не есть ли это знак того, что Господь возвращает свою милость нашей многогрешной и многострадальной земле? Но и ждет от нас Великого Покаяния?

Во время молебна перед святыми мощами никто не знал, что сбывается еще одно бытующее в народе предсказание Серафима — о том, что когда во вновь открытый монастырь пойдет из Москвы патриарх с мощами, наступит время последней схватки с антихристом. А спустя восемнадцать дней на нас обрушится некоммунистический путч, вскоре подавленный.

О том, как сбылось в 1927 году горькое предсказание Саровского чудотворца в отношении его обители, имеется свидетельство монахини Дивеевского монастыря Серафимы (Булгаковой):

«В воскресенье Недели мытаря и фарисея приехали изверги разгонять Саров. Это длилось до 4-й недели Великого Поста.

У мощей гробовым стоял в течение многих лет иеромонах Маркеллин. Управляющий Тамбовской епархией архиепископ Зиновий находился в это время в Дивееве. Он вызвал о. Маркеллина и приказал ему взять мощи и скрыться с ними на Кавказе. Но тот отказался, сказав, что он, стоя столько лет у святых мощей, столько видел от них чудес, что

уверен, что Преподобный и сейчас сам не дастся.

Выгонять монахов было трудно. У них почти у всех были отдельные кельи с отдельными выходами, имелось несколько ключей. Сегодня выгонят монаха, а завтра он опять придет и запрется. Служба в церквях еще шла. Наконец, в понедельник Крестопоклонной недели приехало много начальства. Сгребли все святыни: чудотворную икону Живоносного источника, гроб-колоду, в которой лежал 70 лет в земле батюшка Серафим, кипарисовый гроб, в котором находились мощи, и другое. Все это сложили между царскими покаями и северным входом Успенского собора, устроили костер, зажгли. Послушник Борис сумел сфотографировать, он приносил нам показать снимок этого костра. Мощи же батюшки Серафима, то есть его косточки, как они были облачены в мантию и одежды, все это свернули вместе и вложили в синий просфорный ящик. Ящик запечатали, а сами разделились на 4 партии, сели на несколько саней и поехали в разные стороны, желая скрыть, куда они везут мощи... Однако как ни хотели скрыть концы, но когда тройка со святыми мощами въехала в село Кременки, там на колокольне ударили в набат.

Мощи везли прямо в Москву. Там их принимала научная комиссия. К этой комиссии сумел присоединиться священник Владимир Богданов. Когда вскрыли ящик, то, по свидетельству о. Владимира, мощей в нем не оказалось. Я слышала это от его духовных детей. Это же говорил и покойный владыка Афанасий, бывший после в ссылке вместе с о. Владимиром в Котласе.

Говорили, что приехав на ночлег, кощунники ящик со святыми мощами заперли в амбаре, а ключи взяли себе. Но сами выпили».

Сарову судьба приготовила новые страшные испытания. Дьявольский ли перст указал Лаврентию Берия это святое место России, только именно здесь, в Саровском монастыре, сталинский палач, в ведении которого были также все работы (в силу их крайней секретности) по созданию ядерного и термоядерного оружия, создал производство водородных бомб. Исчез древний город Саров, возник сверхсекретный закрытый город физиков-узников «Арзамас-16».

В XIV веке, при великом князе Дмитрие Донском, тут был татарский город Сараклыч, прекративший существование вместе с Золотой Ордой, а в XVII веке сюда, в лесные дебри, пришли первые монахи Феодосий, Герасим и Илларион. В 1691 году Илларион с братьями начали рыть пещеры для своих келий, а затем и целого подземного хра-

ма. Эти подземелья, очевидно, и приглянулись подручным Берии. Теперь вход в них замурован, а над ним — памятник «буревестнику революции», писателю Максиму Горькому. В величественном Успенском соборе устроили гараж для грузовиков, и нетрудно представить, как матерились шоферы под библейскими росписями, отогревая зимой замерзшие моторы. В пятидесятые годы собор взорвали, как и собор Живоносного источника, — из девяти монастырских храмов были уничтожены семь. Разрушена часовня над могилой преподобного Серафима, засыпан родник, в котором исцелились многие тысячи россиян, исчез молитвенный камень. Излишне говорить, что все церковное имущество, богатейшая Саровская библиотека разграблены или уничтожены. На месте могил саровских старцев по советским праздникам ставили кумачовые трибуны, мимо которых маршировали заточенные здесь академики. По сей день в этом святом месте дьявольский контейнер гонит водородные бомбы, и до передачи его верующим, похоже, далеко. Вот почему святые мощи великого праведника возвращаются не сюда, а в соседнюю, женскую Серафимо-Дивеевскую обитель, которую он сам основал и опекал всю жизнь. Чудотворец, почивший в 1833 году, предвидел и это свое посмертное перемещение в Дивеево.

Повторное обретение мощей... Можно ли дважды войти в реку Истории? Ведь и река сама и берега изменились неузнаваемо. В первый раз это произошло в 1903 году, когда Синод, изучив случаи чудесного исцеления множества людей, при активном участии императора Николая II, считавшего Серафима Саровского своим небесным покровителем, решил открыть многоцелебные мощи. Перелистаем свидетельства и документы того времени. Триста тысяч богомольцев, для которых на Нижегородском вокзале построена специальная платформа, приведены в порядок семь километров путей, увеличено количество поездов и установлены льготные тарифы, устроены дома для приема тысяч людей, построены пекарни, амбулатории. И чудеса: именно здесь были услышаны, наконец, мольбы о наследнике венценосной четы; окунувшись в святой источник, хромяе сжигали костыли, без которых до того не могли ступить и шагу; слепые и контуженные, немощные и бесплодные, бесноватые и припадочные, лишайные и мучимые лихорадкой находили тут облегчение, а то и полное избавление от всех этих напастей. По изумленному свидетельству дежурных офицеров, слепая вдова-казачка Анна Ивлева прозрела в одночасье.

Помогут ли вновь обретенные святые мощи прозреть нам? Ведь не массовым

же «прозрением» недавних коммунистов объяснить охватившее вдруг общество религиозное рвение — те, кто только что глумился над чувствами верующих, теперь спешит в ряды принимающих мощи, торопится причаститься без исповеди и покаяния, отесняя пронесших веру в терпении и мученичестве. У ворот монастыря, вдоль разрушенной ограды — машины с московскими гэбэшными номерами: прикатили верные последователи Берии, кураторы духовной жизни России. А через несколько недель, после провала путча, в газетах и журналах поименно перечисляют главных иерархов Русской Православной Церкви как агентов КГБ с их агентурными кличками. И это не станет шоком для нации и церкви. Все и так знали, только не были уверены, кто именно и сколько их. Да и как верить, если такая информация может исходить только из самого КГБ, а там мастера облить грязью безвинных. Не месть ли это патриарху за то, что он предал анафеме путчистов? Впрочем, митрополит Киевский и Галицкий, патриарший экзарх Украины и постоянный член Священного синода Филарет и не станет отрицать обвинения: «такое, мол, время было, все не без греха» и не отречется от сана.

Тошно и мерзко, а наше российское христианское всепрощение уже точит душу, подсказывает оправдания — ведь и вправду не было у них выбора при сатанинской власти: бороться с ней и быть уничтоженными, растоптанными без пользы для паствы или же вступить с ней в союз, пусть условный, даже фиктивный и такой ценой спасти церковь и нацию от коммунистов. Избави Бог оказаться перед этой страшной дилеммой, вставшей перед священнослужителями уже в 1923 году, когда ее пришлось решать патриарху Тихону — ныне также святому. Но ведь дан уже ответ христианину, чтобы не терзал себя смертным решением, дан в первом стихе первого псалма псалтыри — главного учебника на Руси: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... и на седалищи губителей не сяде». Впрочем, какой я судья владыкам?

А судьба исчезнувших мощей Серафима такова. Будто бы всплыли они в Музее атеизма, открытом в московском Донском монастыре, но вскоре след их затерялся. И вот в декабре 1990 года они были случайно обнаружены при инвентаризации фондов другого музея атеизма — в Казанском соборе Санкт-Петербурга, возвращенном верующим. Догадаться по надписи на рукавичках: «Преподобный отец Серафиме, моли Бога о нас». Специально созданная Патриаршая комиссия, освидетельствовав мощи и сверив их с актом вскрытия во время изъятия их из Сарова, установила несомненную подлин-

Монахини
Фото автора

Nuns. Photo
by the author

ность находки. Совпадали с описанием и медный наперсный крестик, видимо, тот самый, что дала Прохору мать, напутствуя его перед паломничеством в Киев, и зеленая муаровая подушечка, на которой покоилась глава святого, и другие реликвии, снимая с души нашей тяжесть невольных сомнений, рожденных дивеевскими преданиями о тайном их похищении верующими.

Одна из саровско-дивеевских тайн открылась ко времени. Мощи преподобного были перенесены сначала в Троицкий собор Александро-Невской Лавры, 7 февраля 1991 года торжественно перевезены в Москву, на поклонение в Богоявленский Елоховский собор, а 23 июля после всенощного бдения, совершенного Святейшим Патриархом и другими архиереями Русской Православной Церкви, и торжественной литургии крестным ходом отправились в Серафимо-Дивеевский монастырь, напутствуемые торжественными молебнами в соборах Ногинска, Орехово-Зуева, Владимира, Нижнего Новгорода, Арзамаса. Вместе с недавним празднованием Тысячелетия крещения Руси это стало одним из самых духоподъемных и раскрепощающих событий на нашем возвратном пути к цивилизации.

...И вот впереди купола Дивеевского монастыря. Процессия втягивается в село — долгий путь близок к завершению. По сторонам — та же кондовая бревенчатая Россия, которая смотрит с фотографий 1903 года. Хотя за несколько прошедших месяцев церковные власти при всемерной поддержке доброты сделали максимум возможного для приведения разоренного монастыря в приличествующий событию вид, следы варварства и запустения невольно бросаются в глаза: разрушена стена, обезглавлена колокольня, ухоженная и цветущая некогда территория превращена в пустырь, усыпанный битым кирпичом. Процессия истоиво молящихся и преклоняющих колени паломников со слезами радости на глазах, сонм православных владык со всего мира в сверкающих золоченых одеждах смотрятся потусторонне в этом огромном безбожном пространстве разрушенного мира. Но и в этой иррациональности происходящего, в торжестве духа над поверженной материей присутствует нечто неуловимое и необъяснимое, что волнует и щемит до боли сердце.

Радует душу свежей побелкой огромный собор, сверкают на солнце новой медью его купола. Внутри — следы большого ремонта, вместо иконостаса пока — фанерные листы, но иконы уже пишутся, собираются верующими. Чувствуется, что храм оживает после долгой летаргии. Шестьдесят лет несколько поколений православных хранили «Вели-

кую Дивеевскую Тайну» с надеждой, что сбудется и это предсказание святого — о нынешнем событии, хотя едва ли еще совсем недавно наша жизнь могла дать хоть какие-то основания для такой надежды самым долготерпимым.

Раку с мощами внесли в собор и водрузили на постамент перед алтарем. Тысячи паломников заполнили храм, растеклись по территории монастыря, где с лотков, из дверей автолавок продавали церковные календари, переиздания житий святых и историй Сарова и Дивеева, прочую запрещенную до недавнего времени литературу. Воздух вокруг был наполнен ощущением приподнятости, праздничного возбуждения и необычности происходящего.

В 21.00. в соборе отслужили молебен. Несмотря на поздний час, мало кто после трудного долгого дня отправился на покой в палаточный городок, разбитый для паломников на окраине села. Теплый и ясный вечер с малиновым закатом был участием природы в этом празднике, и уставшие за день старушки мирно уснули, сидя под открытым небом. У дверей собора молился на коленях увешанный образами и крестами юродивый, богомольцы ходили целовать кресты на могилах дивеевских монахинь, падали ниц у огромного раскидистого дерева, известного тем, что под ним праведникам являлась икона Божьей Матери. До ночи светлячки зажженных свечей прочерчивали путь от собора к святому дереву. В соборе всю ночь шла служба.

И вот настало 1 августа, день нового сретения мощей преподобного Серафима, отныне — красная дата в Святцах. Как и накануне, было тепло, на небе ни облачка. С раннего утра в монастыре шла подготовка к торжеству: тщательно убирали территорию, выстилали цветами путь от арки ворот до входа в собор. Первые лучи солнца застали меня у железной дверцы, ведущей на монастырскую колокольню — с вечера я договорился со звонарем Сергеем Захаренковым, что он возьмет меня с собой наверх, к колоколам, когда пойдет звонить к заутрене.

Старинная лестница местами разрушена вместе с перекрытиями и взамен отсутствующих пролетов наведены в срочном порядке новые, без перил, сваренные из арматуры. С каждым новым ярусом дивеевская земля открывается взору полнее и краше — с лесами и полями. Исчезают нанесенные злодейской рукой шрамы, столь явные внизу приметы убожеского быта. Новый, высотный, ракурс совершенно преображает действительность и восприятие, меняет перспективу. С яруса звонов, оказавшегося ровень

с куполами огромного Троицкого собора напротив, просторный монастырский двор уменьшается до размеров площадки, собор же, не видимый во весь рост с земли, наоборот, вырастает в пространственную доминанту вселенским организующим стержнем, к которому приникли сотни страждущих.

В проломах над головой плыло близкое небо, а звонарь с зачарованным лицом лесковского героя раскачивал язык большого колокола. Тяжелый гул заполнил барабанные перепонки, и мир вокруг вдруг засиял переливами неиспытанной радости. Как бы для посвященного, звучали теперь для меня вчерашние откровения Сергея: «Я ведь нездешний, из Киева, работаю там сторожем в женском монастыре, а здесь месяц как приехал. На велосипеде — Богоматерь позвала. Крест на Успенский собор ставили за две недели до торжеств, так, представляешь, круглая радуга вокруг креста засияла! А когда я в колокола звонил, звуки, как будто ангелы трубят. Колокола старые, треснутые, а ясно слышу ангельские трубы. У меня слезы на глазах. Эх, жаль, народу немного из Дивеева дошло — власти тут людей страшали, что, мол, идут в Дивеево с паломниками три тысячи головорезов. В собор пойдете — дома пограбят».

До полудня далеко внизу у вынесенной из собора раки шло священнодействие иерархов. Молились и плакали люди, нескончаемой чередой торопились приложиться губами к стеклу на крышке саркофага, тут же причащались у митрополитов и отходили с очистившейся и умиротворенной душой.

Государю императору Серафим оставил письмо. Можно думать, оно было адресовано и всем последующим правителям России. Николай II читал его через семьдесят лет после кончины святого. Прочел и, говорят, заплакал. Что было в том письме — еще одна тайна чудотворца. Возможно, предсказание мученической судьбы России и гибели царя и его семьи в большевистских застенках? Но если Николай знал уже тогда, в 1903 году, то почему не предотвратил, почему был так либерален и беспомощен с Лениным? По слабохарактерности или не решился довериться ясновидцу? Но ведь известно было про Серафима, что он уже угадал одну революцию, когда 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, старец вскричал, находясь за тысячу километров от столицы: «Драка! Драка! В Петербурге бунт против государя!»

В отличие от Николая II, Ельцин не почтил Дивеево своим присутствием, он прислал телеграмму, что вполне в духе времени, к тому же в обществе так и не решен вопрос: важнее людям колбаса или совесть. Что приходится на его долю в письме Серафима, да и есть ли оно еще, это письмо, если даже косточки провидца упрятали от народа? Впрочем, так уж ли необходимо пытаться разгадать все дивеевские тайны? Ведь ответ на вопросы нашего апокалиптического времени звучит в словах Серафима, которыми он встречал каждого, к нему пришедшего, и которым нужно лишь суметь открыть свое сердце: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Неоспоримо, что и в монашестве, как и везде, где есть люди, присуще зло, но оттого столь очевидное, что ожидают от монашествующих жития не человеческого, а равноангельского. Виновны, следовательно, не монахи, а люди, и чтобы зла не было, надлежало бы поэтому уничтожить не монашество, а человечество. Но, взирая только на одни общечеловеческие слабости, привносимые из мира и во обители, мир не видит, потому что не хочет видеть, тех великих заслуг, которых монашество в продолжение 16 столетий оказывало с любовью и полным самопожертвованием присно восстающему на него миру. Заслуг этих перечислить невозможно; иначе бы пришлось нам описывать всю историю человечества; ибо везде первый шаг делали монахи и из глубины своих убогих келий просвещали мир, и нравственно и умственно ему благодетельствуя.

Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря, 1876 г.

Переправа через реку Жиздру возле Оптиной пустыни. Фотография нач. XX в.

Ford across the Zhizdra River near the Optina Hermitage. Photo of the early 20th-century

Оптина пустынь.

Почему туда ездили великие?

Надежда ПАВЛОВИЧ

У многих невольно возникает вопрос: почему они ездили туда?.. Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и многие другие русские писатели, философы, художники? Почему уже в наше время Анна Ахматова писала: «И Оптиной мне больше не видать»? Почему, наконец, 4 декабря 1974 года по постановлению Совета Министров РСФСР Оптина пустынь взята под государственную охрану, начата ее реставрация? Почему с каждым годом все больше туристов и экскурсантов посещают ее?

В дореволюционной России было немало монастырей, вошедших в русскую историю, как Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры, или прославленных особым подвижничеством и потому особыми чтимых, богатых и бедных, но Оптина пустынь близ города Козельска имеет свою особую судьбу, неразрывно связанную с классической русской литературой

XIX и начала XX века. Именно она описана в «Братьях Карамазовых», ее не раз упоминает в своих дневниках Лев Толстой, о ней пишет в своих письмах Гоголь.

Оптину пустынь в XIV веке, по преданию, основал раскаявшийся разбойник Опта, создатель и орловской Оптиной пустыни в 70 верстах от этой.

Местность живописная: высокий берег реки Жиздры и вдаль уходящий сосновый бор, леса со старыми засеками, охранявшими Русь от татар. Они описаны в «Князе Серебряном» Алексея Константиновича Толстого.

С Козельском Оптина делила многие исторические невзгоды — бывала и под властью Литвы, готовилась к эвакуации во время шествия Наполеона, и — читаем в списке драгоценностей Оптиной, приготовленных тогда к эвакуации, — не было у нее ни золота, ни

серебра, а только иконы, ризница и библиотека.

И это правда. Никаких иных богатств и драгоценностей в Оптиной не было ни до, ни после. О бедности монастыря можно судить по челобитной царю Алексею Михайловичу: «За Оптиным монастырем крестьянских и бобыльих дворов нет и денежной руги (годовичное содержание попу и причту от прихода.— *Н. П.*) им нейдет. Кормятся миром и своей работой».

Так что особых богатств эта обитель не стяжала. А временами приходила почта в полное заустение и снова вставала, словно предчувствуя свое духовное предназначение. Дух Нила Сорского, подвижника XVI века и проповедника монашеского нестяжательства, долго сохранился в провинциальной пустыни.

Но и Оптина к XVIII веку, как большинство тогдашних русских монастырей, потеряла непосредственную связь с идеями и традициями древнего подвижничества — сохраняя формы, она теряла его содержание.

Но в конце XVIII века в России нашелся человек, понявший это и жаждший найти настоящего духовно опытного учителя. Это был Паисий Величковский — уроженец Украины. Он обошел много монастырей, не находя желанного руководства. Тогда он ушел на Афон, где были книги древних отцов, старинные греческие рукописи. Паисий приобретал и переписывал их, изучил язык и увидел, какое место уделяли древние непосредственному духовному руководству — отношению ученика к учителю. На месте вериг и умерщвления плоти было глубокое самознание, направляемое опытным наставником — старцем. Здесь речь идет не о физической старости, а об умудренности, о большом личном опыте, о наставнике, который как бы рождает нового человека и потому является его духовным отцом.

О старчестве, об этом особом пути самопознания, писали многие подвижники первых веков — с IV по XIV, но во времена Паисия на славянский и русский языки было переведено очень мало. Поэтому Паисий Величковский прежде всего положил основание переводу этих книг на славянский и русский языки. Сам он в Россию не вернулся, поселился в Румынии, в так называемом «Нямецком» монастыре, который к концу его жизни стал многонациональной лаврой, где собирались монахи и русские, и сербские, и румынские, и греческие, где жизнь иноческая строилась по возрожденным древним традициям и где неуспынно работали над переводами и сам Паисий, и близкие его ученики, и десятки переписчиков.

Но Паисий любил и не забыл Россию. Он послал туда нескольких своих русских учеников, снабдив их готовыми переводами и бесценными греческими рукописями. Некоторые из них попали в Оптиную библиотеку. А из посланных им учеников известны схимники Федор и Афанасий, передавшие, в свою очередь, учение Паисия своим ученикам.

Афанасий поселился с несколькими учениками в Брянских лесах. В числе их были и три брата Путиловы.

Впоследствии Моисей стал архимандритом и настоятелем Оптиной, Антоний — начальником Оптинского скита, а Исайя — настоятелем Саровской пустыни. Федор же был в Белобережном монастыре и одно время на Валааме.

Оптина тогда была в плачевном состоянии — бедность вопиющая. Монахов было мало, старики доживали свой век. Но с XVIII века уже там строится большой Введенский собор, была библиотека. Епископом калужским в начале XIX века был Филарет, впоследствии митрополит Киевский, о котором много и тепло писал Лесков. Филарет услышал о брянских отшельниках — Афанасии с его учениками — и предложил им переселиться из лесов в Оптину.

Сам Афанасий отказался, но отпустил туда двух братьев Путиловых — Моисея и Антония для укрепления Оптиной и духовно и внешне.

Моисею пришлось взять на себя строительство. За долгие годы своего служения в Оптиной он придавал ей простой и благородный облик — возвел башни, на верхушках которых флюгерами были фигуры ангелов с трубами, благоустроил монашеские жилые корпуса и гостиницы для богомольцев и основал в ближнем лесу скит — отделение монастыря — с более строгим уставом.

В строительстве скита особенно помогал ему брат его Антоний, который позже стал игуменом и скитоначальником.

Оптину братья Путиловы фактически подняли из праха. Это было как бы второе рождение пустыни — сюда пошли и малые, и великие, крестьяне и писатели, странники и философы.

Тогда в России было много неудовлетворенных приходскими церквями, где, по существу, сохранялись только культ и обряды, где священники не имели ни общего образования, ни духовной опытности и не могли удовлетворять запросам этих беспокойных душ. Здесь же, в Оптиной, они увидели иное: удивительного старца, который подходил к каждому обращающемуся к нему индивидуально и не делал в своем обращении никакой разницы между простой крестьянкой и важным баринном. В его келье теряли всякое значение богатство и ор-

дена, сословие, состояние, положение. Была только человеческая душа и та прозорливость, которая читала в этой душе. Здесь, в келье старца, пробуждалась спавшая совесть и осмысливалась жизнь. Здесь был нелюбимый суд и любовь, непривычные для многих.

И люди пошли в Оптину, а епархиальные власти испугались и возмутились: «У них есть свои приходские батюшки, зачем им идти к этому оптинскому иеросхимонаху Леониду!» (В схиме Льву.) (Леонид — ученик ближайшего ученика Паисия Величковского, Федора, был приглашен в Оптину Моисеем.) Его стали преследовать, грозили Соловками. А он отвечал: «Пою Богу моему, дондеже есмь», то есть пока существую. «И в Соловках буду тот же Леонид». Преследовали его учеников и в других монастырях. Они терпели, а он продолжал принимать людей.

Старый Леонид не любил внешнего благочестия и называл его очень образно — «химерой». Когда же его спросили, что он разумеет под этим словом, он ответил: «Видел ты, как цветут огурцы? Есть цвет настоящий, и есть цвет на завязи, на которой не бывает огурцов, то есть пустоцвет. Это и есть «химера».

И от учеников своих он требовал не внешнего благочестия, не иступленности и фанатизма, а душевной сосредоточенности и душевной работы. «Ты хочешь на лету схватить мои слова и мимоходом спастись,— наставлял он одного из учеников.— Наскоро не учатся. У тебя все восторги, целования. А я при отце Федоре был без фанатизма».

В конце жизни он нашел себе друга и помощника (сам светского образования не имел) — интеллигентного иеромонаха Площанской пустыни Макария Иванова, который после смерти отца Леониды стал его преемником и положил начало новому периоду Оптиной пустыни, соприкоснувшемуся с русской литературой. При нем в Оптину впервые приехали Гоголь, братья Киреевские и другие славянофилы, и пустынь стала своеобразным культурным центром.

В этот период в Оптиной образовалось свое издательство, которым руководили старцы Макарий и Амвросий. Причем самое непосредственное участие в его организации и работе принимали Иван Киреевский и его жена Наталья Петровна — одна из интереснейших и образованнейших женщин XIX века. Это издательство стало своеобразным узлом связи между Оптиной и русской литературой. Если Гоголь, Достоевский и Толстой ездили в Оптину как бы частным образом, в связи со своими внутренними переживаниями или творческими замыс-

лами, то Иван Киреевский и Наталья Петровна участвовали в самой научно-литературной работе оптинского издательства. Иван Киреевский вел редакторскую работу, а Наталья Петровна держала корректуры и была «связной» между издательством, цензурным комитетом и московским митрополитом Филаретом Дроздовым. Достаточно сказать, что она — единственная женщина, имя которой неоднократно упоминается в «Оптинской летописи» (рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина). И далеко не случайно уже в наше время реставрация Оптиной пустыни началась с восстановления могилы Киреевских.

Одновременно с издательством росла и знаменитая Оптинская библиотека. Одной из главных статей монастырского расхода было приобретение книг, причем не только духовных, но и светских. К концу века скитская библиотека имела более 30 тысяч книг и потребовала целого трехэтажного здания, второй этаж которого был занят рукописным отделом. В этой библиотеке, кроме богословских книг, были русские и иностранные классики, философские сочинения, исторические, географические и математические. Был специальный медицинский отдел, где много внимания уделялось психиатрии; были и редкие книги, почти все журналы того времени.

После революции библиотека перешла к первому Оптинскому краеведческому музею, а при закрытии последнего в 1928 году редкие книги и по нескольку экземпляров оптинских изданий, а также весь рукописный отдел были перевезены в Москву, в Библиотеку имени В. И. Ленина; туда же перешел еще в 1926 году фонд известного востоковеда иеромонаха Виноградова, 12 лет проработавшего в Пекинской русской православной миссии и привезшего с собой много ценных материалов. Прожив на покое в Оптиной около 10 лет, он скончался в 1919 году, а в 1922—1923 годах в Оптину ради этого фонда приезжал от Академии наук Николай Иосифович Конрад, тогда еще профессор, впоследствии академик, один из основоположников русского востоковедения. Осталась неопубликованная его статья «Синолог из Оптиной», хранящаяся в Санкт-Петербурге.

В фондах Библиотеки имени В. И. Ленина много дублетов книг Оптинской библиотеки, некоторое количество их возвращено теперешнему Оптинскому музею — отделению Козельского краеведческого музея.

Любовь к книге была характерна для Оптиной. Об этом свидетельствуют завещания ее настоятелей. Так, архимандрит Моисей пишет: «Книги духов-

ные, которые я имею снисканными в течение монастырской жизни и кои почитал всю жизнь мою великим богатством, доставлявшим душе моей нетленную пищу и служащим приобретению вечной жизни, оставляю в монастырской библиотеке для духовной пользы отцов и братьев моих».

По образцу этого завещания и другие оптинские настоятели и монахи оставляли свои личные книги в наследство Оптинской библиотеке. А другого имущества у них почти не было. Каждая лишняя копейка монастырская шла не на роскошь, а на книги, как заповедал своим ученикам еще Паисий Величковский — великий книголюб.

Оптина привлекает к себе иконописцев и художников: Болотов — член Петербургской Академии художеств принимает монашество и основывает в пустыни иконописную мастерскую, филиал этой мастерской был и в Шамордине, в женском монастыре, где копировали религиозные картины Боровиковского и других художников XVIII—XIX веков. Эти мастерские были основаны еще при старце Амвросии.

В последние же годы, уже в 15—20-х годах нашего века, в Оптиной бывали многие известные художники и беседовали об искусстве с последним старцем иеросхимонахом Нектарием — учеником Болотова.

Оптина XIX века предстает перед нами в «Братьях Карамазовых». Старец Зосима не портрет Амвросия. Но Алексей Михайлович Гренков (старец Амвросий) — ученик старцев Леонида и Макария, бывший преподаватель семинарии, был одним из прототипов Зосимы. Вторым был Тихон Задонский — подвижник XVIII века, талантливый духовный писатель, известный своим гуманизмом и широтой взглядов. Но, конечно, оба прототипа спаяны собственным миропониманием и мироощущением Достоевского.

Писатель приехал в Оптину с философом Владимиром Соловьевым в июне 1878 года. Он переживал в это время большое горе: его любимый маленький сын Алеша скончался от эпилепсии, и отец считал себя виновным в передаче по наследству болезни. Смерть мальчика он воспринял как наказание за свои грехи. Он много слышал об Оптиной и надеялся на глубокое понимание его переживаний и мук совести, но, конечно, был у него интерес художника и психолога, великого исследователя глубин души человеческой. Эти глубины он надеялся увидеть и в оптинском старце, и в его посетителях, приходивших в Оптину со своими болями и переживаниями.

Достоевский и Соловьев остановились

Вид козельской Введенской Оптиной пустыни. Открытка нач. XX в. View of the Optina Hermitage of the Presentation in the Temple near Kozelsk. Postcard of the early 20th century

в монастырской гостинице и пробыли в Оптиной три дня, о чем свидетельствует уцелевший «журнал» гостиницы, хранящийся в рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина. Известно, что Достоевский был у старца Амвросия в келье и на его выходе для благословения народа. Эта сцена и описана им в выходе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Известно также, что старец Амвросий сказал о Достоевском: «Это — кающийся». Все это вполне документальные данные. Но есть еще местные предания.

Против Оптиной, на берегу реки Жиздры, немного левее, если идти из Козельска, находятся Прыски, бывшее имение Кашкиных. Кашкин же был товарищем Достоевского по кружку петрашевцев и стоял рядом с ним на эшафоте. Мне пришлось в 1922—1923 годах работать научным сотрудником и даже несколько месяцев директором первого Оптинского краеведческого музея, основанного в 1918 году и закрытого в 1928-м. В 1922 году я застала еще действующий монастырь. Старики монахи рассказали мне, что Достоевский посетил Кашкина (в этот или в другой, специальный к нему приезд, о котором мы никаких данных не имеем). Дом Кашкиных в революцию сгорел. Остались их могилы близ местной церкви, также взятой под государственную охрану. Монахи расска-

звали, что Достоевский переплыл однажды на лодке Жиздру непосредственно из имения Кашкиных, а не на пароме, как это делали обычно остальные посетители. И на это монахи обратили внимание, запомнили. Посещение товарища молодости и бывшего петрашевца было естественно. Но в данном случае чрезвычайно интересно и другое. Не от Кашкиных ли, старожилов Козельского уезда, наверняка хорошо знавших Оптину, ее монахов и старцев, Достоевский узнал некоторые любопытные детали, пригодившиеся ему в романе. Анна Григорьевна Достоевская об этом посещении Кашкиных не упоминает, нет и других документальных подтверждений, архив Кашкиных (во всяком случае, большая часть его) сгорел, но к данному свидетельству монахов стоит прислушаться при изучении истоков «Братьев Карамазовых». За три дня пребывания в Оптиной (а больше он там не оставался и там над романом не работал) Достоевский вряд ли мог так хорошо познакомиться с бытом и обстановкой города Козельска. А Карамазовы ведут себя у старца Зосимы как люди местные, а не сторонние посетители. О втором же приезде Достоевского в эти места никаких, даже косвенных, данных нет.

Оптина вписывается в «Летопись» Льва Толстого, посетившего ее, по данным Н. Н. Гусева, четыре раза, по другим же известиям и местным преданиям — шесть раз. Вплоть до 1910 года, до ухода из Ясной Поляны и предсмертных дней.

Первое посещение Толстым Оптиной связывается с похоронами А. И. Остен-Сакен — его тетки и опекуни. Страхов говорит, что на погребении присутствовали племянники и племянница, но их имена не указывает. Во всяком случае, известно, что стихотворная эпитафия на памятнике была составлена тринадцатилетним Толстым и может считаться первым обнародованным его произведением.

Сведения о пятом посещении (1896 г.) есть в книге «Мои воспоминания» И. Л. Толстого.

О нем же рассказывает местное предание.

Но начнем со второго, по Гусеву, — с первого. Толстому уже 35 с лишним лет. И вот он пишет: «... 35 лет я прожил ни христианином, ни магометанином, ни буддистом, а нигилистом в самом прямом и настоящем значении этого слова, т. е. без всякой веры».

Мысли его обратились к Христу, но это был не Христос Священного писания и церкви. Толстой хочет написать «материалистическое евангелие о материалисте Христе». Он задумал книгу

с новым восприятием и образа и учения Христа. И вот тогда-то у него возникла потребность поговорить с прославленными своей мудростью оптинскими старцами. Может быть, нынешний старец Амвросий и поймет всю его великую идею переосмысливания Евангелия.

В 1877 году Толстой вместе с Николаем Николаевичем Страховым, гостившим в Ясной Поляне, поехал в Оптину и, естественно, остановился в хорошей гостинице.

На следующее утро в Оптину к Льву Николаевичу приехал еще князь Дмитрий Оболенский звать его к себе в имение и привез знаменитого музыканта Николая Григорьевича Рубинштейна. Там они все четверо посетили архимандрита — бывшего гвардейского офицера Половцева и, по словам Софьи Андреевны Толстой, «вели не только религиозные, но и политические беседы».

От Половцева они все вместе — Толстой, Страхов, Оболенский и Рубинштейн — пошли к старцу Амвросию. Сразу же от старца Толстой поехал к Оболенским, где слушал прекрасную игру Рубинштейна, и вернулся домой очень довольный.

Но никакой откровенной беседы со старцем не было. Толстой, по его собственному признанию, почувствовал духовную чистоту и мудрость Амвросия, его «святость», но не более. Диалога не получилось.

Достаточно хорошо известно и второе (по Гусеву) посещение.

В начале 1881 года Толстой опять собрался в Оптину и взял с собой преданного слугу Сергея Арбузова и учителя Яснополянской школы Дмитрия Федоровича. Примечательно, что в этот раз Толстой пошел туда «опростившись» — он переоделся в мужика, был в лаптях. Правда, возникает вопрос: зачем нужен был этот маскарад? Люди шли в Оптину с открытым лицом и открытой душой. Из тысяч приходивших туда он один шел для проверки оптинского демократизма (как-де там обращаются с бедным людом и как с дворянством и богачами). И уж, кстати, для проверки: как отнесутся пресловутые мудрые старцы к его богословским теориям, уже нашедшим в ту пору, если о них пойдет речь? Враждебное отношение к церкви уже складывалось, но до конца не оформилось.

И все-таки потянуло опять в Оптину...

Спутников приняли, как принимали всех богомольцев, и направили в странно-приимный дом, где останавливалась беднота. Им отвели номерок, где Лев Николаевич не мог уснуть из-за грязи и клопов. Наутро, когда он шел по монасты-

рю, его встретил монах, бывший яснополянский крестьянин, и узнал. Инкогнито кончилось. Его немедленно перевели в лучшую гостиницу. Туда ему предложили взять и своих спутников. Но Арбузов отказался, подружившись с прежним соседом. (Видимо, там было не так уж плохо.)

В первый вечер в Оптиной Толстой ужинал с богомольцами (ели по четверо из одной миски), еда была вкусной. Утром второго дня без очереди он попадает к настоятелю и к старцу Амвросию. Даже слугу Толстого Арбузова приняли без очереди.

Этот почет не только разрушил планы Толстого, но действительно его тяготил. Почетом он был сыт. Учение его уже сказывалось в собственной жизни. Он чувствует себя не только великим писателем России, но и учителем, нравственным судьей общества и государства.

Беседа Толстого со старцем Амвросием не была обычной для оптинских богомольцев. К старцу шли со своими скорбями, недоумениями, вопросами совести и покаянием. Толстой пришел как совопросник, спорщик и обличитель старца в незнании Евангелия.

Толстой частично записал эту беседу.

«У Амвросия 2 часа. Нищенство это совершенство. (Вероятно, Толстой признался старцу, что его тяготит богатство.—Н. П.). Ищите совершенства, но не удаляйтесь от церкви. В (Евангелии), в постановлениях соборов и у свя(тых) отцов — откровение. Звезда от звезды отличается. Как генерал, полковник, поручик, так и там будет (ему кажется, что чины что-то натуральное, с чем можно сравнивать).

И (оанна) Златоуста не видал тот, кто был на небе,— он с Св. Троицей. Все будет казаться равны, но утешение не одно. Мощи благоухают.

Амвросий занят тем чином, который он сам заслуживает, и верит болезненно. Бедный».

Это реакция Толстого. Когда же спросили старца Амвросия об его впечатлении, он ответил: «Гордыня».

Интересный факт сообщает слуга писателя Сергей Арбузов. На обратном пешем пути они встретились с молоканами (секта, отвергающая иконопочитание и церковное богослужение). Толстой, как это не может показаться странным, стал советовать им вернуться к церкви, говорить, что они отошли от веры отцов. Уходя, один из молокан спросил Арбузова: «А как ваш барин — часто ли ходит в церковь?» — «Никогда», — ответил Арбузов. «Это очень странно», — заметил тот.

Видимо, какие-то сомнения у Тол-

стого были, и предыдущий разговор с Амвросием, его фраза: «Ищите совершенства, но не удаляйтесь от церкви» — заставила его задуматься, недаром он так точно записывает ее в дневнике.

Тем не менее именно после этого посещения Оптиной появляются его «Записки христианина», а позже — «В чем моя вера». Трактаты, в которых он в лучшем случае обличает церковь в незнании Священного писания, похлопывает по плечу таких особо чтимых ее авторитетов, как апостол Павел, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин. А в худшем — обвиняет ее в сознательной лжи и обмане. И создает свое евангелие — «от Толстого», в котором он опровергает все основные евангельские рассказы и христианские догмы, без признания которых не может быть христианина.

Взрывная сила и притягательность учения Толстого была именно в его максимализме, в требовании полной перестройки личной и общественной жизни согласно провозглашенным им как новое откровение моральным принципам.

И все же что-то тянуло его к Оптиной, столь полярной, противоположной ему. На все его «да» она отвечала «нет», и на все ее «да» — он восставал...

В третий раз, в 1890 году, он едет в Оптину с дочерьми Таней и Машей и племянницей. Едут весело — почти праздничной прогулкой. Маша — любимица отца, сочувствующая его взглядам, — вспоминает свою поездку в Киев и слухи о распущенности тамошних монахов. Толстой говорит о святости оптинских послушников и (совсем неожиданно) о сомнительной добродетели старца Амвросия.

Внешне формы богомолья соблюдаются: девушки посещают богослужения. А Толстой вновь идет к старцу Амвросию для богословских споров. О чем и как они спорили, судить трудно. Известно лишь, что Толстой ушел от старца раздраженным и заключил: «Монашество — сибаритство».

Эта поездка знаменательна еще одной встречей. Здесь, в Оптиной, Толстой застал своего старого знакомого — критика, публициста, философа Константина Леонтьева, жившего в эти годы в пустыни и, кстати, здесь же осенью 1889 года написавшего свой основной критический труд — «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого». Об этой встрече Толстой сообщил жене: «Мы прекрасно поговорили».

А разговор был такой. Леонтьев, бывший к вопросам веры крайним догматиком, сказал гостю: «Вы — неисправимы. Правильно было бы, если б я через свои петербургские связи устроил бы, чтобы

вас сослали подальше в Сибирь, да так, чтобы графиня и дочка не могли посещать и заботиться о вас в тюрьме». На что Толстой с жаром воскликнул: «Голубчик Константин Николаевич! Напишите, ради Бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите».

В этом шуточном ответе была и глубокая правда.

В августе 1896 года Лев Николаевич вместе с женой поехали в Шамордино навестить его сестру Марию Николаевну Толстую — монахиню Шамординского монастыря, бывшего женским филиалом Оптиной пустыни. Ни Н. Н. Гусев в «Летописи», ни сама Софья Андреевна в своих воспоминаниях о четырех поездках Толстого в Оптину не упоминают, что и в этот раз он заезжал туда. Но Илья Львович Толстой в примечаниях к главе XXV своей книги «Мои воспоминания» пишет: «В августе 1896 года (с 10-го по 15-е) Л. Н. Толстой и С. А. Толстая ездили в Шамординский монастырь, откуда проехали в Оптину пустынь». Это путешествие подробно описано в неопубликованных записках С. А. Толстой «Моя жизнь» (Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 7. С. 49—55). В этот приезд в Оптину пустынь Толстые посетили могилы тетки Льва Николаевича А. И. Остен-Сакен, умершей в Оптиной пустыни, и Е. А. Толстой, сестры Т. А. Ергольской. С. А. Толстая была на исповеди у о. Герасима. По словам Софьи Андреевны, Толстой нашел в Оптиной пустыни большой упадок и во внешнем, и во внутреннем духе монастыря. (Далее И. Л. Толстой ссылается на дневник А. С. Суворина о том, что Толстой встретился с о. Иосифом, и приводится рассказ М. А. Стаховича о поездке Толстых в Оптину.)

И еще. Старые монахи рассказывали мне, что Толстой из Шамордина приезжал в Оптину верхом, привязывал коня у скитской ограды и, не заходя ни в скит (где жил старец Иосиф), ни в монастырь, уходил в лес по тропинке к речке Железинке. Там были чудесные реликтовые сосны (некоторые сохранились до сих пор), тишина, одиночество. Богомольцы обычно сюда не заглядывали, тут никаких святынь не было, и он мог спокойно думать о своем «Хаджи-Мурате». Рассказ этот похож на правду, но не документален. Из дневника Толстого видно, что работа над «Хаджи-Муратом» в Шамордине как-то не ладилась, и он мог искать тишины и одиночества в прекрасном оптинском лесу. В Шамордине была непривычная обстановка и женская суэта, мешавшие работе.

И вот последний трагический приезд Толстого в Шамордино через Оптину.

Как известно, Толстой бежал из Ясной Поляны между 4—5 часами утра 28 октября 1910 года к сестре Марии Николаевне — монахине Шамординского монастыря. В Козельск он попал в 4 часа 50 минут вечера, как точно отметил доктор Маковицкий, сопровождавший его. Наняли ямщика. Смеркалось, быстро темнело, непогода, «дорога была ужасная». Он мог бы прямой дорогой поехать из Козельска в Шамордино. Оптина осталась бы в стороне, на другом берегу Жиздры. Но он поехал в Оптину. Здесь не могло быть расчета отдохнуть ни физически, ни душевно. Остановка в Оптиной требовала напряжения, ведь Лев Николаевич не был уверен в том, что его, отлученного от церкви, примут. Но Маковицкий отмечает, что еще в вагоне, а теперь у ямщика он спрашивал, какие есть старцы в Оптиной, и сказал, что «пойдет к ним». Тогда старчествовали иеромонахи Иосиф и Варсонофий. Первый — бывший келейник старца Амвросия, второй — бывший штабной офицер. С отцом Иосифом Толстой встречался в предыдущие приезды. В отце же Варсонофии мог предполагать человека своего круга и воспитания. В том душевном смятении и волнении Оптина могла быть нужна Толстому только для беседы со старцами, а не для отдыха на пути в Шамордино, которое было в 14 верстах отсюда.

«Остановились у гостиницы, Толстой спросил монаха-гостинника: «Можно мне войти?» Гостинник говорит: «Пожалуйста». — «Ведь я Толстой, может, вы меня не примете?» — «Мы всех принимаем, — говорит гостинник, — всякого, кто желание имеет». Они и остановились у нас» — так передает, И. Бунин в своем «Освобождении Толстого» рассказ Лопатиной.

Сам же Толстой записывает в дневнике:

«... Доехали до Оптиной. Я здоров, хотя не спал и почти не ел. Путешествие от Горбачева в третьеклассном набитом рабочим народом вагоне очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринимал. Теперь 8 часов, мы в Оптиной».

Толстому отвели просторную комнату с двумя кроватями и широким диваном. Внесли вещи. Лев Николаевич сказал: «Как здесь хорошо!» и сейчас же сел за писание. Написал довольно длинное письмо и телеграмму в Ясную Поляну.

По рассказу Лопатиной следует, что на другой день с утра Толстой пошел к настоятелю. Дальше идет патетическая сцена (со слов гостинника, как отметила Лопатина). «Лев Николаевич стоял на холоде и сырости, с шапкой в

руках. Он опять не хотел входить прямо, опять просил служку доложить: «Скажите, что я Лев Толстой, может быть, мне нельзя». Монах сам вышел к нему, раскрыв объятия, и сказал: «Брат мой». Лев Николаевич бросился ему на грудь и зарыдал».

Это сообщение вызывает сомнение. Такая сцена означала бы примирение с церковью, которого, как известно, не произошло: это было бы такое значительное событие, что после него Толстому не было бы необходимости идти к старцам, колебаться, подходить к двери и отходить, как произошло на самом деле. Его приняли бы немедленно или пригласили бы старцев к настоятелю. После объятий должна была бы состояться и беседа с настоятелем. Но о ней Толстой ничего не рассказал сестре, даже не намекнул, когда зашел разговор о возможности остаться жить в Оптиной. Толстой два раза подходил к скиту, к хибаркам старцев, колебался, но не вошел и уехал в Шамордино.

Известен разговор его с сестрой. Бунин приводит этот разговор, ссылаясь на книгу Ксюнина «Уход Толстого». «Сестра, я был в Оптиной, как там хорошо! С какой радостью я жил бы там, исполняя самые низкие и трудные дела: только поставил бы условием — не принуждать меня ходить в церковь». — «Это было бы прекрасно», — отвечала сестра, — но с тебя взяли бы условие ничего не проповедовать и не учить... «Виделся ты в Оптиной со старцами?» — спросила сестра. Он ответил: «Нет. Разве ты думаешь, что они меня бы приняли? Ты забыла, что я отлучен».

Если бы трогательный прием у настоятеля состоялся, то Лев Николаевич так бы не ответил сестре. В книге И. Л. Толстого «Мои воспоминания» есть прямое тому подтверждение — письмо Марии Николаевны к Софье

Андреевне с подробным изложением ее бесед с братом в эти решающие дни. Документ, который Бунин мог и не знать.

И из этого письма ясно, что он только «хотел непременно поговорить со старцем», но это ему не удалось. Приехавшая дочь своим известием, что Софья Андреевна бросилась в пруд, «все перевернула вверх дном». Рано утром Толстой бежал из Шамордина.

В Козельске беглецы сели в поезд, идущий на юг, не успев даже взять железнодорожных билетов. Купили по дороге — до Ростова-на-Дону, где была колония толстовцев, хотя Толстой предупредил, что именно в такие колонии он не хочет ехать.

В дороге ему сделалось плохо. Пришлось выйти на станции Астапово; начальник станции предложил свою квартиру. Туда же приехали извещенные Чертковым дочери Толстого и жена. Софью Андреевну к Толстому допустили только в последнюю минуту, когда считали, что он уже без сознания.

И здесь произошло последнее соприкосновение Толстого с Оптиной. Неожиданно в Астапово приехал старец Варсонофий, но его к умирающему не допустили, заподозрив, что он послан Синодом для попытки предсмертного примирения с церковью и покаяния Толстого. Что старец, кстати, отрицал, ссылаясь на последний приезд самого Толстого в Оптину и желание поговорить с ним. Но, конечно, приезд старца Варсонофия не мог быть своевольным, он был одобрен церковной властью, все-таки не терявшей надежды о предсмертном покаянии.

Толстой умер, не примирившись с церковью, поэтому церковного отпевания не было. Не произошло и его последней встречи с оптинским старцем.

Но имя Толстого навеки связано с Оптиной. В разные периоды его жизни она вставала на его пути...

Шамордино. Амвросиевская женская пустынь близ Козельска. Фотография нач. XX в.

Shamordino. The Amvrosy Convent near Kozelsk. Photo of the early 20th century

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Спустя долгие десятилетия забвения и надежды восстановить Оптиную пустынь, в отечественную литературу, краеведение возвращается имя автора публикуемого выше очерка об Оптиной пустыни. Надежда Александровна Павлович (1895—1980) прожила долгую и не совсем обычную в условиях советского строя жизнь. Несмотря ни на какие превратности судьбы, ни разу не изменила она своим убеждениям, не отреклась от веры в Бога, невольно заставляя считаться с этим своих недоброжелателей.

Надежда Александровна рано начала писать стихи. Первые ее сочинения появились в печати еще в 1912 году. После революции, в 1922 году, увидел свет ее стихотворный сборник «Берег», а спустя год — другой сборник, «Золотые ворота».

С 1923 года Надежда Александровна стала послушницей последнего старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Нектария. После разгрома монастыря большевиками в 1926 году Надежда Александровна навещала старца в ссылке в Брянской области до его кончины.

В годы гонений на религию Павлович не стыдилась называть себя глубоко верующей, открыто называла себя «монахиней в миру». Не оставляла она

и надежды восстановить Оптиную пустынь, верила, что придет время, и вновь над ее поруганными храмами зазвучат колокола. Ее старания и настойчивые обращения во все мыслимые советские инстанции не прошли даром — в бывшей Оптиной пустыни открылся музей. Многие и многие люди получили возможность узнать правду о прошлом одного из самых значительных духовных центров России. К сожалению, Надежда Александровна не дожидаясь исполнения заветной мечты. Оптина пустынь была возвращена церкви несколько позже. Но здесь никогда не забудут о подвижнической жизни «инокини-поэтессы».

В течение последних тридцати лет жизни Надежды Александровны Союз писателей СССР всячески препятствовал выходу ее книг. Ей удавалось публиковать в основном стихи для детей и переводы. В 1968 году вышел ее последний стихотворный сборник, в который, однако, издательством не были включены лучшие духовные стихотворения автора. Отчасти исправляя эту несправедливость, редакция «Памятников Отечества» завершает публикацию стихотворением Павлович об Оптиной пустыни, любовью к которой согрета каждая строка.

* * *

*Вода из твоего колодца
Чиста, прозрачна и светла.
Она из недр глубинных льется
Все отмывает добела.*

*Но твой черпак давно потерял
И холодно блестит струя.
Заветные закрыты двери
И перед ними плачу я.*

*Ну что ж! Разрушить можно стены
И башни в щебень раздробить.
Но даже щебень драгоценный
Душа не может не любить.*

*И выплывают из тумана
Сияющие купола.
Ты не свои, ты наши раны
Как бремя легкое взяла.*

*Все это знаменье инога
И бытия, и торжества.
Под гробовым своим покровом
Ты ослепительно жива.*

*Последней служкой неумелой
Позволь прозреть сквозь эту тьму.
К твоей пыли прикинуть белой
Как будто к сердцу твоему.*

Н. ПАВЛОВИЧ

Наследие Нила

Тамара БАРСЕГЯН

«Радуйся, Российския земли светило незаходимое, преподобный отче наш Ниле... Богоносный, солнце светлейший Твой праздник озаряет проходящих к Тебе верою, и бессмертием облагоухает, и душам источает исцеление...» Это слова молитвы в честь преподобного Нила Столобенского. Не одно столетие звучали они в стенах одного из особо чтимых на Руси монастырей — Ниловой пустыни, что «еже не езере Селигере, на острове заовом Столобное».

Старожилы помнят былое великолепие Ниловой пустыни — сияние ее золотых глав и крестов, матовый блеск резных иконостасов, сияние драгоценных окладов икон и древних богослужебных книг, роскошь покровов и праздничных церковных облачений. Кто-то из стариков еще помнит иноков, которые трудились на монастырских полях, разводили и ловили рыбу в садках. Невозможно

вытравить из их памяти день вскрытия мощей святого Нила Столобенского в 1919 году. Помнят они, как закрывали пустынь в 1927 году, и тот плохо отрежиссированный спектакль — суд над настоятелем монастыря архимандритом Гавриилом. Тысячи жителей Верхней Волги присутствовали на этом показательном процессе. Никто не верил, не принимал официальных обвинений, но и не в силах был защитить своего духовного наставника.

Сотрудники НКВД действовали нагло, расчетливо и решительно. Вскоре в пустыни не осталось ни одного инока. Мглой окутаны их дальнейшие судьбы. Скорее всего, монахи сгинули безвестно в сталинских тюрьмах и лагерях.

Местные жители неохотно вспоминают довоенные годы. В ответ на настойчивые расспросы осторожно поведают о детской трудовой колонии, разместив-

Озеро Селигер.
Фото С. Барсегяна
Lake Seliger.
Photo by
S. Barsegyan

шейся в пустовавших монастырских зданиях. О содержавшихся в Ниловой пустыни перед войной польских офицерах, которых потом зверски расстреляли, до сих пор предпочитают не говорить, настолько глубоко засел страх. После войны держали на острове возвратившихся из немецкого плена солдат, которые смогли попасть домой только после смерти «товарища Сталина». Только сейчас до сознания доходит страшное значение слова «респатриант», которое исковеркало жизни тысячам честных людей.

К числу сосланных в Нилову пустынь «политических преступников» принадлежал и мой отец, Кукуинский Василий Васильевич. В 1941 году, сразу после окончания медицинского института, он оказался на фронте и под Смоленском вместе со своим госпиталем попал в окружение. По великой милости судьбы он остался жив... А уже в более близкие нам шестидесяте годы бывший монастырь на Селигере стал приютом для инвалидов, угрюмым и безысходным.

Может быть, сознание и разум стали проясняться в семидесятые годы? Тогда решили провести реставрационные работы в Ниловой пустыни. Кто-то предложил приспособить бывшую обитель под туристскую базу. В ту пору только таким способом можно было спасти от разрушения исторические постройки на острове Столобное. Но осилить задуманное не смогли. Ремонтные работы растянулись на двадцать лет, конца и краю им было не видно. За это время многое из того, что еще оставалось ценного в бывшем монастыре, растащили или растеряли по вине случайного хозяина — Калининского областного совета по туризму и экскурсиям. Спасибо рабочим Осташковского реставрационного участка, пятерым жителям селигерского села Светлица, которые несмотря ни на что сумели придать божеский вид фасадам бывшей святой обители.

Дождались мы и лучших времен. В 1990 году Священный Синод Русской Православной Церкви решил возродить монастырь преподобного Нила Столобенского. Весной следующего года на острове Столобное появились первые монахи. В настоятели был определен отец Владимир (Шуста), который более тридцати лет прослужил в Знаменском соборе города Осташкова, а потом принял постриг под именем Вассиан. Так открылась новая страница в истории знаменитой российской святыни.

Нилова пустынь учреждена в 1594 году согласно грамоте патриарха Иова с уставом общежитийным, по типу древних палестинских обителей. Своей известностью она обязана преподобному Нилу,

который был исторически достоверной личностью.

Составленное после смерти святого мужа житие небогато фактами. Самый древний из известных нам списков жития относится к 1600 году. Составлен он в Герасимовой пустыни на Смоленщине иноком Филофеем Пироговым. Более подробный список жития Нила относится уже к 1798 году. В нем больше подробностей, описана история обретения мощей преподобного, рассказано о чудесах, случившихся в тот год и несколько лет спустя. В 1860 году житие Нила Столобенского существенно дополнил духовный писатель А. Н. Муравьев. Он включил в свой текст рассказы о чудесных исцелениях у мощей святого, а также изложил историю создания Ниловой пустыни.

Списки изобилуют несовпадениями и противоречиями. В одном говорится, что Нил родился в 1485 году, в других — в 1484-м. Скорее всего, обе даты приблизительно, о возрасте святого авторы его биографий выражаются уклончиво: «Жил лета довольна и прииде в старость». Достигший совершенного смирения и отрешившийся от условностей мира, Нил Столобенский никому не поведал историю своего появления на свет, не сказал, из каких мест родом. Однако среди местных крестьян много веков бытовало предание, что родился Нил где-то поблизости от Селигера, то ли в Валдайском, то ли в Осташковском уезде, в селении Жабенский Погост. Кто были его родители, так и осталось неизвестным. «Отрок с ранних лет воспламенел любовью к Богу и после смерти родителей оставил дом родительский, удалился в Псковскую область в монастырь Иоанна Богослова, называемый Крыпцы, где принял монашество и назвался Нилом, во имя подвижника горы Синайской Нила», — один за другим повторяют его биографы.

Псковский Крыпецкий монастырь, основанный причисленным к сонму русских святых игуменом Саввой, отличался от прочих обителей строжайшей уставной жизнью. Одной из особенностей духовной жизни этого монастыря было учительство, строгое следование наставлениям старших. Таким образом инок Нил с молодых лет имел перед собой пример полного самоотречения в лице игумена Саввы Крыпецкого и его верных учеников.

Вскоре Нил твердо решил стать на стезю пустынножительства. Около 1515 года ушел он в леса и поселился возле реки Серемхи (Черемухи) в Осташковском уезде. «На Черемухе, — говорится в житии святого угодника, — с молитвою поставил себе келейку, начал жить. Пи-

Вид Ниловой пустыни.
Фото С. Барсегяна
View of St. Nihil's Pustyn.
Photo by S. Barsegyan

тался полевым быльем и дубовыми желудями, дубовыми вершками. Потом стал возделывать землю, сеять на ней семена и сажать огородные овощи, а душу укреплял непрестанным Богомыслием, постом, бдением и молитвами.

Так он прожил в полной гармонии с природой немало лет. Но вот в окрестных селениях прослышали о его богоугодной жизни и захотели посмотреть на отшельника, получить его благословление. Один за другим потянулись они в прежде пустынное место за советом и утешением в несчастьи. И уходили прочь, превознося Нила за дивное смирение и милосердие.

Но невыносимо слышать бескорыстному подвижнику похвалы, расточаемые людьми. И преподобный сказал себе, как свидетельствуют письменные источники: «Что мне делать? За грехи свои я несу подвиг пустыни. Сам владыка мой Христос дал нам образ смирения и велел добрые дела делать не напоказ людям, но совершать их в тайне, чтобы Отец Небесный, видя в тайне, воздал явно. Лучше мне отойти от места сего, ибо принимая честь от людей, могу сделать тщетными труды свои и, изнузив свою плоть, боюсь лишиться награды».

С той минуты, как указывается в житиях Нила, стал он днем и ночью молиться, прося всевышнего и Богородицу наставить на путь спасения. И глас божий, услышанный во сне, велел ему идти на остров Столобное, что на озере Селигера, в семи верстах от Осташкова.

В пустыни на реке Черемухе Нил прожил тринадцать лет. На остров Столобное пришел он в 1528 году.

На всех иконах изображения преподобного Нила Столобенского достаточно условны. Словно сговорившись, иконописцы старались уделить больше внимания монастырской архитектуре, тщательно фиксировали второстепенные детали. Но удивительное дело: несмотря на существовавший запрет изготавливать резные иконы и скульптурные изображения, фигурки Нила Столобенского упорно вырезали из дерева. Их открыто продавали в Ниловой пустыни, и отсюда они расходились по всей Руси.

...Прибыв впервые на остров, Нил обошел его и убедился, что он вполне пригоден для уединенного безмолвного жития. Он сразу полюбил эту красивую, окруженную водами Селигера землю, где ему суждено было оставаться до конца жизни. Островок был невелик. Посреди его возвышалась гора, покрытая густым лесом. Поднявшись на эту гору, Нил горячо возблагодарил божий промысел, который привел его сюда: «Се, Господи, покой мой, се жилище мое во веки веков».

Пустынный выкопал в горе пещеру и прожил в ней благополучно зиму. С наступлением весны срубил он себе келейку и часовню. Нил был счастлив, как и в первые дни жительства в пустыни на реке Черемухе. Как и тогда, он жил дикими ягодами, а потом взялся обрабатывать землю.

Великий аскет, постник и молчальник преподобный Нил, не жалея себя, усиливал молитвенные подвиги. «День и ночь проводил в молитве и помышлении о Боге, не позволял себе и на малое время ложиться на ребрах,— говорится в его житиях,— в случае крайнего изнеможения, стоя, опирался на деревянные крюки, вбитые в стены кельи, служившие ему вместо кресел; в таком положении был его кратковременный отдых».

Нил Столобенский носил ветхое рубище, в келье ничего иного не имел, кроме древней Владимирской иконы Богоматери, которая позднее стала называться Селигерской. В полном безмолвии укрощал Нил страсти и плоть, упорно приготавливая себя к «деланию сердечному», «мысленному бдению», «умному хранению».

Но и здесь, на необитаемом острове, отшельника нашли люди, прознавшие о небывалых духовных подвигах Нила. Однажды преподобный заметил на озере тонущих пловцов и, по преданию, молитвой укротил ветер и спас несчастных. В другой раз на него напали разбойники, но, увидев смирение и кротость Нила, чистосердечно раскаялись. Зная об этих чудесах, многие жители Осташкова стали искать встреч с отшельником, чтобы поделиться с ним сомнениями, покаяться в грехах, найти душевный покой. Многие свято верили в дар исцеления, ниспосланный свыше молчаливому отшельнику.

По преданию, Нил заранее узнал о приближающемся смертном часе. Он призвал к себе игумена Николо-Рожковского монастыря, что на противоположной от Осташкова стороне Селигера, чтобы исповедать свои грехи. Исполненный пророческого вдохновения, умирающий сказал игумену Сергию: «На сим месте Бог воздвигнет храм в прославление Своего имени, и место сие будет жилищем иноков».

Скончался Нил Столобенский в 1555 году месяце декабре в 7 день. Пришедшие к нему на другой день игумен с братиею нашли отшельника почившим. Здесь его и положили в землю.

Пророчество святого скоро сбылось. И после кончины великого подвижника на остров Столобное не переставали приезжать люди, жаждавшие поклониться святому месту. Тогда иеромонах Герман из братии Николо-Рожковского

монастыря построил над могилой Нила часовню. Он и стал фактическим основателем Ниловой пустыни. Спустя сорок лет после кончины преподобного на острове Столобное поднялась первая деревянная Богоявленская церковь.

Первые годы островной монастырь влачил бедное существование. Вскоре пустынь разорили поляки, и только чудом она совсем не исчезла. Однако по прошествии Смутного времени иноческая жизнь на Столобное наладилась. Взамен сгоревших поднялись новые деревянные храмы. Обители обнесли крепкой бревенчатой стеной. В 1666 году здесь заложили первую каменную Богоявленскую церковь. Постепенно и другие деревянные постройки уступили место каменным.

Со временем Нилова пустынь получила известность далеко за пределами селигерских земель. Она особо чтилась верующими, потому что свято хранила традиции средневековой подвижнической жизни. Славу пустыни стяжали своим беззаветным самоотречением схимники, верные последователи учения Нила Столобенского.

Первым среди новых подвижников был Нектарий Боголеп, в миру Николай Теляшин, сын крестьянина Патриаршей слободы города Осташкова. Еще в детстве он поступил послушником в Нилову пустынь, где и принял монашество. По духовному завещанию Германа он принял после смерти учителя управление монастырем в возрасте 28 лет. Несмотря на молодые лета, к нему жадно шел народ за словом одобрения или утешения. Он охотно помогал страждущим в душевных скорбях, пользуясь исключительным даром предвидения. В конце жизни Нектарий принял схиму, но не перестал помогать людям, наставляя их на правильный жизненный путь. Поэтому его считают великим просветителем Верхней Волги.

В петровское время большим авторитетом в Ниловой пустыни пользовался схимник Иоанн, в миру Паисий Бартедьев, выходец из московских дворян. До 1724 года он был настоятелем Ниловой пустыни, но был отрешен от должности Синодом за приверженность к святоотеческим традициям и порицание церковных властей. В дальнейшем он испытал всякое. Сначала содержался под надзором братии подмосковного Иосифо-Волоколамского монастыря, затем в качестве священника направлен в Кронштадтскую эскадру, потом оказался в чести и стал наместником московского Симонова монастыря, одного из самых богатых в России, наконец, снова испытал превратность судьбы, оказавшись в захудалом Троицком мона-

стыре села Селижарово близ Осташкова.

Крестьянин Илларион Попов из села Сосницы Осташковского уезда стал монахом незадолго до удаления из Ниловой пустыни Паисия. По просьбе братии он был произведен в игумены, затем принял схиму с именем Алимпий. Свидетельством его преданности заветам Нила Столобенского служила власяница, которую Алимпий никогда не снимал с себя. Эта жесткая власяница долгое время хранилась как реликвия в Иверском монастыре на Валдайском озере.

В начале прошлого века наиболее примечательной фигурой в Ниловой пустыни был архимандрит Серафим. До приезда на остров Столобное он жил в Петербурге, служил законоучителем в Академии художеств. Успел он побывать настоятелем старицкого Успенского и краснохолмского Антониева монастырей. В Ниловой пустыни архимандрит Серафим прожил последние двадцать лет, и все это время провел за молитвой в келье, выходя только на богослужение в храм.

Повторил подвиг преподобного Нила в середине прошлого столетия крестьянин Григорий Агафонов, живший напротив острова Столобное, в Холмском уезде. В версте от деревни Неприе, на болоте, он построил келью, в которой провел за чтением священных книг около 35 лет. За такое самоотречение бывшего пастуха стали уважать многие, величать его не иначе как пустынником, отцом Григорием, хотя тот и не был пострижен в монашество. Погребли праведного старца 20 января 1874 года на кладбище осташковского Житенного монастыря при большом стечении народа.

К тому времени в самой Ниловой пустыни многое изменилось. Начиная с середины XVIII века, в монастыре велось интенсивное строительство. На месте старых святых ворот подрядчик Фома Павлов возводит надвратную церковь Нила. С другой стороны монастыря поднимается вторая надвратная церковь Петра и Павла. Немного в стороне от обители, на небольшом мысу, вырастает Воздвиженская церковь. Лепное убранство ее, исполненное осташковским «решником Кондратием Семеновым Конягиным», некогда привлекло особое монаршее внимание Александра I, посетившего Нилову пустынь.

В начале XIX века пустынь была настолько богата и знаменита, что старый собор даже в небольшие праздники становился тесен. Это привело к мысли заказать проект нового собора выдающемуся петербургскому зодчему Карлу Росси. По каким-то неясным причинам мастер не довел до конца начатую уже работу, и ее поручили другим зодчим.

Строительство нового Богоявленского собора по проекту Иосифа Шарлеманя велось двенадцать лет, с 1821 по 1833 год. За каменными работами наблюдал каменных дел мастер швейцарец Анжело Боттони. Под его началом трудились местные, ошашковские каменщики, которыми славилась округа. Архивные документы сохранили их имена: крестьяне из деревни Жар Яков Брюхов, Илларион Яковлев, Сергей Илларионов, крестьяне из села Кравотынь Исак Никитин, Митрофан Кондратьев, Севастьян Яковлев, крестьяне из деревни Пески Яков Лукин и Назар Козьмин со товарищами, крестьяне из села Пачково Ефим Фомин со товарищами, а также Максим Яковлев со товарищами...

После окончания строительства огромного собора в стиле классицизма приступили к укреплению берегов Столобного острова, которые постепенно оделись в гранит, подобно набережным Невы. Работы велись непосредственно крестьянами села Яконово Новоторжского уезда Иваном Тимофеевым и Агафоновым Ивановым и были в основном закончены в середине прошлого столетия. Последней крупной постройкой Ниловой пустыни стала надвратная Светлицкая башня в запоздалых формах классического стиля. Во время пурги или бури на озере на этой башне зажигался фонарь, указывая застигнутым непогодой судам спасительную дорогу.

Эти годы были расцветом Ниловой пустыни. Она превратилась в настоящий город монашествующих на острове.

Строгий общежительный устав был законом для всех, кто постоянно жил на острове Столобное. Здесь свято берегли духовные традиции первых русских монастырей, память о преподобном Ниле. В 1764 году тверской епископ Гавриил IV письменно подтвердил неписаные правила поведения. Он подробно изложил обязанности всех должностных и отправляющих разные послушания лиц в Ниловой пустыни, расписал правила для келейной братии, озаботился содержанием трапезы и больницы, снабжением монахов приличествующей одеждою.

В Ниловой пустыни было строго заведено: «новопостриженных монахов поручать под надзор опытных в духовной жизни старцев, находиться под этим надзором дотеле, пока честным и воздержанным житием окажут себя достойными иметь надзор над другими; и новопостриженным без благословения надзирателя ничего не делать, быть всегда покорными».

В 1766 году дано повеление всех живущих в монастыре с надеждою пострижения обучать какому-нибудь мастер-

ству, например, столярному, слесарному, сапожному, портному и другим, которыми они могли бы заниматься для пользы монастыря и тем предохранить себя от пагубной праздности.

С особым тщанием соблюдался в Ниловой пустыни древний устав распписания часов богослужения. Всеношные продолжались по пять часов, утрени — три с половиной часа. В Великий пост, кроме утрени, обедни, вечерни, в 8 часов утра обязательно читали псалмы. В обычные воскресные дни — толкование Евангелия, а в прочие праздники и простые дни — чтение из Пролога; канон не только в Великий пост, но и в другое время был отправляем с припевом пророческих песен.

Желающих стать иноками знаменитой обители было хоть отбавляй. Монашеская жизнь весьма почиталась в Ошашкове. Многие горожане стремились принять постриг на острове Столобное и поселиться там в устроенной на свой счет келье. Богатые ошашки часто завещали монастырю свои сбережения, а бедные добровольно несли там различные послушания, к которым были способны. На острове никогда не переводились трудники. Это были крестьяне, приезжавшие сюда целыми семьями, чтобы безвозмездным трудом сослужить святой обители. Был и такой случай — в 1640 году вольный человек Григорий Тимофеев с сыновьями, зятьями и прочими родичами записался в Нилову пустынь на вечное жительство. Такую запись сохранил подробный монастырский архив.

Богатые пожертвования в Нилову пустынь делали все без исключения российских государи. Царь Алексей Михайлович в 1666 году подарил монастырю колокол, его сын Федор Алексеевич — водосвятную чашу, другой сын, Алексей Алексеевич, — богослужебные книги, царица Наталья Кирилловна — расшитую ризу... Императрица Екатерина II пожаловала драгоценный покров, а Александр I — золотой крест...

Но не серебро и золото считались главной ценностью монастыря на острове. Главной святыней обители была чудотворная икона преподобного Нила. Ее исполнили в 1595 году монахи тверского Оршина монастыря Иов и Нифонт «со слов старцев, знавших угодника и помнивших черты его лица». И, разумеется, больше всего почитались здесь мощи святого угодника, обнаруженные при закладке первого каменного Богоявленского собора в 1667 году. Останки Нила Столобенского пролежали в земле 112 лет, при этом совершенно не подверглись тлению положенная рядом схи́ма и ико-

на Богоматери, получившая название Селигерской.

Служба, посвященная Нилу, существовала долгое время в рукописных списках, а в месячных Минеях не печаталась, имя преподобного не было внесено в Святцы. Однако начиная с 1756 года, при игумене Ниловой пустыни Феодосии Добром по решению Синода службы преподобному Нилу стали печататься и в месячных Минеях. Житие его заняло свое место в Четьх-Минеях, имя Нила Столобенского помещено в Святцах наравне с прочими святыми. Чествование преподобного Нила стало общим для Русской Православной Церкви. Было разрешено 27 мая, в праздник Обретения Святых мощей угодника, совершать обнесение их вокруг монастыря, к чему впоследствии присоединился и крестный ход из Осташкова.

В конце XVIII века осташковский протоиерей Андрей Николаевич Колоколов составил акафист преподобному Нилу. Жители города, глубоко почитавшие своего святого, по копейке собрали деньги на издание этого акафиста. С одобрения Синода рукопись Колоколова увидела свет в 1861 году.

Нил Столобенский почитался на всей Верхней Волге как заступник, покровитель, целитель. Примечательно и то, что жители селигерского края часто давали новорожденному имя Нил, рассчитывая на постоянное покровительство святого.

В священном месте России — над истоком великой Волги — в деревянной монастырской часовне и в часовне над колодезем стояли большие скульптурные изображения преподобного Нила. Святой угодник Нил как бы освящал рождение Волги.

Считался Нил Столобенский защитником гонимых. В петровское время, не самое благополучное в судьбе Православной Русской Церкви и столь неоднозначное в российской истории, на остров Столобное стали ссылать неугодных властям деятелей церкви. Там оказался крутицкий митрополит Игнатий, карельский епископ Аарон, Афанасий Еропкин и многие другие опальные иерархи. Неугодных монахов Ниловой пустыни в свою очередь отправляли с Селигера в далекую Сибирь. И, видимо, не случайно за тысячи верст от Осташкова, на реке Эке-Угунь, в 250 верстах от Иркутска, близ монгольской границы, возникла другая Нилова пустынь, где молили преподобного Нила Столобенского о помощи и укреплении духа несчастные ссыльные.

С конца XVI века в стенах пустыни постепенно формировалось богатейшее книжное собрание. Были здесь и пергаментные рукописи, и первые книги кирилловской печати. Письменное упоминание о монастырской библиотеке мы находим в духовной памяти строителя Ниловой пустыни Германа, которая была составлена 18 февраля 1614 года. В этом

Монастырское село Святца (Светлицы).

Фото С. Барсегяна

Monastery Village of Svyatitsa (Svetlitsa). Photo by S. Barsegyan

документе среди прочего имущества обители перечислены 32 книги — почти все рукописные и только одна печатная.

Имелась в обители и школа. В начале прошлого столетия там, например, обучались пятьдесят сирот духовного звания из всех уездов Тверской епархии. Ученикам преподавали историю Руси, литературу, Закон Божий, они также могли посещать грамматические классы Тверской семинарии. Учащиеся школы стояли на полном содержании столобенских монахов, их главным попечителем считался настоятель Ниловой пустыни.

Монастырь оказывал постоянную помощь осташковскому Духовному училищу. На свои средства открыл он церковноприходскую школу для крестьянских детей в селе Светлице, что ранее называлось Святица. Большое двухэтажное здание из кирпича стоит там и поныне.

Можно сказать, что в Ниловой пустыни возник первый музей на Верхней Волге. Именно это слово больше подходило монастырской ризнице, где хранились ценности — настоящие произведения искусства русских мастеров. Перечислим лишь некоторые «экспонаты»: рукописное Евангелие игумена Нектария, украшенное серебряным окладом с миниатюрами, еще одно богато украшенное Евангелие, пожалованное Петром I, священные книги, подаренные царем Федором Алексеевичем, напрестольные кресты, пожертвованные графом Шереметевым и обер-гофмейстером Олсуфьевым, золотая панagia, подаренная настоятелю Александром I... А вот еще: большой серебряный ковш, жалованный царями Иоанном и Петром Алексеевичем промышленнику Василию Привалову за прибыльную для казны торговлю лесом и рыбою, россыпь серебряных монет, шведский серебряный ковш...

Художественные сокровища Ниловой пустыни множились в основном усилиями местных умельцев. В Осташкове и его окрестностях жили искусные мастера, и город мог считаться в прошлом городом художников. В «Генеральном сообщении по Тверской губернии за 1783 и 1784 годы» приведены такие статистические сведения о художниках и иконописцах: «В Твери — 11, Вышнем Волчке — 8, Ржеве — 2, Кашине — 1, Осташкове — 42». Цифры говорят сами за себя.

Сегодня нам известны целые династии осташковских ювелиров, резчиков и живописцев — Уткины, Верзины, Волковы, Конягины, Шолмотовы, Глазухины, Митины-Потаповы, Колокольниковы. Все они много потрудились в Ниловой пустыни, а слава их облетела Россию. Например, иконописцы Макарий Митин-По-

тапов, Иван Максимов и Дмитрий Львов в 1762 году были вызваны в Петербург для написания гербов и персон для «Титулярника, или Описания великих князей и великих государей царей российских». Такую работу кому попало не давали. В 1753 году расписывали дворцы Царского Села осташи Гавриил Дерябин и Григорий Уткин. Их земляки-резчики в то время украшали дворцы в Павловске и Ораниенбауме. Для росписи комнат в новом Летнем дворце вызывались в те годы из Осташкова в Петербург Мина Колокольников с братьями Федотом и Михаилом... Все они оставили свой след и в Ниловой пустыни. Возможно, и не состоялись бы талантливые осташи как признанные мастера своего дела, не будь рядом знаменитой святыни, где они всегда могли найти приложение своим силам.

* * *

...Всякий раз, когда я ступаю на остров Столобное, воображение переносит меня в век минувший. Я живо представляю себя на празднике Обретения Святых мощей Нила Столобенского, среди пестрой толпы, в которой смешались черные рясы монахов, поддевки крестьян и нарядные пестрые сарафаны. Тысячи паломников стеклись сюда после весеннего сева, чтобы принять участие в праздничном крестном ходе. Сверкают нестерпимо в лучах весеннего солнца кресты и купола, а над озером плывет могучий перезвон.

Мне мысленно представляется, что я выбираю что-то на память об этом чудном дне. Вот лежат иконы с изображением преподобного Нила, писанные в монастыре. А вот товар попроще, подоступнее — «печатные листы чудотворцевы», иными словами, гравюры и лубки, на которых представлен божий угодник и обитель его имени в пору своего расцвета. Наконец взгляд останавливается на деревянных фигурках святого, таких, какие еще можно и теперь встретить в домах селигерских старожилов...

Хочется, очень хочется, чтобы нарисованная моей фантазией картина ожила наяву. Ведь теперь мы знаем, какой великой трагедией не только для поколения моего отца, но и для нас с вами, обернулось забвение прошлого, предательство памяти своих предков. И если нам не безразлично будущее, каждый из нас должен помочь возрождению своей ниловой пустыни.

Болдин
монастырь
Фото автора

The Boldin
Monastery. Photo
by the author

Там, где ветры пели панихиду

Александр ПОНОМАРЕВ

К самым светлым и отрадным явлениям духовной жизни наших дней, многие согласятся со мной, следует отнести возрождение богослужений в очищаемых от осквернения и поругания храмах — в городах ли, при большом стечении народа, или в некогда многолюдной российской глубинке, где, казалось бы, замерла всякая жизнь.

Думаю, не только меня взволновала первая вечерня в возрождаемом Болдинском Свято-Троицком монастыре на Смоленщине 13 мая 1990 года, накануне дня преподобного Герасима Болдинского чудотворца. Побелены известкой внутренние поверхности кирпичных стен небольшой церкви, возведенной в конце XIX века на месте пещерки инока Герасима; окна затянуты целлофаном, пол устлан свежескошенной травой. На аналое — подлинная храмовая икона, чудом спасенная и сохраненная верующими. Из местных в этот день пришли чело-

век семь. Среди них Анна Яковлевна и Семен Родионович Турченковы, которые больше всех, пожалуй, ждали открытия прихода в Болдине, и Варвара Деевна Воронец, в свои шесть десятков лет неутомимо собиравшая в обезлюдившей округе подписи под просьбой об открытии здесь храма. Тут и Вавиленкова Варвара Осиповна, вблизи дома которой оберегался невидимый чужому глазу святой колодец — по преданию, место первоначального поселения основателя монастыря инока Герасима.

На протяжении всех минувших безбожных лет лишённые духовного пастыря местные жители собирались на престольный праздник Троицы у этого святого колодца. Многие болдинские старики и старухи так и не дождались возрождения церковной службы. Однако в данном случае требовалось не только возрождение прихода, а утраченной иноческой жизни, которая веками протекала в этом

месте. И разве мог не воскреснуть здешний храм, когда в это верили, молили о нем!

У Болдина монастыря — давняя, уходящая в века история. Продолжая крестный путь преподобного Сергия Радонежского, основал Герасим по примеру своего учителя Даниила Переяславского свой первый монастырь во имя Пресвятой Троицы. 9 мая 1530 года им был освящен первый деревянный Троицкий храм с приделом Сергия Радонежского.

«Так волею Божьей на поле брани Руси с Литвой возник приют мира и молитвы; где слышались враждебные клики сражающихся, раздался священные песнопения; где поднимался оружейный дым, пошло к небу курение каддила. И не один русский, идя на врагов, получил молитвенную помощь от подвижников обители, не одно сердце возбуждалось этой помощью к защите веры и отечества», — повествует об основании монастыря житие преподобного Герасима¹.

Монастырь занял место на широкой полянке, полого спускающейся к небольшой речушке, среди вековых дубов, от древнего наименования которых — «болда» — и происходит укоренившееся название местности. Обитель Герасима стала известна быстро — неподалеку проходил Старый Смоленский тракт, соединяющий в этих краях города Дорогобуж и Вязьму. Оживленный путь этот связывал Москву с Восточной Европой.

Сплотив единомышленников в Свято-Троицком монастыре, численность братии которого достигала 127 человек, Герасим с учениками зародил монашескую жизнь еще в трех обителях: в городе Вязьме, в Брынских лесах на реке Жиздре, в нынешней Калужской области, и в Свердловых Луках — местечке, что в тридцати верстах от Дорогобужа вниз по течению Днепра. Преподобный Герасим умер в 1554 году, прожив 66 лет, и был похоронен в приделе Сергия Радонежского Троицкого храма в Болдине. В память его богоугодных дел в порубежных, терзаемых разбойниками землях нарекли Герасима Болдинским чудотворцем и причислили к лику святых.

Вскоре Болдин Свято-Троицкий монастырь стал духовным центром освоения отвоеванных земель. Об этом говорят многочисленные вклады и пожертвования от представителей знатных фамилий — Звенигородских, Пушкиных, Плещеевых и других². Один из иноков монастыря, Варлаам, доводился дядей царице Ирине Федоровне и будущему царю Борису Годуну.

В сохранившихся отрывках приходных книг Болдина монастыря за март 1598 года сохранилась запись: «... в 28 день благоверный царь государь и великий князь Борис Федорович всея Руси прислал

по бывшем государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси милостинны чтыреста рублев денег...»³ Щедрость по тем временам великая. Достаточно вспомнить, что в ту пору корова стоила около одного рубля.

Крупные денежные вклады и постоянная царская забота позволили болдинским монахам приступить к каменному строительству. К концу XVI столетия здесь поднялись пятиглавый Троицкий собор с двумя симметричными приделами — Иоанна Богослова и Бориса и Глеба, Трапезная палата с шатровой церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы и шестигранная в плане столпообразная трехъярусная Колокольня. Каждое отдельно взятое сооружение представляло собой шедевр золотого века русского зодчества, а весь ансамбль в окружении лесов, лугов и водной глади запруженной речки Болдинки — сказочным городом.

Неоспоримые художественные достоинства болдинских сооружений говорили об участии в их создании лучших царских мастеров. Здесь приложили руку государев мастер Федор Конь, церковный мастер Терентий, государевы иконописцы Постник Дермин и Степан Михайлов, а благовестный колокол для здешней звонницы отливал в 1587 году в Москве государев литец Иван Афанасьев⁴.

Славились монахи Болдина монастыря своей книжной ученостью. Вероятно, случайно настоятель монастыря Иосиф, поставленный Герасимом в 1554 году, прозывался краснописцем. А следующий болдинский игумен Антоний, ставший затем епископом Вологодским, перед своим уходом составил житие преподобного Герасима.

Выполняли просвещенные иноки Болдина монастыря и заказы от других обителей. Так, в 90-х годах XVI века монах Филофей Пирогов составил житие Нила Столобенского по запискам его ученика Германа⁵.

К несчастью, в начале XVII века мирное течение жизни на Смоленщине было нарушено. Захваченный иноземцами в 1611 году, Болдин монастырь стал пристанищем иезуитов. Почти полвека хозяйничали здесь иноверцы, оказались вычеркнутыми из памяти поколений драгоценные эпизоды жизни предшествующих столетий.

После изгнания польско-литовских захватчиков православный монастырь в Болдине был в 1654 году возобновлен, но уже не достиг былого величия, несмотря на внимание и царя Алексея Михайловича, и его сына Петра I.

Подвергся Болдин монастырь поруганию и в период нашествия Наполеона, когда французы превращали православные храмы в конюшни.

Однако рассеивался дым пожара, белелись монастырские стены, и вновь благовест созывал православных в храм. Множество людей стекалось в Болдино на ярмарки, проходившие по престольным праздникам — на Троицын день летом и на Введение во Храм Пресвятой Богородицы зимой.

Деятельный и просвещенный настоятель монастыря архимандрит Андрей в конце XIX века построил новые деревянные кельи и гостиницу для богомольцев. Его трудами было составлено и издано в 1893 году житие преподобного Герасима, в основу которого были положены более ранние тексты упоминавшегося настоятеля Антония, а также Григория Жукова, жившего в монастыре в XVII веке⁶.

Однако годы запустения и надругательств над святынями не могли пройти бесследно. Многие древние сооружения монастыря были искажены, утратили свое изначальное величие. Поэтому настоящим открытием стало сообщение молодого реставратора Петра Барановского, с которым тот выступил в 1912 году на заседании Императорского Московского археологического общества. Он доказал, что мало кому известный Болдин монастырь — едва ли не единственный архитектурный ансамбль, сохранившийся на Руси без существенных перестроек с конца XVI века. Исключение составляла невысокая монастырская ограда середины XVIII да небольшая церковь конца XIX века над пещеркой преподобного Герасима. Правда, на живописные кокошники завершения колокольни была нахлобучена шестискатная кровля, растесаны окна. На Троицком соборе позакомарное покрытие также было заменено простым четырехскатным. Открытые галереи, с трех сторон окружавшие Троицкий собор, были перестроены в 1879 году в придельные церкви и заново освящены в честь иконы Казанской Божьей матери и Святых двенадцати апостолов. В аварийном состоянии находилась трапезная палата с Введенской церковью. Кирпичный шатер, восьмерик под ним и основание церкви — все было пронизано трещинами. Входить в трапезную палату и в церковь тогда не решались, опасаясь обрушения кирпичной кладки.

Диагноз, поставленный Барановским, был точен: нарушена конструктивная основа сооружения. Пустые полости в стенах восьмерика и четверика — это не дымоходы, как считали прежде, обнаруживая подобные пустоты на древнерусских сооружениях, а каналы от сгнивших дубовых связей, предназначенных для восприятия распора массивного шатра. Для спасения памятника следовало восстановить прежние конструкции.

Реставрацию памятника удалось начать только в 1921 году. В целях безопасности Барановский «обвязал» восьмерик деревянным срубом, который корсетом сжал кирпичную кладку. После расчистки каналов реставратор решил завести в них металлические прутья, а пустоты забетонировать. Таким образом восьмерик и четверик Введенской церкви совершенно незаметно для глаза были охвачены железобетонными поясами. Новое, весомое слово в методике научной реставрации памятников архитектуры!

С величайшей точностью, не по аналогии, а на основании исследования раскладки кирпичей, Барановский восстановил карниз восточного фасада келарской палаты, а также парные кокошники в основании шатра церкви. С этого момента предложенный Барановским метод — восстановление стесанных декоративных элементов по остаткам обрубленных кирпичей — вошел в мировую реставрационную науку. Пользуясь размером кирпича в качестве модуля, он восстановил растесанные оконные и дверные проемы трапезной палаты.

Одновременно с восстановительными работами на территории монастыря под руководством Барановского создавался музей. Основу экспозиции составили исторические материалы, обнаруженные с началом работ — фрагменты изразцовых печей XVII и XVIII веков, которыми в прошлом был необыкновенно богат этот монастырь, коллекция деревянной скульптуры, собранная в Верхнем Поднепровье М. И. Погодиным, внуком известного историка. Музей занял хозяйственные палаты подклета трапезной.

На территории, прилегающей к монастырю, формировался музей под открытым небом: по инициативе Барановского в Болдино перевезли деревянную церковь XVII века из села Усвяты.

Научно-реставрационные и музейные работы, которые велись в 20-е годы, органично вплетались в естественную монастырскую жизнь. Тринадцать монахов, оставшихся в Болдине, среди прочих послушаний ухаживали и за обширным монастырским яблоневым садом, доход от которого частично шел и на содержание музея. Однако в ту же пору начали проявляться антигуманные черты насаждавшегося советским государством атеизма. В мае 1922 года местные власти конфисковали церковное имущество, были осквернены мощи преподобного Герасима, которые покоились более трех с половиной веков. Постепенно сворачивалось начатое Барановским музейное строительство. В 1928 году все реставрационные работы в Болдине были прекращены, а спустя год директор музея С. Ф. Бу-

занов и оставшиеся монахи были репрессированы.

Крепкие еще монастырские постройки захватывались временщиками коммун и разных сельскохозяйственных артелей. Но вот обрушилась и самая большая беда — нашествие немецко-фашистских захватчиков. Болдино было одним из первых населенных пунктов, освобожденных партизанами на еще оккупированной территории в начале 1942 года. В Троицком соборе и подклетах трапезной палаты партизаны ремонтировали оружие и технику, готовясь к штурму Дорогобужа, который удалось отбить у врага 15 февраля 1942 года.

Немцы ответили карательными операциями. Все избы Болдина и ближайших деревень были сожжены. В отместку партизанам фашисты взорвали в марте 1943 года Троицкий собор, колокольню и трапезную палату с Введенской церковью. Много лет ветры пели панихиду над руинами, которые медленно зарастали травой и кустарником. И все это время признанный патриарх отечественной реставрационной школы Петр Дмитриевич Барановский мечтал о возрождении уникального памятника зодчества.

Только в 1964 году ему удалось начать работы по спасению остатков разрушенного Болдина монастыря.

Восстановительные работы были начаты с трапезной палаты — вид руин подсаживал, что заряд взорвался во втором этаже сооружения. Над откопанными по периметру двухметровой толщины древними стенами реставраторы водрузи-

ли консервационную кровлю. Спасительный покров над площадью почти в шестьсот квадратных метров своими тремя разновеликими объемами как бы олицетворял животворное начало среди мертвящего запустения руин. Потребовалось бережно разобрать более двух тысяч кубических метров завалов, сохраняя старинные большемерные кирпичи и выбирая драгоценные осколки изразцового убранства. Основную тяжесть работ вынесли на себе бойцы студенческих отрядов Смоленского педагогического института и добровольные помощники реставраторов из Москвы, которые с 1969 года приезжали в Болдино, а также специалисты из Смоленской научно-реставрационной мастерской. Сегодня каждый попадающий под восстановленные могучие коробовые своды первого яруса трапезной палаты невольно погружается в подлинную историческую атмосферу давних веков. На очереди — необходимость восстановления второго этажа трапезной палаты и Введенской церкви с шатровым завершением, с тем, чтобы полностью воскресить образ замечательного творения древних зодчих. Сделать это позволяют детальные обмеры недостающих объемов, которые еще в 20-е годы выполнил Барановский.

... Первое, что бросается в глаза приехавшим сегодня в Болдино, — это как бы парящая в высоте небольшая шлемовидная главка с крестом. Она вознесена почти на двадцатипятиметровую высоту трехъярусным шестигранным столпом, весьма напоминающим нижний

Реставрация
колокольни
Фото автора

Restoration
of the belfry.
Photo by the
author

ярус колокольни Ивана Великого в Москве. Стройные пилоны открытого верхнего яруса несут кружевную пирамиду трех рядов кокошников, из которых и вырастает изящная шейка главы. Это возрожденная под руководством автора этих строк колокольня Болдина монастыря. Взорванная в войну, она, благодаря редкостной прочности кирпичной кладки, не превратилась в груды щебня, а долгое время дыбилась нагромождением бесформенных кусков стен. Вес наиболее крупных обломков составлял 20—40 тонн. Опытный глаз различал на них остатки декоративных и конструктивных элементов, которые и навели на мысль восстановить колокольню методом анастилоза, то есть путем возвращения на свои места сохранившихся, но разрозненных фрагментов. Место для каждого подлинного куска кладки в «теле» воссоздаваемого сооружения определялось после детального обмера. Затем очертания фрагмента наносились на чертежи и макет колокольни, выполненные по довоенным обмерам Барановского, и только после тщательного изучения давалось «добро» на практическую работу. На возрождение колокольни ушло десять летних сезонов. Венчающий главку крест был водружен 19 сентября 1987 года.

Отработанные при восстановлении колокольни приемы обращения с фрагментами кирпичной кладки различной степени сохранности вселяют уверенность, что поднимется из руин и древний Троицкий собор, о чем думал до последних дней своей жизни мой учитель Петр Дмитриевич Барановский. Надеяться на лучшее заставляет меня и другое обстоятельство. До 1990 года спасением художественных и исторических ценностей

Болдина занималось только Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, которое регулярно выделяло средства на реставрацию. Все это, однако, не подкреплялось, к сожалению, пробуждением жизненных сил в самом Болдине и окружающей его записанной в неперспективные местности. А теперь большую заинтересованность в труде реставраторов проявляют в Смоленской епархии. В день памяти преподобного Герасима, 14 мая 1991 года, митрополит Смоленский Кирилл освятил возрождаемый монастырь и объявил решение Синода Русской Православной Церкви о назначении настоятелем игумена Антония (Александра Мезенцева). Через год в Болдине приняли постриг с благословением на верную службу монастырю Даниил и Иринарх. Значит, в монастырь вернулась жизнь.

В заключение хотелось бы напомнить, что Болдин Свято-Троицкий монастырь — единственный на Смоленщине монастырь в сельской местности, где еще можно возродить все особенности русского хозяйственного и духовного уклада. А поблизости, на мой взгляд, было бы идеально создать историко-этнографический музей под открытым небом.

¹ Житие преподобного Герасима Болдинского чудотворца. М., 1893.

² Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря. РИБ. Т. XXXVII. Пг., 1923.

³ Книга приходная Болдина монастыря 1597—1598 гг. Архив ЛОИИ. Коллекция С. В. Соловьева. № 145.

⁴ Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁶ Житие преподобного Герасима... М., 1893.

* * *

*Давно в тумане предо мной
Блестящей точкою горя,
То над леском, то над горой
Светился крест монастыря.
И вдруг обрыв! И вот река
В тени высоких берегов
Бежит, подернута слегка
Отливом красных облаков.
И на откосе меловом
Открылась старая стена
С безглавой башней, как огнем,
Закатом дня озарена...*

(Из поэмы Аполлона Майкова «Упраздненный монастырь») 1860

Епископ
Владимирский
и Суздальский
Евлогий.
Evlogy, the
Bishop of
Vladimir and
Suzdal

Епископ Евлогий: «Мир нуждается в отшельниках»

В тихом уголке древнего Владимира, в не приметном деревянном доме на Вишневой улице находится местное епархиальное управление. Небольшую угловую комнату окнами в цветущий сад занимает рабочий кабинет владыки, где, кроме образа Спасителя, есть только стеной книжный шкаф и маленький стол.

Наш собеседник, одетый в черную монашескую рясу, на которой ярким цветком выделяется панагия на золотой цепи, совсем не походит на того облаченного в расшитую бисером рясу архиерея, которого часом раньше привелось видеть на богослужении в белокаменном владимирском Успенском соборе XII века.

Преосвященный епископ Евлогий до своего поставления на одну из самых почетных кафедр Русской Православной Церкви прошел долгий путь монашеского послушания, приняв постриг в Троице-Сергиевой Лавре. Назначенный патриаршим наместником пребывавшего в ту пору в запустении московского Свято-Данилова монастыря, он приложил много сил, чтобы через несколько лет эта древнейшая

столичная обитель поднялась из руин, засияла, как прежде, золотом своих куполов и украсилась дивным колокольным перезвоном. Благодаря стараниям архимандрита Евлогия наладилась здесь образцовая иноческая жизнь, как впоследствии наладилась она и в козельской Оптиной пустыни, настоятелем которой он стал в труднейший период ее возрождения. Благодаря его попечению, был открыт вновь женский Амвросиев Шамординский монастырь, известный далеко за пределами Калужской епархии. Около двух лет назад преосвященный Евлогий возведен в епископский сан. Нынешний архипастырь земли Владимирской и Суздальской одновременно возглавляет Синодальную комиссию по монастырским делам. И поэтому не случайно, что именно ему предложены вопросы о современном положении православного монашества, о проблемах возрождения поруганных и порушенных российских монастырей.

С епископом Владимирским и Суздальским Евлогием встретился наш корреспондент Алексей ТРУНОВ.

— Ваше преосвященство, в недавние времена жизнь православной церкви старательно замалчивалась, и в силу этого произошло постепенное отчуждение людей от веры, от отеческой церкви. Для нескольких поколений наших соотечественников стало чуждым религиозное сознание, стали казаться ненужными храмы и монастыри, а православные обряды и традиции — утратившими практический смысл. Что вы можете сказать этим людям?

— За семьдесят лет насаждаемого безверия общество потеряло нравственные ориентиры. Неверие в Бога, как в Жизнодавца, есть гордая подмена человеческого веры истинной — верой в самого себя, в свои собственные силы, или верой только в людей. Ослепленный собою, неверующий человек, не задумываясь, упорно строит свою жизнь на земле, как единственную для себя на ней, прибегая порой к самым различным способам — правдам и неправдам. Ему и в самом деле не совсем понятно, для чего другие люди создают храмы, открывают монастыри и проводят многие часы в молитвах, в чтении Слова Божия, отделяют от себя какие-то материальные блага в пользу бедствующих, живут нуждами ближних. Но убежден, что придет время и у многих сомневающихся и заблуждающихся откроются глаза на мир во всем его Божественном разнообразии.

Наши дни, как мне кажется, наглядно показывают, что без веры в Бога и любви к ближним жить совершенно бессмысленно. Этой высшей, духовной жизни требует сам дух и природа человека, о том постоянно вещает ему совесть. И надо оглядеться вокруг, увидеть, что храмы, часовни, монастыри, украшающие просторы нашего Отечества, как путеводные звезды, несут свой основной глубокий и жизненный смысл. Именно они обращают внутренний взор человека единственно на то, что для него должно быть истинным, прекрасным, действительно богатым, что питает и радует его сокровенный дух, где вечность и истинное блаженство. Таинства нашей церкви, обряды, чины богослужения, совершаемые в храмах, сближают приходящих в него людей с Богом, придают им невидимую благодатную силу Святого Духа — высшее божественное и вечное дыхательное жизни.

— Тем не менее весьма распространено мнение, что сегодня не следует преувеличивать роль Церкви. Подорван сам фундамент, на котором зиждился храм православной веры, и теперь памятники церковной культуры, да и саму церковную жизнь с ее застывшими обрядами надо воспринимать не более чем историческую традицию...

— Действительно, революция и массовая антирелигиозная пропаганда, геноцид духовенства повлияли на умы нескольких поколений, сделали жизнь людей менее осмысленной духовно. И все же внешние обстоятельства су-

ществования нашей Церкви, какие бы события ни случались в ее истории — страшные, опустошительные или тихие, благоприятные, — служат, согласно Промыслу Божию, духовному укреплению, росту и плодоношению. В самые жгучие годы революций, в 1917—1918 годах, когда ломались вековые устои России, неожиданно для всех православных людей, духовенства и особенно иерархов церкви, ничего доброго, казалось бы, не ожидавших от нового времени, появилось чаемое в веках патриаршество, вернувшее канонический облик Русской Церкви и положившее собою начало глубинному возрождению ее жизни. Патриаршество святителя Тихона вошло теперь в историю Церкви, как совершенно особое и неповторимое явление, принесшее самые обильные плоды духа — веры. Сам первоиерарх стал звездой настоящего исповедания православной веры в жуткой обстановке безбожия и гонения на нее. Он начал собою бесчисленный лик новомучеников, украсивших собою небосвод Церкви. Канонизированные недавно святые мученики — святители Владимир Киевский, Вениамин Петроградский и иже с ним, а также благоверная княгиня Елизавета Федоровна с инокиней Варварой — не говорят ли нам об истинном расцвете духовных сил как раз в тот тяжелый период времени Церкви, когда внешне она как будто бы прекращала свое существование.

Да, было у нас в тридцатых-сороковых годах такое положение, когда непосвященные могли говорить о полной ликвидации Церкви. В ту пору не действовало ни одного монастыря, ни семинарии, ни академии. Но Церковь — это не стены, а люди, Тело Христова, она никем и ничем не одолевается в веках. Она выше мира и поставлена спасти его, несмотря на то, что он враждует и отрицает ее. И в людском горе, в страшной смертоносной войне с Германией, казалось бы, похороненная Русская Церковь предстала перед страдающими во всем своем свете бесконечного добра и милосердия, напомнив всем о Боге, в деснице которого судьбы человечества. Нам ничем не объяснить такого мгновенного расцвета духовной жизни Церкви, возвращения закрытых и разрушенных революцией храмов, монастырей и духовных училищ, какое наблюдалось в послевоенный период, как только высоким ее служением людям всех званий и положений, в самое горячее и трудное время увидевшим в ней свою Мать.

Горе сближает человека с Церковью. Покой, благополучие, упоение одними земными делами тотчас разобщает этот союз, а увлеченность собою бесконечно удаляет от Бога. В послевоенные пятидесятые-шестидесятые годы, когда страна залечила военные раны, мы помним, что наша Церковь снова попала под тяжелый политический пресс, испытанный ранее в годы разрушительной революции. Новая волна безбожия и прикрытого гонения беспощадно обрушилась на служителей Церкви, поставив их в самое бесправное положение. И вот теперь, в наше беспокойное время, все возвращается на круги

своя, и Церковь вновь восстанавливает свое величие в душе народа. Бури времени — не катастрофа для Церкви, несущей в себе свет истины, но особые промыслительные явления, сохраняющие и более ее распространяющие по лицу земному. Церковь Христова не измеряется количеством храмов и монастырей, как иногда ее понимают. Она хранит сам дух вечной жизни, носителями которого являются верные ей люди.

— Вы сказали, что наши дни наиболее благоприятное время обретения веры. Но в реальной жизни мы все чаще становимся свидетелями людского озлобления, открытых конфликтов и даже кровопролития. Как все это соотносится с процессами духовного возрождения, говорить о котором считается едва ли не модой?

— Что бы ни происходило в стране, чтобы ни случилось с нами, ничто не должно бросать нас в отчаяние. Не надо роптать на жизнь, это крошечная ошибка человека. Важно глубже сосредоточиться на своем сознании, искать пути самоусовершенствования. Все жизненные перипетии возникают оттого, что люди утратили ведение жизни, презрели Закон Божий, как объяснение нашего бытия. А он первооснова жизни. Надо обратиться к духовным силам — вере, любви, без которых немислима разумная жизнь. Сегодняшнее неведение некоторых людей очевидно: во зло они видят добро, в добре — зло. Их заблуждение в наши дни налицо, оттого и наблюдаем мы кипение страстей и даже пролитую кровь. В такой ситуации открытие храмов и монастырей в нашем Отечестве и есть та надежда, которая приостановит распространение зла. Храмы и монастыри — это сущие очаги духовности, которые призваны воспитывать в людях уважение к Закону Божию, любовь к ближним.

Новая волна и светлая история восхождения россиян к духовному обновлению своей жизни началась в 1991 году. С их глаз будто спала пелена, улетучилось утопическое убеждение, в возможность достичь полного материального благополучия, ковать которое наш народ призвали столько прошедших лет. Люди стали понимать, что никакие материальные блага, которые нам обещали и которые сулят нам снова, не в состоянии удовлетворить и насытить души. Словно очнувшись, народ с жадой припал к Книге Жизни, к Священному Писанию, к учениям святых отцов Церкви, к житиям святых угодников, которые опять стали путеводной звездой в омраченном грехом мире. Появление разом уже не десятков, а сотен новых храмов, духовных училищ, а также монастырей и скитов, пусть и в неприглядном сегодня виде и состоянии, несомненно надо расценить как высшее чудо Божие, поистине торжество духа, ничем неугасимого в веках, как прекрасный огонь веры над тем мраком призрачного понимания жизни, которое царило в истекшем семидесятилетии.

— Атеистическая пропаганда, какой бы примитивной мы ее ни считали, сумела навязать стереотип монаха, живущего за счет других людей и при этом постоянно нарушающего проповедуемые заповеди. В иных, даже весьма неглупых, головах, укоренилось представление о монашестве, как о бесполезном сословии. Жизнь в монастыре, в понимании критиков, это пустопорожнее времяпрепровождение, ничего не дающее миру. Как Вы объясняете необходимость практического восстановления института монашества, какая роль в современном обществе отводится монастырю?

— Природа православного монашества совершенно особая, близкая к духу и жизни Святого Евангелия. Суть иноческой жизни заключается прежде всего в отречении от мира и всех дел его, от мира, лежащего во зле, то есть пребывающего в своих измененных страстях. Вот с чего, а не со стен и златоглавых куполов начинается монастырь. Если мир преследует одно — строительство, куплю, продажу, богатство и выгоду и более всего ценит суету, как идола, то монастырь — это совершенно другой мир, мир неземной, где иные, высшие цели жизни, где ведется строительство своей души, как храма Божия, где спасается она от греха, который разрушает ее и ведет к окончательной гибели.

Монаху требуется от мира совсем немного мирского, какой-то минимум. Он сознательно уходит от всякой роскоши, от избытка. Основная пища для него — небесная. Это истина и воля Божия. Инок строит, как архитектор, дом в основном духовный, как вечный, довольствуясь очень скромной обстановкой своей кельи. Смысл монашеской жизни в том, чтобы больше быть наедине с собою, а лучше и точнее сказать, наедине с Богом, как источником высшей и вечной жизни. Келья и молитва учат инока многому, открывают ему новый божественный мир жизни, который делает его действительно счастливым, если не самым счастливым на свете. Говорить, что монах не приносит пользы обществу, равносильно тому, если бы вы, восхищаясь плодами дерева, стали принижать значение корней. Иночество не следует понимать односторонне. За внешней отрешенностью от жизненных сует надо уметь видеть самое ценное и сокровенное — духовное горение души перед Богом, любовь и милосердие к ближним, что делает монаха достойным гражданином общества.

— Число монашествующих в различные исторические периоды было различным. Известно, например, что в дореволюционной России насчитывалось около 1050 православных обителей, а число их насельников составляло десятки тысяч. Существуют ли у Церкви представления о сегодняшних потребностях в инокках? Не угрожает ли нам избыток исповедующих самоотречение?

— Это надуманный страх. Напротив, предостойно много потрудиться, чтобы достичь того

состояния, что было разрушено революцией. Монастырей не стоит опасаться, они не могут вытеснить другие формы общежития. Отречься от мира дано не каждому. Род монашествующих — избранный, встать на этот путь тяжело. Самоотречение может произойти только по велению души, которой так или иначе неуютно в обыденном мире.

Сегодня мы стремимся восстановить то, что лежит в руинах, стараемся возвратиться к намолненным истокам, повторив подвиг праотцов, которые для нас являются светочами понимания жизни. Как огонь от огня, как свеча от свечи, взирая на многочисленные примеры святых отцов, мы пытаемся воплотить в себе их понимание веры. Испокон веков люди искали примера в жизни и, вслушиваясь, всматриваясь в окружающий мир, находили его в подвижниках веры, презревших материальные блага и нашедших покой в вечном смирении. Эти подвижники бежали от суеты мира в пустыни и дебри, становились отшельниками. Но мир всегда вспоминал о них и шел к ним, так как чувствовал в них внутреннюю силу. Мир видел, что самоотреченно посвятившие себя Богу люди переставали быть земными — не тот взгляд, не те суждения, не те поступки. И убеждался, что вечность начинается на земле. Так нарождалось монашество и зачинались монастыри. Истинная святость ушедшего от мира заключалась в смирении. Лишь только отшельник слышал о себе как о святом — это служило причиной нового раскаяния и бегства. А мир снова искал отшельника, потому что нуждался в духовной опоре. И в наши дни мир с удивлением вглядывается в инока, постоянно борющегося с собою, со своими страстями, как самым страшным злом. Существование рядом с греховным миром истинных праведников не только оправдывает самое бытие каждой обители, но и делает ее примерной, добрым светочем для окружающего мира. Число их будет таким, какое нужно самим людям.

— Сегодня не надо доказывать, что монастыри были хранителями национальной культуры. Вклад монашества в нее трудно переоценить. Это показывает, что жизнь монастыря не замыкалась в стенах, но оказывала сильное воздействие на мир через паломников. Что искали и что находили они в стенах иноческих обителей? Что привлечет их сегодня?

— Всюду на фоне многострадальной истории нашего Отечества впереди неизменно выступает в своем смиренном величии все тот же образ инока-подвижника, отца жизни духовной, насадителя добра, труда и нравственного объединителя народной жизни, связывающего свой народ нерасторжимыми духовными узами в одну теснослуженную семью. Поэтому столь высоко значение православных монастырей как носителей национальной культуры на Руси. Они совмещали в себе и университеты,

и библиотеки, и музеи, и художественные академии. При монастырях существовали школы и типографии, а значит, неугасимо теплился огонек национальной образованности. Не будет преувеличением сказать, что православные обители целые века руководили духовной жизнью народа, что они — камни в основании здания нашей российской культуры.

Чудотворные образы и мощи святых, хранившиеся в монастырях, привлекали к себе неисчислимые потоки богомольцев. Чтобы возродить полноценную духовную жизнь, мало восстановить внешнюю красоту поруганных стен, надо вернуть туда святых, веками почитавшихся нашим народом. Но главное, восстановить к ним благоговейное уважение, с каким относились к святыням раньше, с каким преклоняются перед ними истинно верующие люди. К сожалению, сегодня мы видим, что люди в своем большинстве часто лишены всякого представления о святоотеческой истории и не понимают значения примера для духовного воспитания и самоусовершенствования. А в этом как раз и заключается сокровенная особенность православной веры, которая всегда призывала руководствоваться в жизни деяниями угодников Божиих, несправедливо опороченных воинствующими атеистами. С возвращения в нашу жизнь светлых примеров, которые предстают перед нами в образе хранимых монастырями святынь, и надо начинать разговор о возрождении духовности всего народа.

Тем, кому дороги намолненные веками святыни, не надо объяснять, что монашествующие живут не ради себя. Их обособленность от мира заключается лишь в том, чтобы духовно созреть в самом себе, обрести необходимое совершенство для более полного служения миру, какое показал в земной жизни Спаситель. И в этом смысле нигде не найти человека более открытого и отзывчивого, чем монах.

Ищущий истины да знает: монастыри по своей духовной природе жизни являются поповедниками высшей христианской добродетели — милосердия к окружающему миру, из которого вышли иноки, отречьшись от него в целях нахождения совершенной и святой деятельности и прежде всего к делу милосердия, как самому очевидному факту духовного сознания жизни.

— Еще вчера казалось, что большинство российских монастырей никогда не возродятся в своем прежнем качестве, в том числе и те, что слыли в прошлом очагами духовности. А сегодня мы замечаем, что там снова затеплась жизнь, появились их истинные насельники — монашествующие...

— На сегодняшний день число вновь открытых храмов и монастырей превышает все ожидания людей. Уже почти в каждой епархии нашей Церкви появились монашеские обители, скиты и многочисленные приходские храмы,

где возрождается духовная жизнь людей, возрождается даже при самом трудном, а то и разрушенном состоянии этих мест и зданий, потерявших подчас свой благолепный первоначальный облик духовных святынь. Точную цифру действующих обителей ныне назвать затруднительно, не боясь впасть в ошибку. Их список пополнился с невероятной быстротой и несомненно увеличится к моменту выхода в свет вашего альманаха. Можно смело заявить о возобновлении 150 монастырей за последние два года.

Людей сейчас не столько печалит тяжелое физическое состояние церковных памятников, сколько более всего радует полная духовная свобода религиозной жизни. И верующие готовы на многое, на любые трудности ради восстановления дорогих ей реликвий. Восстанавливая разрушенные храмы и монастыри, люди находят в сем священном деле огромную духовную пользу, обучая себя добродетельной жизни, угодной Богу, спасительной для них самих и нужной, ценной для окружающего мира. В возрождении древних памятников — храмов и монастырей — я вижу нечто светлое и радостное, прекрасную пору для тех, кто узрел суть жизни и смысл свой в святости веры.

— Ваше преосвященство! Некогда Владимиро-Суздальская епархия считалась одной из самых богатых в России, превосходила многие как по числу приходов, так и по количеству действующих монастырей. Резиденция Владимирского владыки, как известно, занимала целый дворец, специально построенный в Рождественском монастыре, что в самом центре Владимира. Проходя ныне мимо его стен, мы видим рядом с мемориальной доской, сообщающей о погребении в этом монастыре благоверного князя Александра Невского, табличку с надписью «Комитет государственной безопасности». Надеетесь ли вы на полное восстановление исторической справедливости, на возвращение Церкви всего, что принадлежало ей по праву?

— Непростой вопрос, как кажется на первый взгляд: Справедливо требовать назад все, чего насильственным путем была лишена после революции отеческая Церковь — монастыри, храмы, иконы, богослужебные книги, драгоценную церковную утварь. Но при этом священнослужители и верующие должны сделать все возможное для их сбережения в веках. И меня глубоко печалит конфронтация с музеями, хранящими церковные реликвии или занимающими церковные здания, непримиримость позиций обеих сторон, что омрачает порой светлую радость укрепления веры, что перечеркивает все наши старания. Конечно, сотрудники музеев, реставраторы немало сделали и делают для материального сохранения наших общих духовных святынь. Но что ни говори, они не в состоянии обеспечить цер-

ковным реликвиям духовную жизнь, без которой те теряют всякий смысл. Значит, надо искать согласие, доброжелательно учитывая все мнения, если они продиктованы истинной заботой о конкретной святыне.

Меня обнадеживает, что в нашей епархии взаимоотношения с музеями строятся на все большем понимании друг друга. Мы договариваемся о совместном использовании храмов, представляющих историческую и художественную ценность всего нашего народа, получаем из музейных запасников старые иконы, когда их состояние не вызывает опасений специалистов. Желательно, чтобы процесс восстановления исторической справедливости, а он не сводится только к проблеме взаимопонимания с музеями, не останавливался, а постепенно развивался дальше. Убежден, что недолго ждать того времени, когда нам не надо будет апеллировать к светским властям. Они прозреют сами и без понуждения возвратят в храмы находившиеся там святыни, потому что поймут, для чего они существуют. И вернется православным не только оскверненный владимирский Рождественский монастырь, но и многочисленные храмы и монастыри всей земли Русской. Раз так, то сегодня нет насущней для нас задачи, нежели приближать этот радостный день, неустанно возводя внутренний храм души своей. Без этого невидимого труда всякая архитектура и живопись, даже самая изумительная, не более чем пустой звук. Храмы и монастыри должны войти в жизнь нашего народа как духовные оазисы, питающие всех, кто входит в их ограду и живет их таинствами.

— Не могли бы вы чуть подробнее сказать о возрождении монастырей вашей епархии?

— С отрадой готов сообщить вам, что на Владимиро-Суздальской земле ныне действуют уже 6 православных обителей — 3 мужских и 3 женских. Из мужских более всего известен Боголюбский монастырь близ Владимира, основанный на месте явления особо чтимой в наших краях Боголюбской иконы Божьей Матери, спрятанной ныне в стеклянной витрине городского музея. Теперь в Боголюбово устремляются не только автобусы с туристами, сюда идут алчущие истины и примера в богопослушной жизни иноков. Здесь пока только 8 насельников, среди них единственный в епархии схимник — схигумен Никодим. Открылся не так давно мужской Благовещенский монастырь в древнем Муроме, где подвизаются 5 монахов. А больше всего монашествующих у нас в возрождаемой Лукьяновой пустыни, что в нескольких километрах от районного города Александрова. Строения этой обители за многие безрадостные годы пришли в плачевное состояние, но на их восстановлении трудятся, исполняя монашеское послушание, 20 иноков.

Женские монастыри, как правило, превосходили мужские по числу пребывающих в них. Не исключение и наше время. В епархии вновь действует женский Успенский монастырь, разместившийся в исторических зданиях бывшей Александровой слободы. Очагом духовности становится также женский муромский Троицкий монастырь, где под водительством примерной и строгой игуменьи Товифы несут послушание 25 инокинь. И все убеждаются, какую полезную роль начинает играть эта обитель в жизни древнего города на Оке, как благотворно влияет она на муромцев. Особо заботит меня задача возрождения истинной духовной жизни в нашем удивительном Суздале. В дни церковных праздников здесь открыт теперь для верующих самый старый и самый большой Рождественский собор в кремле, который в иное время используется для музейного показа. Совсем недавно появились в Суздале пять наших монахинь, новых насельниц знаменитого историческим прошлым Покровского монастыря, по чьему-то неразумению едва не превращенному окончательно в постоялый двор для иностранцев.

Вокруг постепенно возобновляемых монастырей заметно оживляется народ. Люди хотят помогать им всем, чем могут. Ведь и монашеские, при всей своей отстраненности от мирских дел, не оторваны от временных напастей и невзгод, обрушившихся на наше государство, на его честных граждан. У Церкви тоже далеко не всегда достает средств на восстановительные и реставрационные работы, приходится экономить даже на весьма скромных повседневных нуждах монастырей. Но сильные верой никогда не ропщут, они упорно строят жизнь по своим правилам, вдохновляя слабых своим беззаветным примером. Люди видят, что духовность инока заключена в его поступках, его добрых делах — молитве, вере, любви и милосердии, ибо он прежде всего человек духа, который нарочито ушел от мира, но для мира. Несмотря на все наши нынешние заботы и трудности, монастыри призваны нести глубинное понимание духовности обществу, пребывающему в низменных страстях и грехах. Монашеский подвиг — святое мученичество, проливающее кровь в искоренение человеческого зла.

Покровский женский монастырь в Суздале.

Фото
В. Моница

The Convent of the Intercession in Suzdal. Photo by V. Monin

- Бог вам в помощь, владыка.
- Да хранит вас Господь.

1992

Вид Нико-
Перервинского
монастыря

View of the Nikolo-
Perervinsky
Monastery

Забытая Перерва

Легенды, связанные с основанием Нико-Перервинского монастыря, относят его основание к далекому прошлому. Но достоверно известно о нем с начала XVII столетия. Расположенная на берегу Москвы-реки, почти напротив бывшего села Коломенское, монашеская обитель получила свое название по местности, именуемой издревле Перервой. Речное русло, изгибающееся здесь замысловатой дугой, неоднократно перемещалось. Потоки воды то и дело переливались через низкую луговину, прерывая ее в разных направлениях. Их и называли перервами.

На протяжении трехсот лет стены небольшого монастыря видели многих выдающихся церковных деятелей. В Перерве закончил свою жизнь незговорчивый патриарх Адриан, недружелюбно настроенный против Петра I и его реформ. Об опальном патриархе напоминает Никольский соборный храм — сравнительно небольшая одноглавая постройка эпохи московского барокко. Недавно реставраторы вернули ей первоначальный вид, восстановили росписи в особой «золотой комнате» под колокольней... На рубеже следующего столетия в Перерве любил жить московский митрополит Платон, по-светски образованный человек с аристократическими привычками. В Перерву к Платону заезжали иногда из Коломенского императрица Екатерина II с внуками, будущими императорами Александром и Николаем Павловичами — митрополит считался их духовным учителем. В ту пору захудалая Перервинская обитель разбогатела, в ней поднялся роскошный митрополичий дво-

Колокольня
Никольской
церкви Нико-
Перервинского
монастыря

Belfry of the
Nikolskaya Church
at the Nikolo-
Perervinsky
Monastery

рец, а по периметру стен — корпуса, где размещалась духовная семинария.

Раньше о монастыре в Перерве был наслышан не только всякий москвич, но и приезжий люд. По всей первопрестольной стояли его часовни — у Серпуховских и у Калужских ворот, при въезде на Красную площадь. Это изумительной красоты шатровое сооружение, где сберегалась особо чтимая икона Иверской Богоматери, к огорчению нашему, давно стерто с лица земли. Та же печальная судьба постигла и другую перервинскую часовню, находившуюся при разрушенной Сухаревой башне.

Последней постройкой в самом Николе-Перервинском монастыре стал огромный Иверский собор, который кажется угрюмым без луковичных пяти глав. Их свергли вниз в бевсовском наваждении строители новой жизни. Вместо нее, как мы знаем, получилось полное убожество, и свалки мусора у стен захваченной грязным механическим заводиком бывшей православной обители наглядно символизировали достижения эпохи безверия.

Временное затмение, кажется, прошло. Стараниями нашего поколения забытая Перерва постепенно преобразуется. Здесь, как и прежде, затеплилась духовная жизнь. Подвижники объединились в общество, которое думает, как восстановить монастырь и его знаменитые часовни.

SUMMARY

Literary miscellany "The Monuments of Our Native Country" has been published by the All-Russia Society for the Protection of the Monuments of History and Culture beginning from 1980. Scientific and popular articles, essays and fiction, making the anthology, tell of Russian history, architecture and artistic heritage.

The issue offered for the readers consideration under the title "Monastery Daily Life" is devoted to the memory of an outstanding religious and political figure of St. Sergius of Radonezh, the 600th anniversary of whose death is being marked by decision of UNESCO. Russian saint Sergius of Radonezh (1319—1392) came down in history as the founder of the Trinity-Sergius Lavra near Moscow, one of the main spiritual centres of the Orthodoxy. He has also gone on record as the inspirer of Russian resistance against the Tatar-Mongol Yoke. His life became an example to follow for all Russian ascetics and for more than a hundred years served the moral education of the people and the progress of national enlightenment. Such was the opinion of the famous Russian historian Vassily Klyuchevsky, whose article opens the present anthology.

Russian religious philosophers of the late 19th—early 20th century can by right be regarded the spiritual successors of St. Sergius. Their writings reached their countrymen with great delay due to unfavourable historic situation in the country. The miscellany begins with a complete text of the article "The Trinity-Sergius Lavra and Russia" by priest Pavel Florensky, subjected to repression during the Stalin regime, while the section "Anthology" compiles articles and extracts from inaccessible up till recently books by such Russian thinkers dealing with the Russian Church and Russian religiosity as K. Leontyev, V. Solovyov, V. Rosanov, Ye. Trubetskoi, S. Bulgakov, L. Korsavin, G. Fedotov, N. Berdyayev and N. Ilyin.

St. Sergius referred to by the chroniclers as the Father-Superior of All Russia, nourished with his high spirituality several generations of monks and hermits. An article by a well-known religious writer Ignatius Bryanchaninov "On Monastic Feats", also appearing in the anthology and graphically explaining the meaning and purport of monkhood, will help to clearly understand the light emanating from the saint.

The pupils of St. Sergius have founded nearly 70 monasteries throughout Russia, still more hermitages appeared on the initiative of their followers. Stories about most famous Sergius's successors, introducing and propagating the Orthodoxy to various semi-pagan tribes inhabiting the northern and central reaches of Russia, make the section "From the root of St. Sergius". Such saints as Andronik and Theodore of Moscow, Sabbas Storozhevsky and Mefody Peshnoshsky, Dmitry Prilutsky, Paul Obnorsky, Kyrill of Belozersk and Ferapont of Mozhaisk promoted, in accordance with the teacher's behests, unification of separate tribes into a single Russian nation.

What is the life of a modern Orthodox monastery like today? Materials united in the section "Light from the Pechory" and originated from the same spiritual centre—the Pskovo-Pechersky Monastery—will exhaustively answer this question. Ideas of the canonical and artistic aspects of religious painting put forward by the leading icon painter of our time, Archimandrite Zenon will be extremely important for restoration of the early Russian traditions that were on the brink of disappearance some three centuries ago. Writer from Pskov Valentin Kurbatov will lead the readers, through his essay "The Heavenly Canvas", beyond the massive monastery walls to see and learn the daily life of monks. The same section offers a review of the collection of West-European painting collected at the monastery by its former Father-Superior, Archimandrite Alipiy.

Colourful louboks and engravings featuring well-known Russia's monasteries have adorned, in the past, almost every interior in this country. Brought home from pilgrimage they were carefully preserved like most precious relics. Now these pictures are stored at museum depositories. The material presented in the anthology gives a good idea of one of the similar collections, while the section "Lively Oils" acquaints the readers with artist Mikhail Nesterov and his canvasses, repeatedly depicting St. Sergius.

The "Archives" section combines the documents telling of the tragic period in the history of the Russian Church, which came as a result of reigning and militant atheistic ideology. We see here an essay by Vladimir Kozlov, based on original documents and narrating of how Bolsheviks opened the sepulchre with remains of the great Russian saint. The materials presented by the author include a protest by the Patriarch of Moscow Tikhon, addressed to Ulyanov-Lenin, Chairman of the Council of People's Commissars. Earlier unknown information is cited in the essay by Galina Zelinskaya, aiming to trace the destiny of the monks of the Moscow Monastery of St. Daniel, forced to leave their hermitage in 1930.

Over 150 Orthodox monasteries have been opened now that the interest in religious life have mounted in Russia. The section "Return", dealing with contemporary situation in the church life in this country, presents facts on the transfer of the remains of St. Seraphim of Sarov to the Diveyevo Convent near Arzamas, or on the restoration of unique ancient relics of the Boldin Monastery situated in the vicinity of Smolensk. The famous Optina Hermitage in the Kaluga Region, visited by the greats of Russian literature Nikolai Gogol, Leo Tolstoy and Feodor Dostoyevsky, deriving spiritual strength from there, is described as well.

Yevlogy, the Bishop of Vladimir and Suzdal and Chairman of the Holy Sinod Commission on Monastery Affairs, granted an interview to our correspondent, in which he dwelt on the prospects of all-round restoration of Russian monasteries and monastic life there.

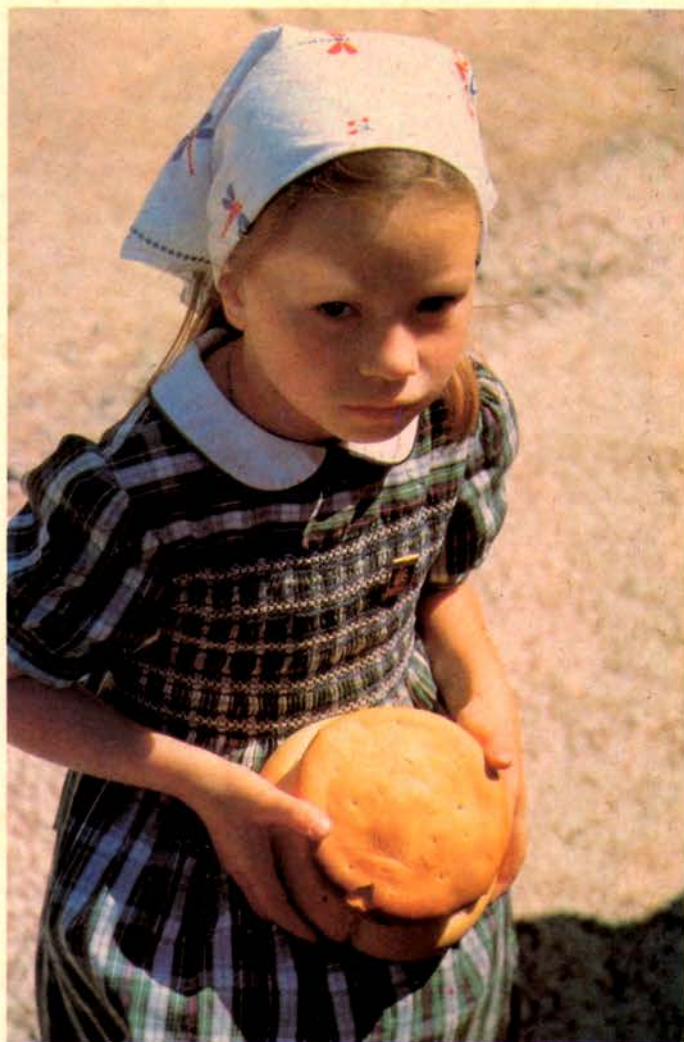

Фото
А. Миловского
Photo by
A. Milovsky

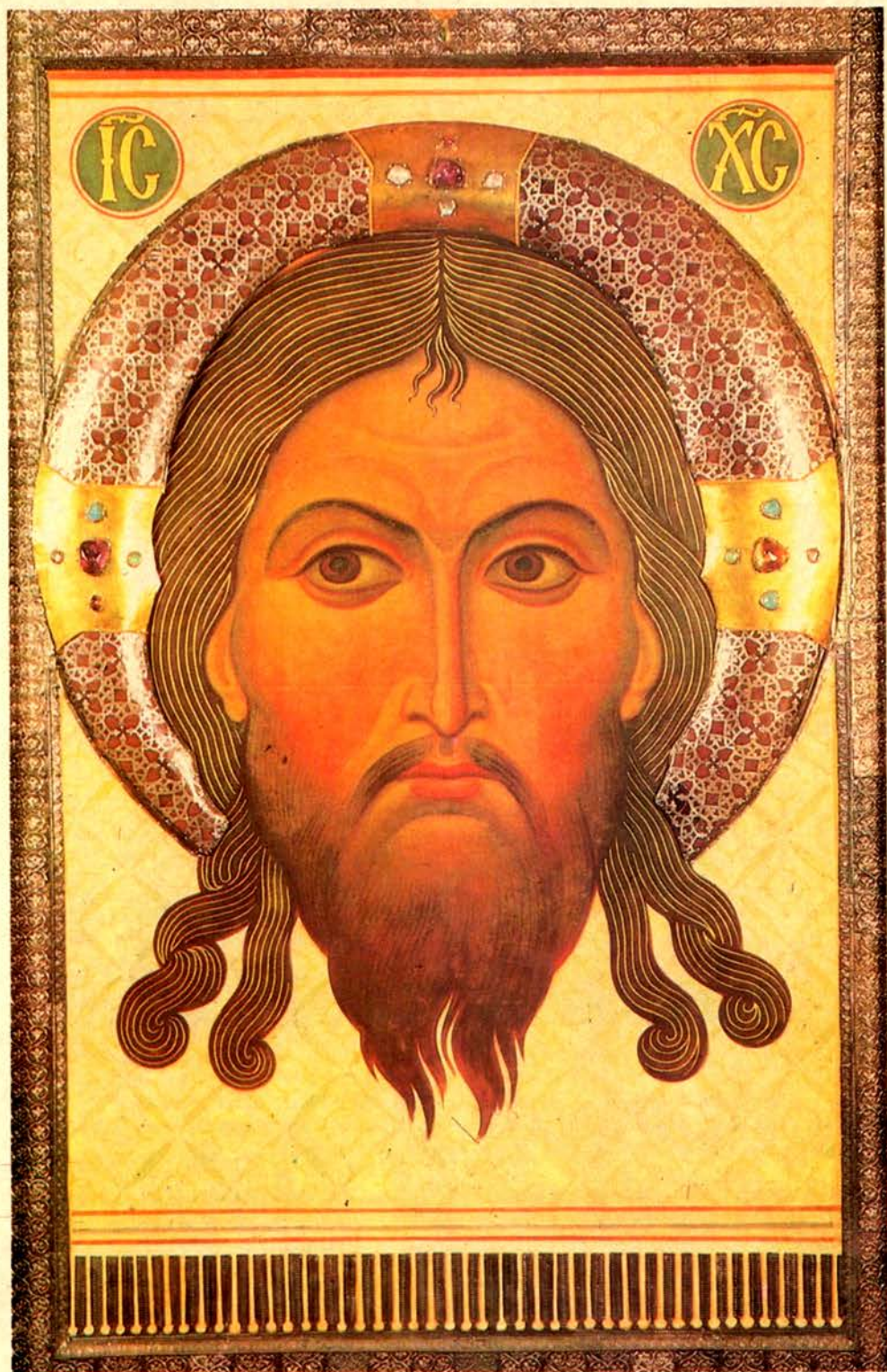
Следующий номер — о женщинах России. Эпиграфом к нему мы выбрали слова Петра Вяземского: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории».

Да, наша история была бы куда как беднее без княгини Ольги, без Марфы-Посадницы, без цариц XVIII века, без жен декабристов. Невозможно представить себе русскую культуру без Екатерины Дашковой, Софьи Ковалевской, без Марины Цветаевой и Зинаиды Серебряковой.

А сколько прекрасных произведений искусства создано поэтами и композиторами как признание в любви: «Я помню чудное мгновение...»

В женщине нашел опору Федор Достоевский; женские портреты составили славу русской живописи — от Левицкого до Петрова-Водкина...

Особый раздел номера будет посвящен уникальной публикации: переписке выдающихся политиков, писателей, поэтов с их возлюбленными и женами. Это — удивительный роман в письмах, который подтверждает вполне банальную мысль о том, что любовь побеждает смерть.

Спас
Нерукотворный. The Vernicle.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к читателям альманаха «Памятники Отечества»

—3—

В похвалу Сергию

Значение преподобного Сергия для русского народа и государства

—8—

Предвечный совет

—14—

Троице-Сергиева Лавра и Россия

—17—

О труде монаха

О существенном делании монаха

—31—

От корня Радонежского

Светильники Сергиевы
(преподобные Андроник Московский, Феодор, Мефодий Пешношский, Савва Сторожевский, Павел Обнорский и Сергей Нуромский, Димитрий Прилуцкий, Ферапонт Можайский, Кирилл Белозерский)

—41—

Свет из Печор

Икона в литургическом возрождении

—57—

Благодатная ткань
(Дневник паломника)

—64—

Дар Алипия

—71—

Музей

«Чувство расстояния»

—81—

Говорящие иконы

—86—

Краски живые

Одна у нас Русь

—95—

Русское зарубежье

Трудом славна сия обитель

—99—

Василий Ключевский

Павел Флоренский

*Епископ Игнатий
(Брянчанинов)*

*Диакон Матфей
(Кудрявцев)*

Архимандрит Зинон

Валентин Курбатов

Савелий Ямщиков

Олеся Туркина

Ольга Полякова

Владимир Малышев

<i>Владимир Козлов</i>	Архив Не погаснут лампы —105—
<i>Патриарх Тихон</i>	Письмо председателю Совета Народных Комиссаров —108—
<i>Галина Зеленская</i>	Несокрушимые духом (Судьбы насельников московского Данилова монастыря) —109—
	Антология Мыслители о русской церкви, о русской религиозности (А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Л. П. Кар- савин, С. Л. Франк, Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, Н. О. Лос- ский, И. А. Ильин) —121—
<i>Александр Горячев, Владимир Семин</i>	Грех... и Покаяние (Фоторассказ) —126—129—
<i>Виктор Титов</i>	«По обителям первопрестольной» (Фоторассказ) —76, 116—119, 184—185—
<i>Александр Миловский</i>	Возвращение «И послан бысть ко мне един от серафимов...» (Записки очевидца) —147—
<i>Надежда Павлович</i>	Оптина пустынь. Почему туда ездили великие? —156—
<i>Тамара Барсегян</i>	Наследие Нила —165—
<i>Александр Пономарев</i>	Там, где ветры пели панихиду —173—
<i>Алексей Тарунов</i>	Мир нуждается в отшельниках (Интервью с епископом Владимирским и Суздальским Евло- гием) —178—
	Резюме —186—

Monastery in the Vologda Region
Photo by A. Milovsky

На обложке: Монастырь летним вечером.
Фото Александра Миловского.

**Ваши надежные партнеры
в осуществлении научно-технических
разработок и бизнеса**

НТКЦ Байконур

МБП Сигма

**предприятия
Всероссийского Фонда культуры**

*Наша прибыль для возрождения
и развития
российской культуры*

Главный редактор С. Н. РАЗГОНОВ

Редакционный совет под председательством

И. В. Петрянова-Соколова

Редакция:

Т. А. Князева (заместитель главного редактора),
В. И. Ольшевский, Л. П. Смирнова,
С. А., Смирнов, А. М. Тарунов (ответственный
секретарь), *В. Н. Титов*

Макет *А. П. Сафонова*

Перевод *В. Л. Алешиной*

Адрес редакции: 103009, Москва,
Тверской бульвар, 16
Телефон: 291-55-84

Рукописи и фотоматериалы не рецензируются
и не возвращаются

Сдано в набор 29.09.92. Подп. в печ. 20.11.92.
Формат 70×108/16. Бумага шаберного мелована-
ния. Гарнитура обыкн. новая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 67,90. Уч.-изд. л.
21,32. Тираж 50 000 экз. Заказ 1317. С. 94.

П 0501000000—100 инд. 92
М—105 (03) 92

Издательство «Русская книга» Министерства
печати и информации Российской Федерации
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38
Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ISSN 0207-2203
C 2706

Handwritten scribble